ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АД

Божественная комедия. Ад

Данте Алигьери

Аннотация
Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад
Предисловие
Песнь I
Песнь II
Песнь III
Песнь IV
Песнь V
Песнь VI
Песнь VII
Песнь VIII
Песнь IX
Песнь X
Песнь XI
Песнь XII
Песнь XIII
Песнь XIV
Песнь XV
Песнь XVI
Песнь XVII
Песнь XVIII
Песнь XIX

Песнь XX
Песнь XXI
Песнь XXII
Песнь XXIII
Песнь XXIV
Песнь XXV
Песнь XXVI
Песнь XXVII
Песнь XXVIII
Песнь XXIX
Песнь XXX
Песнь XXXI
Песнь XXXII
Песнь XXXIII
Песнь XXXIV

Аннотация

«Божественная комедия. Ад» – первая часть шедевральной поэмы великого итальянского поэта эпохи Возрождения Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri, 1265 – 1321).*** Заблудившись в дремучем лесу, Данте встречает поэта Вергилия и отправляется с ним в путешествие по загробному миру. И начинается оно с девяти кругов Ада, где поэты встречают всевозможных грешников – обманщиков, воров, насильников, убийц и самоубийц, еретиков, скупцов, чревоугодников и прочих – среди которых узнают многих исторических фигур. Все они страдают от разных мук в зависимости от грехов, но самые страшные – в последнем, девятом кругу, где находятся предатели… Две другие части этого гениального произведения – «Чистилище» и «Рай». Данте Алигьери заслуженно называют «отцом итальянской литературы». Данное издание содержит уникальный редкий перевод Дмитрия Мина, выполненный в 1855 году.

Данте Алигьери
Божественная комедия
Ад

Перевел с италианского размером подлинника
Дмитрий Мин.
Москва
1855

Предисловие

Прошло более десяти лет с тех пор, как я впервые решился испытать свои силы в переводе *Divina Commedia* Данта Алигиери. Вначале я не имел намерения переводить ее вполне; но только в виде опыта перелагал на русский язык те места, которые, при чтении бессмертной поэмы, наиболее поражали меня своим величием. Мало-помалу, однако ж, по мере изучения *Divina Commedia*, и чувствуя, что был в силах преодолеть, по крайней мере отчасти, одну из важнейших преград в трудном деле — размер подлинника, я успел в течении двух лет окончить перевод первой части Дантовой Поэмы — Ада. Более нежели кто-нибудь сознавая всю слабость моего труда, я долго скрывал его под спудом, пока наконец ободрительные суждения друзей моих, которым читал я отрывки из своего перевода, а еще более необыкновенно-лестный отзыв г. профессора С. П. Шевырева заставили меня в 1841 г. в первый раз представить на суд публики с V песнию Ада, помещенною в том же году в Москвитянине. После того я напечатал еще отрывок в Современнике,

издававшемся г. Плетневым, и наконец, в 1849 году, XXI и XXII песни в Москвитянине.

Убедившись, что труд мой не совсем ничтожен и если не имеет в себе никаких особенных достоинств, то по крайней мере довольно близок к подлиннику, я теперь решаюсь вполне представить его на суд любителей и знатоков такого колоссального творения, какова *Divna Commedia* Данта Алигиери.

Считаю нужным сказать несколько слов о самом издании моего перевода.

Такой поэт, как Данте, отразивший в своем создании, как в зеркале, все идеи и верования своего времени, исполненный стольких отношений ко всем отраслям тогдашнего знания, не может быть понятен без объяснения множества намеков, в его поэме встречающихся: намеков исторических, богословских, философских, астрономических и т. д. Потому все лучшие издания Дантовой Поэмы, даже в Италии, и особенно в Германии, где изучение Данта сделалось почти всеобщим, всегда сопровождаются комментарием более или менее многосторонним. Но составление комментария дело чрезвычайно трудное: кроме глубокого изучения самого поэта, его языка, его воззрений на мир и человечество,

оно требует основательного знания истории века, этого в высшей степени замечательного времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и светскою властью. Кроме того, Данте есть поэт мистический; основную идею его поэмы различные комментаторы и переводчики понимают и объясняют различно.

Не имея столько обширных сведений, не изучив поэта до такой глубины, я никак не беру на себя обязанности, передавая слабую копию с бессмертного оригинала, быть в то же время и его истолкователем. Я ограничусь присоединением только тех объяснений, без которых читатель не знаток не в силах уразуметь создание в высшей степени самобытное, и, следственно, не в состоянии наслаждаться его красотами. Объяснения эти будут состоять большею частью в указаниях исторических, географических и некоторых других, касающихся до науки того времени, особенно астрономии, физики и натуральной истории. Главными руководителями в этом деле мне будут немецкие переводчики и толкователи: Карл Витте, Вагнер, Каннегиссер и в особенности Копишь и Филалетес (принц Іоанн Саксонский). Где нужно, я буду делать цитаты из Библии, сличая их с Вульгатою — источником, из которого Данте

черпал так обильно. Что касается до мистицизма Поэмы Дантовой, я приведу по возможности кратко только те объяснения, которые наиболее приняты, не вдаваясь ни в какие собственные предположения.

Наконец, большей части изданий и переводов Данта обыкновенно предшествуют жизнь поэта и история его времени. Как ни важны эти пособия для ясного уразумения дивно таинственного творения, я не могу в настоящее время присоединить их к изданию моего перевода; впрочем не отказываюсь и от этого труда, если бы интерес, возбужденный моим переводом, потребовал его от меня.

Вполне счастливым почту себя, если мой перевод, как ни бесцветен он перед недосягаемыми красотами подлинника, хотя на столько удержит за собою отблеск его величия, что в читателе, не наслаждавшемся красотами *Divina Commedia* в подлиннике, возбудит желание изучить ее в оригинале. Изучение же Данта для людей, любящих и постигающих изящное и великое, доставляет такое же наслаждение, как и чтение других поэтов-гениев: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людям, более меня сведущим, умел ли я удержать в моем переводе хотя

слабую искру того божественного огня, которым освещено гигантское здание, — та поэма, которую так удачно сравнил Филалетес с готическим собором, фантастически-причудливым в подробностях, дивно-прекрасным, величаво-торжественным в целом. Не страшусь строгого приговора ученой критики, уевшая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть бессмертного творения на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого. Но ужасаясь мысли, что дерзким подвигом оскорбил тень поэта, обращаюсь к ней его же словами:

Vagliami 'l lungo studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar lo tuo volume.

Inf. Cant I, 83–84.

Песнь I

Содержание. Уклонившись в глубоком сне с прямой дороги, Данте пробуждается в темном лесу, при слабом мерцании месяца идет далее и, перед дневным рассветом, достигает подошвы холма, которого вершина освещена восходящим солнцем. Отдохнув от усталости, поэт восходит на холм; но три чудовища – Барс с пестрою шкурою, голодный Лев и тощая Волчица, преграждают ему дорогу. Последняя до того устрашает Данта, что он уже готов возвратиться в лес, как внезапно появляется тень Виргилия. Данте умоляет ее о помощи. Виргилий, в утешение ему, предсказывает, что Волчица, там его испугавшая, скоро погибнет от Пса, и, для выведения его из темного леса, предлагает ему себя в вожатые в странствии его через Ад и Чистилище, прибавляя, что если он пожелает взойти потом на Небо, то найдет себе вожатую, стократ его достойнейшую. Данте принимает его

предложение и следует за ним.

1. В средине нашей жизненной дороги,[1]

Объятый сном, я в темный лес вступил,[2]

Путь истинный утратив в час тревоги.

4. Ах! тяжело сказать, как страшен был

Сей лес, столь дикий, столь густой и лютый,[3]

Что в мыслях он мой страх возобновил.[4]

7. И смерть лишь малым горше этой смуты![5]

---

[1] Примечания: 1

По словам монаха Гилария, Данте начал писать свою поэму по латыне. Первые три стиха были следующие:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo,

Spiritibus quae lata patent, quae praemia solvuut

Pro meritis cuicunque suis (data lege tonantis). —

«In dimidio dierum meorum vadam adportas infori.» Vulgat. Biblia.

В средине н. ж. дороги, т. е. на 35 году жизни, — возраст, который Данте в своем Convito называет вершиною человеческой жизни. По общему мнению, Данте родился в 1265: стало быть, 35 лет ему было в 1300 г.; но, сверх того, из XXI песни Ада видно, что Данте предполагает начало своего странствия в 1300, во время юбилея, объявленного папою Бонифацием VIII, на страстной неделе в великую пятницу, — в год,

когда ему сравнялось 35 лет, хотя его поэма написана гораздо позже; потому все происшествия, случившиеся позже этого года, приводятся как предсказания.

[2] Примечания: 2

Темный лес, по обыкновенному толкованию почти всех комментаторов, означает человеческую жизнь вообще, а в отношении к поэту — его собственную жизнь в особенности, т. е. жизнь, исполненную заблуждений, обуреваемую страстями. Другие под именем леса разумеют политическое состояние Флоренции того времени, (которую Данте называет *trista selva,* Чист. XIV, 64), и, соединяя все символы этой мистической песни во едино, дают ей политическое значение. Вот напр. как граф Пертикари (Apolog. di Dante. Vol. II, p. 2: fec. 38: 386 della Proposta) объясняет эту песнь: в 1300 г., на 35 году жизни, Данте, избранный в приоры Флоренции, скоро убедился среди смут, интриг и неистовств партий, что истинный путь к общественному благу потерян, и что сам он находится в *темном лесу* бедствия и изгнания. Когда же он пытался взойти на *холмы,* вершину государственного счастья, ему представились непреодолимые препятствия со стороны родного его города *(Барса с пестрою шкурою),* гордости и честолюбия французского короля Филиппа Прекрасного и брата его Карла Валуа *(Льва),* и корысти и честолюбивых замыслов папы Бонифация VIII *(Волчицы).* Тогда, предавшись своему поэтическому влечению и возложив всю надежду на воинские дарования Карла Великого, сеньора веронского (*Пса*), написал он свою поэму, где, при содействии духовного созерцания *(donna gentile),* небесного просветления *(Лучии)* и богословия (*Беатриче),* руководимый разумом, мудростью человеческою, олицетворенною в поэзии *(Виргилием),* проходить он места наказания, очищения и награды, наказуя таким образом пороки, утешая и исправляя слабости и награждая добродетель погружением в созерцание высшего блага. Из этого видно, что конечная цель поэмы — призвать нацию порочную,

раздираемую раздорами, к единству политическому, нравственному и религиозному.

[3] Примечания: 3

Лютый — эпитет не свойственный лесу; но как лес имеет здесь значение мистическое и означает, по одним, жизнь человеческую, по другим — Флоренцию, волнуемую раздорами партий, то это выражение, думаю, не совсем покажется неуместным.

[4] Примечания: 4

Данте избежал этой жизни, исполненной страстей и заблуждений, особенно раздоров партии, в которые он должен был вдаться как правитель Флоренции; но жизнь эта была так ужасна, что воспоминание об ней снова рождает в нем ужас.

[5] Примечания: 5

В подлиннике: «Так горек он (лес), что смерть немногим боле.» — Вечно-горький мир (Io mondo senia fine amaro) есть ад (Рая XVII. 112). — «Как вещественная смерть уничтожает наше земное существование, так смерть нравственная лишает нас ясного сознания, свободного проявления нашей воли, а потому нравственная смерть немного лучше самой смерти вещественной». Штрекфусс.

Но чтоб сказать о благости небес,

Все расскажу, что видел в те минуты.[6]

10. И сам не знаю, как вошел я в лес:

В такой глубокий сон я погрузился[7]

В тот миг, когда путь истинный исчез.

13. Когда ж вблизи холма я пробудился,[8]

Где той юдоли положен предел,[9]

В которой ужас в сердце мне вселился, —

16. Я, вверх взглянув, главу холма узрел

В лучах планеты, что прямой дорогой[10]

---

[6] Примечания: 6

О тех видениях, о которых говорит поэт от 31–64 стиха.

[7] Примечания: 7

Сон означает, с одной стороны, человеческую слабость, потемнение внутреннего света, недостаток самопознания, одним словом — усыпление духа; с другой стороны — сон есть переход к духовному миру (См. Ада III, 136).

[8] Примечания: 8

Холм, по объяснению большей части комментаторов, означает добродетель, по другим восхождение к высшему благу. В подлиннике Данте пробуждается у подошвы холма; *подошва холма* — начало спасения, та минута, когда в душе нашей возникает спасительное сомнение, роковая мысль, что путь, по которому мы шли до этой минуты, ложен.

[9] Примечания: 9

Пределы юдоли. Юдоль есть временное поприще жизни, которое мы обыкновенно называем юдолию слез и бедствий. Из XX песни Ада, ст. 127–130, видно, что в этой юдоли путеводным светом поэту служило мерцание месяца. Месяц означает слабый свет человеческой мудрости. Копишь.

[10] Примечания: 10

Планета, ведущая людей прямой дорогой, есть солнце, которое, по системе Птоломеевой, принадлежит к планетам. Солнце имеет здесь не только значение материального светила, но, в противоположность месяцу (философия), есть полное, непосредственное познание, божественное вдохновение. Копишь.

Ведет людей к свершенью добрых дел.

19. Тогда на время смолк мой страх, так много.
Над морем сердца бушевавший в ночь,
Что протекла с толикою тревогой.[11]

22. И как успевши бурю превозмочь,
Ступив чуть дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей не сводит прочь:

25. Так я, в душе еще со страхом споря,
Взглянул назад и взор вперил туда,[12]
Где из живых никто не шел без горя.

28. И отдохнув в пустыне от труда,
Я вновь пошел, и мой оплот опорный

---

[11] Примечания: 11

Даже отблеск божественного познания уже в состоянии уменьшить в нас отчасти ложный страх земной юдоли; но вполне он исчезает только тогда, как мы совершенно исполнима страхом Господним, как Беатриче (Ада II, 82–93). Копишь.

[12] Примечания: 12

Т. е. взглянул в темный лес и эту юдоль бедствий, в которой оставаться значить умереть нравственно.

В ноге, стоящей ниже, был всегда.[13]

31. И вот, почти в начале крути горной,

Покрытый пестрой шкурою, кружась,

Несется Барс и легкий и проворный.[14]

34. Чудовище не убегало с глаз;

Но до того мне путь мой преграждало,

Что вниз сбежать я помышлял не раз.

37. Уж день светал, и солнце в путь вступало

С толпою звезд, как в миг, когда оно

Вдруг от любви божественной прияло

40. Свой первый ход, красой озарено;[15]

---

[13] Примечания: 13

При восхождении, нога, на которую мы опираемся, всегда стоит ниже. «Восходя от низшего к высшему, мы подаемся вперед медленно, только шаг за шагом, только тогда, как твердо и верно встанем на низшее: восхождение духовное подлежит тем же законам, как и телесное.» Штрекфусс.

[14] Примечания: 14

Барс (uncia, leuncia, lynx, catus pardus Окена), по толкованию старинных комментаторов, означает сладострастие, Лев — гордость или властолюбие, Волчица — корысть и скупость; другие, особенно новейшие, видят в Барсе Флоренцию и Гвельфов, во Льве — Францию и в особенности Карла Валуа, в Волчице — папу или римскую курию, и, согласно с этим, дают всей первой песни смысл чисто-политический. По объяснению Каннегиссера, Барс, Лев и Волчица означают три степени чувственности, нравственной порчи людей: Барс есть

пробуждающаяся чувственность, на что указывают его быстрота и проворство, пестрая шкура и неотвязчивость; Лев есть чувственность уже пробудившаяся, преобладающая и не скрываемая, требующая удовлетворения: потому он изображен с величавою (в подлиннике: поднятой) головою, голодный, злой до того, что воздух вокруг него содрогается; наконец, Волчица — образ тех, которые вполне предались греху, почему и сказано, что она многим уже была отравой жизни, потому и Данта она совершенно лишает спокойствия и всечасно более и более вгоняет в юдоль нравственной смерти.

[15] Примечания: 15

В этой терцине определяется время странствия поэта. Оно, как сказано выше, началось в великую пятницу на страстной неделе, или 25 марта: стало быть, около весеннего равноденствия. Впрочем, Филалетес, основываясь на XXI песни Ада, полагает, что странствие свое Данте начал 4 апреля. — *Божественная любовь*, по представлению Данта, есть причина движения тел небесных. — *Толпою звезд* обозначается созвездие Овна, в которое в это время вступает солнце.

И все надеждою тогда мне льстило:
Животного роскошное руно,

43. Час утренний и юное светило.[16]
Но снова страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев, представший с гордой силой.[17]

46. Он на меня, казалось, выходил,
Голодный, злой, с главою величавой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил.

49. Он шел с Волчицей, тощей и лукавой,[18]
Что, в худобе полна желаний всех,
Для многих в жизни сей была отравой.

---

[16] Примечания: 16

Поэт, оживленный сиянием солнца и временем года (весною), надеется умертвить Барса и похитить его пеструю шкуру. Если Барс означает Флоренцию, то спокойное состояние этого города весною 1300 г., когда партии Белых и Черных находились между собою в совершенном, по-видимому, согласия, действительно могло родить в поверхностном наблюдателе событий некоторую надежду на продолжительность мира. Но это спокойствие было только кажущееся.

[17] Примечания: 17

Как символ Франция, которая «потемняет весь христианский мир» (Чист. XX, 44), Лев представляет здесь насилие, ужасающую вещественную силу.

[18] Примечания: 18

Волка Писания Данте превратил в волчицу (lupa) и тем еще жестче очертил алчность римской курии (если ее должно разуметь под име-

нем Волчицы), ибо lupa в латинском языке имеет еще другое значение. Вся поэма Данта направлена против римской курии (Ада VII, 33 и след., XIX, 1–6 и 90-117, XXVII, 70 и след.; Чист. XVI, 100 и дал., XIX, 97 и д., XXXII, 103–160; Рая IX, 125 и д., XII, 88 и д., XV, 142, XVII, 50 и д., XVIII, 118–136, XXI, 125–142, XXII, 76, и д., XXVII, 19 126).

52. Она являла столько мне помех,
Что, устрашен наружностью суровой,
Терял надежду я взойти наверх.

55. И как скупец, копить всегда готовый,
Когда придет утраты страшный час,
Грустит и плачет с каждой мыслью новой:

58. Так зверь во мне спокойствие потряс,
И, идя мне на встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где солнца луч угас.

61. Пока стремглав я падал в мрак ужасный,
Глазам моим предстал нежданный друг,
От долгого молчания безгласный.[19]

64. «Помилуй ты меня!» вскричал я

[19] Примечания: 19
Безгласный, в подлиннике: *fioco,* охриплый. Это искусный намек на равнодушие современников Данта к изучению творений Виргилия.

вдруг,[20]

Когда узрел его в пустынном поле,

«О кто б ты ни был: человек, иль дух?»

67. И он: «Я дух, не человек я боле;

Родителей Ломбардцев я имел,[21]

Но в Мантуе рожденных в бедной доле.

70. Sub Julio я поздно свет узрел,[22]

И в Риме жил в век Августов счастливый;

Во дни богов в лжеверье я коснел.[23]

73. Я был поэт, и мной воспет правдивый

Анхизов сын, воздвигший новый град,

---

[20] Примечания: 20

В подлиннике: *Miserere de me,* и есть воззвание не к одному Виргилию, но и к божественной благости. У подошвы горы Чистилища души насильственно убиенных поют то же. (Чист. V, 24.)

[21] Примечания: 21

68. Виргилий родился в местечке Андес, нынешней деревушке Банде, иначе Пьетоле, близ Мантуи, на Минчио. Отец его, по одним известиям, был земледелец, по другим — горшечник.

[22] Примечания: 22

Он родился в 684 г. от постр. Рама, за 70 лет до Р. Х, при консулах М. Лициние Крассе и Кн. Помпее Великом, в октябрьские иды, что, по нынешнему календарю, соответствует 15 октября. — Виргилий, поэт Римской империи (princeps poetarum), говоря, что он родился при Юлии Цезаре, хочет этим прославить имя его: на Цезаря Данте смотрит как на представителя Римской империи; изменившие Цезарю, Брут и

Кассий, наказуются у него жестокою казнью (Ада XXXIV, 55–67). — *Sub Julio* есть одно из тех латинских выражений, которых так много встречается в поэме Данта, по общему обыкновению не только поэтов, и прозаиков того времени.

[23] Примечания: 23

Этими словами Виргилий, кажется, хочет оправдаться в своем язычестве.

Когда сожжен был Илион кичливый.

76. Но ты зачем бежишь в сей мрак назад?

Что не спешишь на радостные горы,

К началу и причине всех отрад?[24]»

79. – «О, ты ль Виргилий, тот поток, который

Рекой широкой катит волны слов?»

Я отвечал, склонив стыдливо взоры.[25]

82. «О дивный свет, о честь других певцов!

Будь благ ко мне за долгое ученье

И за любовь к красе твоих стихов.

---

[24] Примечания: 24

Виргилий спрашивает, почему Данте, будучи христианином, не спешить на путь истинный, ведущий на счастливую гору или холм? — Данте, не отвечав ему на это, изливается одушевленною похвалою поэту. Этим, кажется, выражено желание поэта, испытавшего скорби жизни, найти утешение в поэзии.

[25] Примечания: 25

Виргилий в средние века был в большом уважении: простой народ смотрел на него как на чародея и прорицателя, энтузиасты как на полухристианина, чему поводом служила, кроме славы его, перешедшей от древности, его знаменитая четвертая эклога. Он был любимый поэт Данта, долго научавшего и ценившего его необыкновенно высоко, как видно из многих мест его поэмы. Впрочем, Дантов Виргилий есть не только любимый его поэт, но и символ человеческой мудрости, знания, вообще философии, в противоположность Беатриче, которая, как мы

увидим в своем месте, олицетворяет собою мудрость божественную — Богословие.

85. Ты автор мой, наставник в песнопенье;

Ты был один, у коего я взял

Прекрасный стиль, снискавший мне хваленье.[26]

88. Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал....

Спаси меня, о мудрый, в сей долине....

Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал.

91. – «Держать ты должен путь другой отныне,»

Он отвечал, увидев скорбь мою,

«Коль умереть не хочешь здесь в пустыне.

94. Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,

В пути своем других не пропускает,

Но, путь пресекши, губит всех в бою.

97. И свойством он столь вредным об-

[26] Примечания: 26

Т. е. стиль италиянский. Данте уже прославился своею Vita Nuova и стихотворениями (Rime).

ладает,

Что, в алчности ничем не утолен,

Вслед за едой еще сильней толкает.

100. Он с множеством животных сопряжен,

И с многими еще совокупится;

Но близок Пес, пред кем издохнет он.[27]

103. Не медь с землей Псу в пищу обратится,[28]

Но добродетель, мудрость и любовь;

Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится.[29]

106. Италию рабу спасет он вновь,[30]

---

[27] Примечания: 27

Под именем Пса (в подлиннике: борзаго — veltro) большая часть комментаторов разумеют Кана Гранде (Великого) делла Скала, властителя Вероны, благородного юношу, оплот Гибеллинов и впоследствии представителя Императора в Италии, на которого Данте и его партия возлагали большие надежды, но который в то время, как надежды Данта начали осуществляться, скончался в 1329 на 40 г. жизни. Но так как Кан родился в 1290, а в 1300, в год странствия Данта в замогильном мире, был 10 лет, то должно думать, что Данте это предсказание об нем вставил впоследствии, или совершенно переделал начало поэмы. *Troya* (Veltro allegorlco di Dante. Fir. 1826) в этом Псе видят Угуччионе делла Фаджиола, предводителя войск Кановых, того самого, которому он посвятил свой Ад (Кану посвящен Рай), и который еще ранее 1300 и до 1308, когда Кан был еще малолетен, восстал за Гибеллинов в Романья

и Тоскане против Гвельфов и светской власти пап. Как бы то ни было, Данте скрыл ими того, кого должно разуметь под символом Пса: может быть, состояние политических дел того времени требовало этого.

[28] Примечания: 28

Медь здесь употреблена вместо металла вообще, как в подлиннике: peltro (по Лат. peltrum), смесь олова с серебром, вместо серебра или золота. Смысл тот: он не прельстится приобретением владений (земли), или богатств, но добродетелью, мудростью и любовью.

[29] Примечания: 29

Меж Фельтро и меж Фельтро. Если разуметь под именем Пса Кана Великого, то этим стихом определяются его владения: вся Марка Тривиджиана, где находится город Фельтре, и вся Романья, где гора Фельтре: стало быть, вся Ломбардиа.

[30] Примечания: 30

В подлиннике: umile Italia. Кажется, Данте подражал здесь Виргилию, который в 3 песни Энеиды сказал: humllemque videmus Italiam.

В честь коей дева умерла Камилла,
Турн, Эвриад и Низ пролили кровь.

109. Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь ее не заключит в аду,
Откуда зависть в мир ее пустила.[31]

113. Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною; в область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

115. Услышишь скорбь отчаянную, злую;[32]
Сонм древних душ увидишь в той стране,
Вотще зовущих смерть себе вторую.

118. Узришь и тих, которые в огне[33]
Живут надеждою, что к эмпирею

---

[31] Примечания: 31
«Invidia autem diaboli mors introivit in orbem terrarum.» Vulg.

[32] Примечания: 32
Души великих мужей древности, содержащиеся, по понятиям Католической Церкви, в преддверии Ада или Лимбе и не спасенные крещением. Они умерли телом, но желают второй смерти, т. е. уничтожения души.

[33] Примечания: 33
Души в Чистилище.

Когда-нибудь взнесутся и они.

121. Но в эмпиреи я ввесть тебя не смею:

Там есть душа достойнее стократ;[34]

Я, разлучась, тебя оставлю с нею.

124. Зане Монарх, чью власть как супостат[35]

Я не познал, мне ныне воспрещает

Ввести тебя в Его священный град.[36]

127. Он Царь везде, но там Он управляет:[37]

Там град Его и неприступный свет;

О счастлив тот, кто в град Его вступает!»

---

[34] Примечания: 34

Намек на Беатриче, являющуюся Данту в земном раю (Чист. XXX) и ведущую его на небо.

[35] Примечания: 35

В подлиннике: Imperadore. Император, как высший судья на земле, поэту кажется достойнейшим подобием Высшего Судьи на небе.

[36] Примечания: 36

Бог не хочет, чтобы разумом человеческим (Виргилием) достигали высшего небесного блаженства, которое есть дар свыше. Копишь.

[37] Примечания: 37

По представлению Данта, могущество Божье господствует всюду, но престол Его в высшем небе (эмпирее), в котором другие девять кругов неба вращаются около земли, составляющей, согласно с системой

Птоломея, средоточие вселенной.

130. И я: «Молю я сам тебя, поэт,

Тем Господом, Его ж ты не прославил, —

Да избегу и сих и горших бед,[38] —

133. Веди в тот край, куда ты путь направил:

И вознесусь к вратам Петра святым,[39]

И тех узрю, чью скорбь ты мне представил».

136. Здесь он пошел, и я во след за ним.

---

[38] Примечания: 38

Горших бед, т. е. ада, чрез который я пойду.

[39] Примечания: 39

Святые врата Петровы — врата, описанные в Чист. IX, 76. Скорбящие — обитатели ада.

Песнь II

Содержание. Наступает вечер. Данте, призвав муз в помощь, повествует, как в самом начале странствия родилось сомнение в душе его: достаточно ли в нем сил для смелого подвига. Вергилий укоряет Данта за малодушие и, ободряя на подвиг, объясняет ему причину своего пришествия: как, в преддверии ада, явилась ему Беатриче и как умоляла его спасти погибавшего. Ободренный этою вестью, Данте воспринимает свое первое намерение, и оба странника шествуют в предназначенный путь.

1. День отходил и сумрак пал в долины,[40]

Всем на земле дозволив отдохнуть

От их трудов; лишь я один единый

4. Готовился на брань – в опасный путь,

На труд, на скорбь, о чем рассказ прав-

---

[40] Примечания: 40
Вечер 25 Марта, или, по Филалетесу, 8 Апреля.

дивый

Из памяти дерзаю почерпнуть.

7. О высший дух, о музы, к вам призывы!

О гений, все, что зрел я, опиши,

Да явится полет твой горделивый!

10. Я начал так: «Всю мощь моей души

Сперва измерь, поэт-путеводитель;

Потом со мной в отважный путь спеши.[41]

13. Ты говорил, что Сильвиев родитель,[42]

Еще живой и тленный, низходил

Свидетелем в подземную обитель.

16. Но если жребий так ему судил,

То вспомнив, сколько приобрел он сла-

---

[41] Примечания: 41

В колебаниях разума проходит целый день; наступает ночь и с нею новые сомнения: решимость, возбужденная разумом, исчезла, а вера колеблется. Данте спрашивает себя: способен ли он свершить отважный подвиг?

[42] Примечания: 42

Эней, сын Венеры и Анхиза, отец Сильвия от Лавинии, руководимый Сивиллою кумскою, нисходил в тартар (Энемды VI) для того, чтобы узнать от тени отца своего, Анхиза, каким образом он возможет одержать победу над Турном, царем Рутулов.

вы

И кто сей муж я как правдив он был, —

19. Почтет его достойным разум здравый:

Он избран был, чтоб некогда создать

Великий Рим и быть отцом державы, —

22. Державы той, где – подлинно сказать – *[43]

Престол священный сам Господь поставил

Наместникам Петровым восседать.

25. В сем странствии – ты им его прославил —

Узнал он путь к победе над врагом

И тем тиару папам предоставил.

28……

……

……

---

[43] Примечания: 43

Подлинно сказать — намек на то, что дух гибеллинский побуждает его скрыть истину, или сказать противное. Лонбарди.

31. Но мне ль идти? кто дал мне позволенье?

34. И так, коль дерзкий подвиг сотворю,
Страшусь, в безумие он мне вменится.
Мудрец, ясней поймешь, чем говорю».

37. Как тот, кто хочет, но начат страшится,
Полн новых дум, меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что хотел решиться:

40. Так я томился в мрачной дебри той,
И мысль свою, обдумав, кинул снова,
Хоть предан был вначале ей одной.

43. «Коль я проник вполне в значенье слова,»
Великодушного сказала тень,
«Твоя душа познать боязнь готова.

46. Боязнь людей отводит каждый день
От честных подвигов, как призрак ложный
Страшит коня, когда ложится тень.

49. Но выслушай – и страх рассей тревожный, —

Что моего пришествия вина

И что открыл мне жребий непреложный.

52. Я с теми был, чья участь не полна;[44]

Там, слыша голос Вестницы прекрасной,[45]

Я вопросил: что повелит она?

55. Светлей звезды в очах горел луч ясный,[46]

И тихим, стройным языком в ответ

Она рекла как ангел сладкогласный:

---

[44] Примечания: 44

Т. е. в Лимбе, где помещены великие мужи древности (см. прим. к Ад. I, 115). — *Чья участь не полна,* в подлиннике: che son sospesi. Язычники, заключенные в Лимбе, остаются в сомнении на счет окончательной своей участи; они находятся в среднем состоянии между мукой и блаженством и ждут страшного суда (Ада IV, 31–45, и Чист. III, 40 и д.).

[45] Примечания: 45

Вестница прекрасная (в подл. donna beata e bella) — Беатриче, символ божественного учения, богословия (см. ниже ст. 70, примеч.). — «Божественное учение нисходит к томящемуся, некогда Бога не послушавшему человеческому разуму для того, чтобы он исполнил истинное свое назначение — руководить человеком.» Копишь.

[46] Примечания: 46

Под именем *звезды* здесь разумеется солнце, названное по преимуще-

ству звездою (Даниелло, Ландино, Веллутено и др.). Небесная мудрость в Библии нередко сравнивается с солнцем; так об ней в Кн. Премудр. VII, 39, сказано: «Есть бо сия благолепнее солнца и паче всякого расположения звезд, свету соравняема обретается первая».

58. «О Мантуи приветливый поэт,

Чья слава свет наполнила далеко

И будет в нем, пока продлится свет![47]

61. Любимец мой, но не любимец рока,

Препону встретил на брегу пустом

И вспять бежит испуганный жестоко.

64. И я страшусь: так сбился он на нем,

Что уж не поздно ль я пришла с спасеньем,

Как в небесах была мне весть о том.

67. Подвигнись в путь и мудрым убежденьем

Все для его спасенья уготовь:

Избавь его и будь мне утешеньем,

---

[47] Примечания: 47

Лоха продлится свет. Я следовал здесь тексту манускриптов нидобеатинскому, библиотек Корсини, Киджи и др., которому следует Ломбарди и Вагнер (Il Parnasso Ilaliano), где: quanto 'I mondo (в других: moto) lontana*

70. Я, Беатриче, умоляю вновь.....[48]

.....

.....

73. Там, пред моим Владыкой, с состраданьем,

Поэт, я часто похвалюсь тобой».

Умолкла тут, я начал я воззваньем

76. «О благодать, которою одной

Наш смертный род превысил все творенья

Под небом, что свершает круг меньшой![49]

79. Так сладостны твои мне повеленья,

---

[48] Примечания: 48

Беатриче, дочь богатого флорентинского гражданина Фолько Портинари, с которою Данте, еще на 9 году своей жизни, встретился впервые в первый день Мая 1274. По обычаю того времени, первое число Мая праздновалось песнями, плясками и гуляньем. Фольсо Портинари пригласил к себе на праздник своего соседа и друга, Аллигиеро Аллигиери, отца Дантова, со всем семейством. Тогда, во время детских игр, Данте влюбился страстно в восьмилетнюю дочь Фолько Портинари, впрочем так, что Беатриче никогда не узнала о его любви. Таково повествование Боккаччио о любви Данта, — повествование, может быть, несколько украшенное поэтическими вымыслами. Впрочем, Данте и сам рассказал о любви своей в сонетах и канзонах (Rime) и в особенности в своей Vita Nuova. Беатриче, вышедшая впоследствии за муж, скончалась в 1290 на 26 году. Не смотря на то, что чувство первой любви Данте сохранил во всю жизнь, он вскоре по смерти Беатриче женился на Джемме Донати и имел от ней шесть сыновей и одну дочь.

Он не был счастлив в супружестве и даже развелся с женою. — Под символом Беатриче, как мы неоднократно говорили, Данте разумеет богословие, любимейшую науку его времени, — науку, которую он глубоко изучал в Болоньи, Падове и Париже.

[49] Примечания: 49

Поди небом, что свершает м. круг. Здесь разумеется луна, которая, принадлежа к планетам в системе птоломеевой, вращается ближе всех прочих светил к земле и, стало быть, свершает меньший круг (см. примеч. к Ад. I, 127). Смысл тот: человек божественным учением превышает все создания, находящиеся в подлунном мире.

Что я готов немедля их свершить;
Не повторяй же своего моленья.

82. Но объясни: как можешь нисходить
Без трепета в всемирную средину[50]
От горних стран, куда горишь парить?» —

85. – «Когда желаешь знать тому причину,»
Она рекла, «короткий дам ответ,
Почто без страха к вам схожу в пучину.

88. Страшиться должно лишь того, что вред
Наносит нам: какой же страх бесплодный,
Как не боязнь того, в чем страха нет?[51]

---

[50] Примечания: 50

Всемирная средина (в подлиннике: in queeto centro). Земля (см. примеч. к Аду I, 127), по Птоломею, находится в средине вселенной. Дантов ад помещается внутри земли, как мы увидим ниже: стало быть, составляет, по его понятиям, настоящий центр всего мира.

[51] Примечания: 51

Только тогда не ощущаем мы страха не только пред ужасами земными, но и адскими, когда, как Беатриче, проникнуты мудростью божественной, страхом Господним. (См. примеч. Ад. I, 19–21).

91. Так создана я благостью Господней,
Что ваша скорбь меня не тяготит
И не вредит мне пламень преисподней.[52]

94 Там некая Заступница скорбит
О том, к кому тебя я посылаю,
И для нее жестокий суд разбит.[53]

97. Она, воздвигши Лючию....[54]
Рекла: Твой верный ждет тебя в слезах,
И я отсель его тебе вверяю.

100. И Лючия, жестокосердых враг,
Подвигшись, мне вещала там, где вечно

---

[52] Примечания: 52

Хотя Виргилий с прочими добродетельными язычниками не наказуется никакими муками и хотя в Лимбе нет адского огня, тем не менее, слова Беатриче верны, потому что Лимб все-таки есть часть ада.

[53] Примечания: 53

Жестокий суди (в подлиннике: duro giudicio). Поэт имел в виду: «Judicium durissimum iis, qui praesunt, fiet» Sapient IV, 6.

[54] Примечания: 54

Лючия (от lux, свет), как мученица католической церкви, призывается на помощь теми, которые страждут телесными очами. Это, кажется, заставило Данте избрать ее предпочтительно для той роли, которую она играет в его поэме. Об ней упоминается в Чист. IX, 55, и Рае, XXVII.

С Рахилью древней воссежу в лучах:[55]

103. «О Беатриче, гимн Творцу сердечный!

Спаси того, кто так тебя любил,

Что для тебя стал чужд толпе беспечной.[56]

106. Не слышишь ли, как плач его уныл?

Не зришь ли смерть, с которой он сразился

В реке, пред ней же океан без сил?

109. Никто так быстро в мире не стремился[57]

От гибели, иль к выгодам своим,

Как мой полет от слов тех ускорился

---

[55] Примечания: 55

Рахиль есть символ жизни созерцательной (Чист. XVXII, 100–108), как сестра ее, Лия, — жизни деятельной. — Весьма глубокомысленно помещает Данте учение божественное (Беатриче) возле Рахили, вечно-погруженной в созерцание неизреченного Блага Ландино.

[56] Примечания: 56

Любовью к Беатриче Портинари Данте возвысился над толпою, с одной стороны, предавшись поэзии, с другой — изучая богословие, которое олицетворяет собою Беатриче.

[57] Примечания: 57

Под именем *реки* (в подлиннике: fiumana, водоворот, gurges, aquaram congeries, Vocab. della Crueca) разумеются треволнения жизни; бури напастей житейских превосходят все волнования океана.

112. С скамьи блаженной к пропастям земным —

Ты дал мне веру мудрыми словами,

И честь тебе и тем, кто внемлет им!»

115. Потом, сказав мне это, со слезами

Взор лучезарный возвела горе,

И я потек быстрейшими стопами.

118. И, как желала, прибыл к той поре,

Когда сей зверь пресек в пустынном поле

Твой краткий путь к прекрасной той горе.

121. Так что ж? зачем, зачем же медлит боле?

Что на сердце питаешь низкий страх?

Что сделалось с отвагой, с доброй волей....

124. .....

.....

.....?»

127. И как цветочки, стужею ночною

Согбенные, в сребре дневных лучей
Встают, раскрывшись, на ветвях главою:

130. Так я воздвигся доблестью моей;
Столь дивная влилась мне в грудь отвага,
Что начал я, как сбросив груз цепей:

133. «О слава ей, подательнице блага!
О честь тебе, что правым словесам
Уверовал и не замедлил шага!

136. Так сердце мне с желаньем по стопам
Твоим идти возжег ты мудрым словом,
Что к первой мысли возвращаюсь сам.

139. Идем: крепка надежда в сердце новом —
Ты вождь, учитель, ты мой властелин!»
Так я сказал, и под его покровом

142. Нисшел путем лесистым в мрак пучин.

Песнь III

Содержание. Поэты приходят к двери ада. Данте читает над нею надпись и ужасается; но, ободренный Виргилием, нисходит вслед за ним в мрачную бездну. Вздохи, громкий плач и крики оглушают Данта: он плачет и узнает от вождя своего, что здесь, еще вне пределов ада, наказуются среди вечного мрака души людей ничтожных, не действовавших, и трусов, с которыми смешаны хоры ангелов, не соблюдших верность Богу и не принявших стороны Его противника. Затем поэты приходят к первой адской реке – Ахерону. Седовласый Харон, кормщик адский, не хочет принять Данта в свою ладью, говоря, что в ад проникнет он иным путем, и перевозит на другой берег Ахерона толпу умерших. Тогда потрясаются берега адской реки, поднимается вихрь, сверкает молния и Данте падает без чувств.

1. Здесь мною входят в скорбный град к мученьям,

Здесь мною входят к муке вековой,

Здесь мною входят к падшим поколеньям.

4. Подвинут правдой вечный Зодчий мой:

Господня сила, разум всемогущий

И первые любови дух святой

7. Меня создали прежде твари сущей,

Но после вечных, и мне века нет.

Оставь надежду всяк, сюда идущий![58] —

10. В таких словах, имевших темный цвет,

Я надпись зрел над входом в область казни

И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»

13. И как мудрец, вещал он, полн при-

---

[58] Примечания: 58

Знаменитая надпись над дверью ада. В первых трех стихах выражено учение церкви о бесконечности адских мук, четвертый указывает на причину создания ада — Правосудие Божье. Последний стих выражает всю безнадежность осужденных. — Передать вполне эту дивную надпись во всем ее мрачном величии нет ни какой возможности; после многих тщетных попыток я остановился на этом переводе как на более близком к подлиннику.

язни:

«Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни.

16. Вот край, где мы, как я сказал, узрим
Злосчастный род, утративший душою Свет
разума со благом пресвятым.[59]» —

*19. И длань мою прияв своей рукою**
Лицом спокойным дух мой ободрил
И к тайнам пропасти вступил со мною.[60]

22. Там в воздухе без солнца и светил
Грохочат в бездне вздохи, плач и крики,
И я заплакал, лишь туда вступил.

---

[59] Примечания: 59

Свет разума (в подлинн. il ben dello 'ntelletto) есть Бог. Злые утратили познание Бога, единственное благо душ.

[60] Примечания: 60

Виргилий вводить Данта под свод земли, покрывающий, по представлению поэта, огромную воронкообразную пропасть ада. Об архитектуре Дантова ада мы скажем подробнее в своем месте; здесь же заметим только то, что бездна эта, широкая сверху, постепенно суживается к низу. Бока ее состоять из уступов, или кругов, совершенно темных и только по местам освещенных подземным огнем. Самая верхняя окраина ада, непосредственно под сводом земли, его покрывающим, составляет жилище ничтожных, о которых говорит здесь Данте.

25. Смесь языков, речей ужасных клики,
Порывы гнева, страшной боли стон
И с плеском рук то хриплый глас, то дикий,

28. Рождают гул, и в век кружится он
В пучине, мглой без времени покрытой,
Как прах, когда крутится аквилон.

31. И я, с главою ужасом повитой,[61]
Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?» —

34. И он в ответ: «Казнь гнусная сия
Карает тот печальный род……..
……

[61] Примечания: 61

С главою, ужасом повитой. Я следовал тексту, принятому Вагнером; (d'orror la testa cinta; в др. изданиях; d'error la testa cinta (неведеньем повитой).

.....[62]

37. С ним смешаны злых ангелов те хоры,

Что за себя стояли за одних,

.....

.....

40. .....

.....

.....

.....

.....»

43. – «Учитель, – я спросил, – какое ж бремя

Их вынуждает к жалобам таким?» —

[Примечания: 62

Печальный род (в подлиннике: l'anime triste; *tristo* имеет значение печального и злого, темного), не заслуживший в жизни ни хулы ни славы, есть несметная толпа людей ничтожных, не действовавших, не отличивших памяти своей ни добрыми ни злыми делами. Потому они вечно останутся незамеченными даже самим правосудием: им нет уничтожения, нет им и суда, от того-то они и завидуют каждой участи. Как, людей не действовавших, никогда не живших, по выражению поэта, мир забыл про них; они не стоят участия; они не стоят даже, чтобы говорили об них. Вечный мрак тяготеет над ними, как над темным лесом в первой песни (слич. также Ада IV, 65–66), который есть верный их представитель. Как в жизни занимали их мелкие заботы, ничтожные страсти и желания, так здесь терзают их бесполезнейшие насекомые — мухи и осы. Кровь, теперь ими в первый раз проливаемая, может служить только в пищу гнусным червям. Копишь и Штрекфусс.

И он: «Для них не стану тратить время,

46. Надежда смерти не блестит слепым,

А жизнь слепая так невыносима,

Что участь каждая завидна им,

49. Их в мире след исчез быстрее дыма;

Нет состраданья к ним, их суд презрел,

Что говорят об них? взгляни и – мимо!»

52. И я, взглянувши, знамя там узрел:

Оно, бежа, взвивалося так сильно,

Что, мнилось, отдых – не ему в удел.[63]

55. За ним бежал строй мертвых столь обильный,

Что верить я не мог, чтоб жребий сверг

Такое множество во мрак могильный.

---

[63] Примечания: 63

В число ничтожных Данте помещает и трусов, знамя которых малодушно покинутое ими в жизни, теперь обречено на вечное бегство, столь быстрое, что, кажется, ему никогда не остановиться. — *Не ему в удел* — в подлиннике еще сильнее: Che d'ogni posa mi pareva indegna (недостойно никакого покоя).

57. И я, узнав там некоторых, вверх
Взглянул и видел тень того, который
Из низости великий дар отверг,[64]

61. Вмиг понял я – в том убеждались взоры —
Что эту чернь.....
.....
.....

64. Презренный род, не живший никогда,
Ногой и бледный, был язвим роями
И мух и ос, слетавшихся туда.

67. По лицам их катилась кровь струями,
И, смешана с потоком слез, в пыли,
У ног, съедалась гнусными червями.

---

[64] Примечания: 64

Как ни бесцветна, ни темна жизнь людей, здесь осужденных, Данте узнает между ними некоторых, но кого именно, он не считает достойным говорить. Особенно он указывает на тень кого-то отвергшего великий дар. Комментаторы угадывают в ней то Исава, уступившего брату своему Иакову право первородства; то императора Диоклетиана, который в старости сложил с себя императорское достоинство; то папу Целестина V который, по происках Бонаифация VIII, отказался в пользу последнего от папской тиары. Наконец некоторые видят здесь робкого согражданина Дантова, Торреджиано деи Черки, приверженца Белых, не поддержавшего своей партии.

70. И я, напрягши зрение, вдали
Узрел толпу на берегу великой
Реки и молвил: «Вождь, благоволи

73. Мне объяснить: что значить сонм толикой
И что влечет его со всех сторон,
Как вижу я сквозь мрак в долине дикой?» —

76. – «О том узнаешь, – отвечал мне он,
Когда достигнем берега крутова,
Где разлился болотом Ахерон[65]*». —*

79. И взор смущенный я потупил снова[66]
И, чтоб вождя не оскорбить, к брегам
Реки я шел, не говоря ни слова.

82. И вот в ладье гребет на встречу нам

---

[65] Примечания: 65
Ахерон древних Данте помещает на самой верхней окраине воронкообразной пропасти ада в виде стоячего болота.

[66] Примечания: 66
Во всей поэме Данте изображает с необыкновенною нежностью отношение свое к Виргилию как ученика к учителю, достигая почти драматического эффекта.

Старик суровый с древними власами,[67]

Крича: «О горе, злые, горе вам!

85. Здесь навсегда проститесь с небесами:

Иду повергнуть вас на том краю

В тьму вечную и в жар и хлад со льдами.[68]

88. А ты, душа живая, в сем строю,

Расстанься с этой мертвою толпою!»

Но увидав, что недвижим стою:

91. «Другим путем,» сказал, «другой волною,

Не здесь, проникнешь ты в печальный

---

[67] Примечания: 67

Старик суровый — Харон, которому Данте в ст. 109 придает вид демона с огненными колесами вокруг очей. Мы увидим ниже, что Данте многие мифические лица древности превратил в бесов: точно так монахи средних веков поступали с древними богами. Мифологические фигуры имеют в Поэме Данта большею частью глубокий аллегорический смысл, или служат для технической цели, придавая пластическую округленность целому. Впрочем, обыкновение смешивать языческое с христианским было в общем ходу в средневековом искусстве: наружность готических церквей нередко украшалась миѳологическими фигурами. — Харон в Страшном Суде Микель Анджело написав по идее Данта. Ампер.

[68] Примечания: 68

Тьма, жар и хлад характеризуют в общих чертах и правильной после-

довательности три главные отдела ада, в котором лед находится на самом две. (Ада XXXIV).

край:

Легчайший челн помчит тебя стрелою.[69]»

94. И вождь ему: «Харом, не воспрещай!

Так там хотят, где каждое желанье

Уж есть закон: старик, не вопрошай![70]» —

97. Косматых щек тут стихло колыханье[71]

У кормщика, но огненных колес

Усилилось вокруг очей сверканье.

100. Тут сонм теней, взволнованный хаос,[72]

В лице смутился, застучал зубами,

---

[69] Примечания: 69

Данте не легкая тень, как другие души, а потому тяжесть его тела слишком обременила бы легкую ладью теней.

[70] Примечания: 70

Т. е. на небе. Этими же самыми словами Виргилий укрощает гнев Миноса, адского судьи (Ада V, 22–24).

[71] Примечания: 71

Пластически-верное изображение беззубого старика, который, когда говорит, приводит в сильное движение щеки и бороду.

[72] Примечания: 72

Это души прочих грешников, не принадлежащих к сонму ничтожных и долженствующих услышать от Миноса приговор, сообразно которому они займут места в аду.

Едва Харон суд грозный произнес,[73] —

103. И проклинал родителей хулами,
Весь род людей, рожденья место, час
И семя семени с их племенами.

106. Потом все тени, в сонм един столпясь,
На взрыд взрыдали на брегу жестоком,
Где будет всяк, в ком Божий страх угас.

109. Харон же, бес, как угль сверкая оком,
Маня, в ладью вгоняет сонм теней,
Разит веслом отсталых над потоком.[74]

112. Как осенью в лесу кружит борей

---

[73] Примечания: 73

Слова Харона повергают грешников в ужас и отчаяние. Неподражаемо страшно представлено их состояние в эту решительную минуту.

[74] Примечания: 74

Подражание Виргилию, хотя Дантово сравнение несравненно прекрасней:

Quam multa in silvis antumni frigore primo
Lapsa cadunt folia.

Aeneid. VI, 309–310.

За листом лист, доколь его порывы
Не сбросят в прах всей роскоши ветвей:

115. Подобно род Адамов нечестивый,
За тенью тень, метался с берегов,
На знак гребца, как сокол на призывы.

118. Так все плывут по мутной мгле валов,
И прежде чем взойдут на берег сонный,
На той стране уж новый сонм готов.

121. «Мой сын,» сказал учитель благосклонный,
«Пред Господом умершие в грехах
Из всех земель парят к реке бездонной[75]

124. И чрез нее торопятся в слезах;
Их правосудье Божье побуждает
Так, что в желанье превратился

[75] Примечания: 75
Это ответ Виргилия на вопрос, предложенный ему Дантом выше (ст. 72–75).

страх.[76]

127. Душа благая в ад не проникает,
И если здесь так встречен ты гребцом,
То сам поймешь, что крик сей означает». —

130. Умолк. Тогда весь мрачный дол кругом
Потрясся так, что хладный пот доныне
Меня кропит, лишь вспомню я о том.

133. Промчался вихрь по слезной сей долине,
Багровый луч сверкнул со всех сторон
И, чувств лишась, в отчаянной пучине

136. Я пал как тот, кого объемлет

[76] Примечания: 76
Правосудие, подвигшее Бога создать место казни, побуждает грешников, как бы по собственному их желанию, занять уготованную им обитель.

сон.[77]

[77] Примечания: 77

Свою переправу через Ахерон Данте покрыл непроницаемою тайной. Поэт погружается в сон, во время которого чудесным образом переносится на другой берег, точно так, как в первой песни (Ада I, 10–12) он в глубоком сне входит в темный лес. В таком же мистическом сне возносится он к вратам чистилища (Чист. IX, 19 и дал.). Он засыпает также перед вступлением в земной рай (Чистил. XXVII, 91 и д).

Песнь IV

Содержание. Оглушительный гром пробуждает Данта на противоположном берегу Ахерона, на краю бездны, из которой несутся страшные стоны, заставляющие бледнеть самого Виргилия. Они сходят в первый круг – преддверие ада, Лимб, жилище умерших до крещения младенцев и добродетельных язычников. Данте, сострадая им, спрашивает Виргилия: был ли кто-нибудь избавлен из этого круга? и узнает о сошествии Христа во ад и об избавлении праотцев: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова и Рахили с детьми, Моисея, Давида и других. Беседуя, таким образом, поэты встречают на внешней окружности Лимба, в совершенной темноте, бесчисленную толпу теней, которую Данте сравнивает с лесом: это души добродетельным, но неизвестных, не отмеченных славою язычников; они и в Лимбе остаются во мраке. Подаваясь далее к центру круга, Данте видит свет,

отделяющий славных мужей древности от неизвестных. Из этого отдела Лимба, озаренного светом и окруженного семью стенами и прекрасным ручьем, раздается голос, приветствующий возвращающегося Виргилия, и вслед за тем три тени, Горация, Овидия и Лукана, под предводительством главы поэтов – Гомера, выступают к ним на встречу, приветствуют путников и, приняв Данта в свое число переходят с ним чрез ручей как по суше и чрез семь ворот города. Возводят его на вечно-зеленеющий холм героев. Отсюда обозревает Данте всех обитателей города; но из них поименовывает преимущественно тех, кой имеют отношение к отчизне Энея – Трое и к основанной им Римской Империи. Над всеми возвышается тень Аристотеля, окруженная учеными по разным отраслям человеческих знаний: философами, историками, врачами, естествоиспытателями, математиками, астрономами, – людьми различных наций: Греками, Римлянами, Арабами. Взглянув на героев и ученых языческой древности, Виргилий и Данте отделяются

от сопровождавших их поэтов и сходят с зеленеющей горы Лимба во второй круг.

1. Громовый гул нарушил сон смущенный
В моей главе и, вздрогнув, я вскочил,
Как человек, насильно пробужденный.

4. И, успокоясь, взор я вкруг водил
И вглядывался пристально с стремнины,
Чтоб опознать то место, где я был.

7. И точно, был я на краю долины
Ужасных бездн, где вечно грохотал[78]
Немолчный гром от криков злой кру-

[78] Примечания: 78

Долина ужасных бездн. Архитектура ада так ясно определена в Дантовой поэме, что внимательный читатель без всякого дальнейшего описания легко может составить полную об нем идею. Впрочем, для того, чтоб читатели менее внимательные не затруднялись в составлении этой идеи (что возможно только по прочтении всей поэмы), мы предлагаем здесь краткое описание Дантова ада. Впоследствии мы будем говорить подробнее как об архитектуре и размерах ада, так и вообще о космологии Divina Commedia, причем к концу издания приложим необходимые рисунки. — Ад, по представлению поэта, согласному впрочем с верованиями средних веков, помещен внутри земли, так, что дно его находится в центре земного шара, который сам, по системе птоломеевой, составляет средоточие вселенной (см. прим. к Ад. I, 127 и II, 83). Это воронкообразная пропасть, прикрытая с верху шарообразным сводом, или корой обитаемого нами полушария. Воронка эта, опускаясь к центру земли, постепенно суживается и

около земного центра оканчивается цилиндрическим колодезем. Внутренняя стена воронки разделена на уступы или ступени, которые в виде кругов опоясывают бездну. Таких уступов или кругов девять, из которых девятый составляет упомянутый выше колодезь: на них-то и размещены грешники по роду своих грехов, а в конце колодезя, на самом дне ада, погружен Люцифер. Каждый круг сверху ограничен утесистой стеной, к низу граничит с пустотой бездны. Чем ближе к центру, тем более суживаются концентрические круги ада, тем жесточе наказание. Седьмой круг, где наказуется насилие, разделен сверх того на три меньшие круга (gironi); восьмой же, в котором казнятся различные виды обмана, распадается на 10 также концентрических рвов или долин (bolge), но притом так, что все они соединены между собой утесистыми отрогами или мостами, идущими от стены вышележащего рва к стене нижележащего. Наконец, девятый круг или цилиндрический колодезь, в коем наказуется величайший грех по Данту — измена, состоит из четырех отделений. В XXIX и XXX песнях Ада есть указания, по которым можно вычислить размер всего ада и каждого круга в отдельности. — Нравственное значение архитектуры Дантова ада подробно изложено в XI песни. Чем тяжелее преступление, тем ниже в аду оно наказуется, так что величайший грех — измена казнится в девятом кругу, а виновник греха — Люцифер составляет центр земли и воспринимает наивеличайшее наказание. Все круги с уживаются к центру: это потому, что чем тяжелее преступление, тем реже оно встречается и, стало быть, тем меньше нужно места для помещения причастных ему грешников. По этой же причине, несметная толпа людей ничтожных занимает, как мы видели, самое обширное пространство; весь верхний объем адской воронки (см. примеч. к Ад. III, 21). Таким образом, геометрическое строение Дантова ада согласуется с его нравственным значением.

чины.[79]

10. Так был глубок и темен сей провал,
Что я, вперив глаза в туман, под мглою
В нем ничего на дне не различал.

13. «Теперь сойду в слепой сей мир с тобою,[80]*»*
Весь побледнев, так начал мой поэт:
«Пойду я первый, ты или за мною.»

16. Но я, узрев, как он бледнел, в ответ:
«О как пойду, коль духом упадаешь,
И ты, моя опора против бед!»

19. И он мне: «Казнь племен, в чей мир вступаешь,
Мне жалостью смутила ясный взгляд,
А ты за ужас скорбь мою считаешь.

---

[79] Примечания: 79

Здесь, у самого обширного отверстия пропасти, крики всего ада сливаются как у отверстия огромного рупора и превращаются в гром, прерывающий сон поэта. В более глубоких, отдельных кругах, этот общий гром криков уже не так явствен, потому что отражается выдающимися краями кругов. Копишь.

[80] Примечания: 80

Данте называет подземный мир *елптиий,* потому что он лишен света истинного познания (см. пр. к Ад. III, 18).

22. Идем: вам путь чрез тысячи преград.»

Так он пошел, так ввел меня в мгновенье

В круг первый, коим опоясан ад.[81]

25. Там – сколько я расслушать мог в томленье —

Не плач, но вздохов раздавался звук

И воздух вечный приводил в волненье.

28. И был то глас печали, но не мук,

Из уст детей, мужей и жен, в долине

В больших толпах теснившихся вокруг.

31. Тут добрый вождь: «Почто ж не спросишь ныне,

---

[81] Примечания: 81

Поэты входят в преддверие ада или Лимб, где, по понятиям католической церкви, помещены добродетельные язычники и невинные дети, умершие до принятия св. Крещения (Чист. VII, 31–36 и Рая XXXII, 79–81). Этот круг есть уже начало ада, тогда как пространство, где помещены ничтожные и трусы, а также река Ахерон, находятся совершенно вне ада (см. прим. Ада, III, 21). По представлению поэта, *Лимб* разделен на два концентрические круга, внешний, более обширный покрыт вечным мраком и вмещает в себе язычников добродетельных, но не известных, ни чем не прославившихся в жизни, а также детей неокрещенных; которой круг, прилежащий ближе к адской бездне, озарен светом, отделен от первого семью стенами и ручьем, имеет вид зеленеющего холма. Постепенно возвышающегося, и служит обителью для героев и других славных мужей древности.

Кто духи те, которых видишь там?
Узнай, пока придем мы к их дружине:

34. Безгрешные, за то лишь небесам
Они чужды, что не спаслись крещеньем, —
Сей дверью веры, как ты знаешь сам.

37. До христианства жив, они с смиреньем,[82]
Как надлежит, не пали пред Творцем;
И к ним и я причтен святым веленьем.

40. Сим недостатком, не другим грехом,
Погибли мы и только тем страдаем,

[82] Примечания: 82
Живя до Р. Х, они не воздали надлежащего поклонения истинному Богу, ибо не веровали, подобно добродетельным Евреям, в пришествие Мессии (Рая XX, 103 и XXXII).

Что без надежд желанием живем.[83]»

43. Великой скорбью на сердце снедаем,
А видел здесь, у роковой межи,
Толпу теней, отвергнутую раем.

46. «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи!»
Так начал я, да утвержуся в вере,
Рассеявшей сомненье каждой лжи:[84]

49. «Отверз ли кто себе к блаженству двери
Заслугою своей, или чужой?»
И, тайну слов постигнув в полной мере,

52. Он рек: «Я внове с этой был тол-

---

[83] Примечания: 83

Естественное состояние людей неверовавших. «Достигнув всего земного, они не имеют предчувствия и надежды увидеть высший свет; а как ничто земное не в силах успокоить духа и удовлетворить его стремлений, то вся жизнь их проходит в вечном томлении, в бесплодном стремлении к неведомой цели. Так и души, заключенные в преддверии ада, которое собственно не есть еще место казни, не смотря на зеленеющий вечно холм и прекрасный ручей, напоминающие им красоту земли, не смотря на искусства, которыми жизнь наша становится краше, не смотря даже на свет, их окружающий, тем не менее томятся желанием небесного света.» Штренфуес.

[84] Примечания: 84

Сомнения, т. е. кажущееся противоречие Церкви между ее учением о бесконечности адских мук и избавлением праотцев.

пой,[85]
Когда притек Царь силы, пламенея[86]
Венцем победы, и вознес с Собой

55. Тень праотца к блаженствам эмпирея
И Авеля и Ноя и закон
Создавшего владыку Моисея.

58. Был Авраам, был царь Давид спасен,
С отцом Израиль и с детьми своими[87]
Рахиль, для ней же столько сделал он,

*61. И многие соделались святыми**[88]
Но знай, до них никто из всех людей
Не пощажен судьбами всеблагими.»

64. Так говоря, мы шли стезей своей
И проходили темный лес высокий,

---

[85] Примечания: 85
Виргилий умер за 52 года до смерти Христа (см. прим. в Ада I, 70–72)

[86] Примечания: 86
Царь силы, в подл.: un Poetente. Имя Христа ни разу не упоминается во всем Аду, но всегда заменяется перифразом.

[87] Примечания: 87
Иаков 14 лет служил Лавану для получения руки его дочери Рахили.

[88] Примечания: 88
Рая XXXII.

Лес, говорю, бесчисленных теней[89]

67. Еще наш путь отвел нас недалеко[90]

От высоты, когда я огнь узрел,[91]

Полуобъятый сводом мглы глубокой.

70. Еще далеко он от нас горел,

Но рассмотреть я мог уж с расстоянья[92]

Почтенный сонм, занявший сей предел.

73. «Честь каждого искусства и познанья!

Кто сей народ, возмогший приобресть

Такой почет от прочего собранья?»

---

[89] Примечания: 89

Толпу хотя добродетельных, но неизвестных язычников Данте не без основания называет лесом теней, конечно имея в виду темный лес первой песни. (Ада I, 2 и примеч. к II, 34–36). Копишь.

[90] Примечания: 90

Т. е. от того места, где находился Данте, когда Виргилий сказал ему: «Теперь сойду с тобою», ст. 13.

[91] Примечания: 91

Огонь. Где-то среди мрака, покрывающего Лимб, горит пламя, которое и освещает обитель героев. — *Полуобъятый сводом мглы глубокой,* в подлин.: Ch'emisperio di tenebre vincia. Я перевел это темное место согласно объяснению Копиша: если свет озаряет какое-нибудь место, тогда окружающий мрак, на подобие небесного свода, будет лежать над светом и давать ему вид полушария.

[92] Примечания: 92

Почтенный сонм. Это герои и великие мужи древности. Данте может рассмотреть их уже издали, потому что они помещены на холме, постепенно возвышающемся.

76. И он в ответ: «Их имена и честь,

Что в жизни той звучат об них молвою,

Склонили небо так их предпочесть.»

79. Меж тем раздался голос надо мною:

«ВозДанте честь певцу высоких дум!

Отшедший дух нам возвращен судьбою.[93]*»*

82. И вот четыре призрака на шум

К нам двинулись, чтоб ввесть в свою обитель:

Был образ их ни светел ни угрюм.

85. Тогда так начал мой благой учитель:

«Узри того, что шествует с мечем,[94]

Ведя других как некий повелитель.

88. То сам Гомер, поэтов царь; потом

---

[93] Примечания: 93

Этот голос есть приветствие Виргилию, который и в обители славы приемлется с подобающею честью.

[94] Примечания: 94

Меч в руке Гомера есть символ воспетых им битв.

Гораций, бич испорченному нраву;

Назон с Луканом вслед идут вдвоем.

91. Одно нам имя всем снискало славу,[95]

Как здесь о том вещал один глагол;

Затем и честь мне воздают по праву.[96]»

94. Так собрались певцы прекрасных школ

Вокруг отца высокого творенья,

Что выше всех летает как орел.

97. Поговорив друг с другом, знак почтенья

Мне воздали они: учитель мой

На то смотрел с улыбкой одобренья.

100. И был почтен я высшей похва-

---

[95] Примечания: 95

Т. е. имя певца (ст. 80.)

[96] Примечания: 96

Великие натуры воздают честь друг другу, низкие друг другу завидуют. Копишь.

лой:[97]

Поставленный в их сонме, полном чести,

Я был шестым средь мудрости такой.

103. Так к свету шли мы шесть певцов все вместе,

Беседуя, но сказанных речей

Не привожу, в своем приличных месте.[98]

106. Вблизи от нас был дивный град теней,[99]

Семь раз венчанный гордыми стенами,

И вкруг него прекрасных волн ручей.

109. Пройдя поток как сушу с мудре-

---

[97] Примечания: 97

Здесь, в обители героев, не только нет вздохов, которыми потрясают воздух неизвестные язычники в темном отделе лимба, но даже заметна и радость при виде чужой славы.

[98] Примечания: 98

Задушевные думы поэтов, зародыши будущих творческих их созданий, не должны быть преждевременно высказываемы. Копишь.

[99] Примечания: 99

Дивный град (в подлин: un nobile castello) есть зеленеющий холм, который, будучи озарен светом и окружен семью стенами, возвышается во внутренней окружности Лимба над адской бездной. Семь стен, по толкованию Ландино и Веллутелло, означают семь добродетелей, доступных и язычникам: благоразумие, воздержание, справедливость,

силу, разум, науку и мудрость, или, по объяснению Даниелло, семь свободных искусств, составлявших в средние века так наз. *trivium* и *quadrivium* (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, музыку, геометрию и астрономию). Ручей объясняют как эмблему красноречия. Копишь принимает первое объяснение; он говорит: кто не обладает этими добродетелями, тот не может проникнуть в обитель героев, потому и ручей вокруг города служит для того только, чтоб защитить обитель славных от вхождения в нее людей недостойных, не прославившихся никакою доблестью.

цами,

Чрез семь ворот вошли мы в град, где луг

Муравчатый открылся перед нами.

112. С величием там тени бродят вкруг,

И строгое медлительно их око

И сладостен речей их редких звук.

115. Там, в стороне, взошли мы на высокий,

Открытый всюду, озаренный дол,

Отколь всех я видеть мог далеко.

118. На бархате лугов, я там нашел

Великих сонм, скитавшийся пред нами,

И, видя их, в восторг я вдруг пришел.

121. Электра там со многими друзьями,

Меж коих был и Гектор и Эней[100]
И Цезарь, тень с сокольими очами.[101]

124. Камилла там, Пентезился с ней,[102]
И царь Латин, поодаль восседавший[103]
С Лавинией, со дщерию своей.

127. Там был и Брут, Тарквиния изгнавший,[104]
Лукреция с Корнельей средь подруг
И Саладин, вдали от всех мечтавший.[105]

130. Я взор возвел и мне явился дух —
Учитель тех, что в мудрость ум вперяют,[106]

---

[100] Примечания: 100

Электра (Electra scilieet, nata magni nominis, regis Atlantis. Dante, De Monarchia, 2), дочь не Агамемнона, но Атланта, супруга Аталана, основавшего, по словам Рикордано Малеспини, древнейшего летописца флорентинского, город Фиезоле, из которого возникла впоследствии Флоренция (Ада XV. 72). Она мать Дардана, основателя Трои, потому и окружена троянцами: Гектором, защитником Трои, Энеем, основателем Римской Империи (Ада II, 13–27), и Цезарем, первым ее императором (примеч. в Ада I, 70–72), который, родом от Иула, сына Энеева, также был троянского происхождения.

[101] Примечания: 101

Светоний говорит о черных, живых глазах Цезаря — «nigris vegetisque oculis.»

[102] Примечания: 102

Камилла, воинственная дочь Метаба, царя Вольсков, пала за Лациум; Пентезился, царица Амазонок, сражалась и пала за Трою.

[103] Примечания: 103

Латин и Лавиния, тесть и супруга Энея.

[104] Примечания: 104

Луций Юний Брут. Лукреция, супруга Коллатина, обесчещенная Секстом Тарквинием. Корнелия, мать Гракхов. — В подлиннике еще поименованы: Юлия, дочь Цезаря, супруга Помпея Великого, и Марция, супруга Катона Утического (Чист. I, 79).

[105] Примечания: 105

Саладин, султан вавилонский, благородный противник христианского Рима, естественно находится один вдали от прочих римских героев. Поместив его в число славных мужей, Данте хотел выразить свое беспристрастие.

[106] Примечания: 106

*Учител*ь и проч. — Аристотель. Чтоб взглянуть на него, Данте должен поднять голову. Он не называет его по имени, воздавая тем ему особенную почесть, ибо уверен, что Аристотеля узнает каждый и без наименования.

И с ним семья философов вокруг.

133. Все чтут его, все на него взирают;
Один Сократ с Платоном от других
К нему всех ближе место занимают.

136. И Демокрит, что мир судьбой воздвиг,[107]
И Диоген, Зенон с Анаксагором,
И Эмпедокд, Орфей, Эвклид меж них;

139. Диоскорид, прославившийся сбором,[108]
И Цицерон и Ливий и Фалес
И моралист Сенека перед взором;

142. И Птоломей, измеритель небес,
И Гиппократ, с Галеном, с Авиценной,[109]

---

[107] Примечания: 107

Демокрит из Абдеры полагал, что мир возник из случайного соединения атомов. — В подлин: che 'l mondo a caso pone (который основал мир на случае).

[108] Примечания: 108

Диоскорид, греческий врач, писавший о свойствах трав и камней, о ядах и противоядиях.

[109] Примечания: 109

Птоломей, географ и астроном, основатель системы мироздания, которой следует Данте в своей поэме.

И, толкователь слов, Аверроэс.[110]

145. Но кто ж исчислит весь их сонм почтенный?

Мой долгий труд торопит так меня,

Что часто речь полна несовершенно.

148. Тут лик шести умалился двумя,[111]

И я вошел, вслед за моим поэтом,

Из тишины туда, где вихрь, шумя,

151. Кружит в стране, не озаренной светом.

---

[110] Примечания: 110

Аверроэс из Кордовы, арабский философ, известный в средние века своим толкованием на Аристотеля.

[111] Примечания: 111

Из шести поэтов отходят двое — Данте и Виргилий.

Песнь V

Содержание. Поэты спускаются во второй круг ада, меньший пространством, но исполненный большей муки. При самом входе, они встречают Миноса, адского судью, занятого распределением по аду грешников, к нему беспрестанно прибывающих. При виде Данта, Минос прерывает на время исполнение своей обязанности и напоминает живому пришельцу о дерзости его предприятия; но теми же словами, которыми укрощен был Харон, Виргилий укрощает и Миноса. Между тем жалобные крики грешников начинают становиться явственными. Это крики сладострастных: среди вечного мрака неистовый вихрь адский вечно носит их во все стороны. Из их числа Виргилий поименовывает Данту некоторых, преимущественно женщин; но особенное внимание возбуждают две тени, неразлучно носимые бурею – тень Паоло Малатеста ди Римини и жены его

брата Франчески. Данте призывает их, расспрашивает о причине их мучений, и одна из двух теней рассказывает ему о начале и трагическом конце своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданием к их участи, Данте лишается чувств и падает как мертвый.

1. Так с первой мы спустилися ступени
Вниз во второй, пространством меньший, крут,
Где больше мук, от них же воют тени.[112]

4. Скрежещет там Минос, ужасный дух,[113]
Исследует грехи у входа, судит
И шлет, смотря как обовьется вкруг.

7. Я говорю: едва к нему прибудет
На покаянье злая тень и сей

---

[112] Примечания: 112
Чем ближе круги ада к центру земли, тем более суживаются (см. прим. к Ад. IV, 7–9).

[113] Примечания: 113
Минос, сын Юпитера и Европы, мифологический судия мертвых, преобразован, подобно Харону, в беса (см. прим. к Ад. III, 83). По объяснению некоторых, он олицетворяет собою пробужденную злую совесть.

Всех прегрешений вещатель рассудит:

10. Какое место в аде выбрать ей, —

Хвост столько раз он вкруг себя свивает,

На сколько вниз ниспасть ей ступеней.

13. Всегда пред ним их множество стенает:

Тень каждая ждет в очередь суда, —

Поведает, услышит, исчезает.

16. «О ты, пришлец в дом скорби и стыда!»

Узрев меня, вскричал Минос ужасный,

Прервав заботу тяжкого труда:[114]

19. «Взгляни, с кем ты дерзнул в сей путь опасный:

Пространством врат себя не обольщай![115]» —

И вождь ему: «К чему ж твой крик на-

---

[114] Примечания: 114

Минос прерывает отправление своей обязанности: значит, Данте не принадлежат к числу грешников. В первой песне он был только представителем греха других.

[115] Примечания: 115

Намек на Виргилиево изречение: «facilis discensus Averni.»

прасный?

22. Путь роковой ему не воспрещай!
Так там хотят, где каждое желанье
Уж есть закон: Минос, не вопрошай![116]» —

25. Здесь явственней услышал я стенанье
Печальных душ: я был в стране теней,
Где так пронзило слух мой их рыданье.

28. Я был в краю, где смолкнул свет лучей,[117]
Где воздух воет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры средь зыбей.

31. Подземный вихрь, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы:

---

[116] Примечания: 116

Теми же словами, которыми Виргилий укротил гнев Харона (Ада III, 94–96), укрощает он и адского судью. Это повторение одних и тех же слов дает Виргилию характер чародея и заклинателя, — характер, который он носил в средние века.

[117] Примечания: 117

В подлин.: luogo d'ogni luce muto. Я решился удержать эту смелую метафору, часто встречающуюся у Данта.

Разя, вращая, умножает горе.

34. Когда ж примчит к окраине скалы,[118]

Со всех сторон тут плач и стон и крики,

На промысел божественный хулы.

37. И я узнал, что казни столь великой

Обречены плотские те слепцы,

Что разум свой затмили страстью дикой.[119]

40. И как густой станицею скворцы

Летят, когда зимы приходит время:

Так буйный ветр несет во все концы,

---

[118] Примечания: 118

Окраина скалы есть внутренний край адского круга, граничащий с бездной: сюда устремлены души бурею, как корабль, разбивающийся о подводный камень.

[119] Примечания: 119

Здесь наказуются сладострастные (i peccator carnali). «Как в жизни вечно стремила их необузданная страсть, лишая их спокойствия, так и здесь беспрестанно кружить их адский вихрь. Как в жизни голос желания увлекал их против воли на утесы и в пропасти, где погибали они духовно, а нередко и физически, так и здесь, в стране вечного наказания, повинуются они тому же голосу. И вот, встречая опасность, они обвиняют не самих себя, за то, что на веки покорны дикой ослепляющей страсти дар божественный — разум и свободную волю; но с тем же безумием, в той же слепоте обвиняют божественную силу и промысл.» Штрекфусс.

43. Туда, сюда, вниз, к верху, злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

46. И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою:
Так поднята тем ветром от земли

49. Толпа теней и нет конца их вою. —
И я спросил: «Какой ужасный грех
Казнится здесь под темнотой ночною»?

52. И мне учитель: «Первая из тех,[120]
О коих ты желаешь знать, когда-то
Владычица земных наречий всех, —

55. Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждан,
Решилась быть потворницей разврата,

58. Семирамиду видишь сквозь ту-

---

[120] Примечания: 120
Из грешников этого круга Данте упоминает преимущественно о женщинах, может быть потому, что женский пол наиболее склонен к греху, здесь наказуемому. Каннегиссер.

ман;[121]

Наследовав от Нина силу власти,

Царила там, где злобствует султан.[122]

61. Другая грудь пронзила в дикой страсти,

Сихею данный позабыв обет;

С ней Клеопатра, жертва сладострастий.»

64. Елена здесь, причина стольких бед;

Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,[123]

Что был сражен любовью средь побед;

67. Здесь и Парис, здесь и Тристан, и

---

[121] Примечания: 121

Семирамида, царица вавилонская и ассирийская, названа «владычицей всех наречий», или потому, что повелевала многими народами, или потому, что Вавилон, ее столица, был местом смешения языков. Об ней есть предание, которое гласит, что она законом дозволила сыновьям жениться на матерях, и сама вышла замуж за сына, которого впоследствии убила. На этот закон намекается в ст. 55–56. Семирамида послужила Данту превосходным образцом необузданной чувственности, потому он и избрал ее в предводительницы вереницы теней. В средние века ходила в народе легенда о подобной веренице душ, носящейся по ночам среди бури.

[122] Примечания: 122

Странами, где царствовала Семирамида, управляли во времена Данта султаны турецкие и курдистанские.

[123] Примечания: 123

Ахиллес, влюбленный в Поликсену, был умерщвлен стрелой ее брата Париса.

много[124]

Мне указал и назвал он теней,

Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

70. Пока мой вождь мне исчислял царей

И рыцарей и дев, мне стало больно

И обморок мрачил мне свет очей.

73. «Поэт», я начал, «мысль моя невольно

Устремлена к чете, парящей там,[125]

С которой вихрь так мчится произвольно.»

76. И он: «Дождись, когда примчатся к нам:

---

[124] Примечания: 124

Парис или похититель Елены, жены Менелаевой, или знаменитый в средние века герой рыцарского романа этого имени — Тристан, первый странствующий рыцарь, из цикла баснословных сказаний о короле Артуре. Он был влюблен в Изотту или Изольду (Белорукую), супругу Марка корнваллийского, своего дяди, и за то убит ядовитой стрелой последнего.

[125] Примечания: 125

Эта чета тень Паоло и Франчески. Боккаччио в своем комментарии к Дантовой поэме так рассказывает трагическую историю этих двух любовников. Между Гвидо да Полента, властителем Равенны и Червии, и домом Малатеста ди Римини существовала давнишняя фамильная вражда. Наконец раздор между двумя домами был улажен, при чем положено было для прочности дружбы выдать Франческу, прекрасную

дочь Гвидо, за Джианчиотто, сына Малатеста. Как скоро об этом узнали, один из друзей Гвидо дал ему заметить, что дочь его едва ли согласится выйти за хромого, безобразного Джианчиотто, отличавшегося сверх того свирепостью нрава; а потому советовал прибегнуть к хитрости. Хитрость эта состояла в том, чтобы сам Джианчиотто не являлся для свершения брачного обряда, а прислал бы вместо себя одного из своих братьев. Гвидо, желавшій иметь зятем Джіанчіотто, как человека весьма умного, а главное — прямого наследника своего отца после его смерти, воспользовался советом друга. Таким образом, один из братьев Джианчиотто, Поло или Паоло, прекрасный, образованный юноша, прибыл на место брата, чтоб обвенчаться с Франческой. Франческа тотчас же влюбилась в него страстно и вскоре была с ним обвенчана. Поло увез ее в Римини; но и там она узнала обман только на другой день, когда, проснувшись, вместо Поло нашла около себя Джианчиотто. Глубоко оскорбленная этим поступком, она тем с большей силой предалась своей страсти к Поло. Ежедневно виделись они в отсутствии Джианчиотто, уехавшего из Римини по своим дедам. Впрочем, они были недовольно осторожны: один из слуг Джианчиотто, подслушав их разговор, известил об этом своего господина. Джианчиотто в бешенстве возвратился в Римини и начал наблюдать за любовниками. Подметив, что Поло вошел к Франческе, он поспешил за ним; но, найдя двери запертыми изнутри, начал сильно стучаться и называть Франческу по имени. Любовники тотчас узнали его по голосу. Поло умолял Франческу впустить ее мужа, надеясь скрыться чрез потаенную дверь и тем спасти честь Франчески. Но в торопях он зацепился платьем за железный крюк потаенной двери в ту самую минуту, когда Джианчиотто ворвался в комнату. В бешенстве он бросился на Поло с обнаженным кинжалом. Чтобы спасти Поло, Франческа кинулась между им и мужем; кинжал, направленный в грудь Поло, погрузился ей в сердце. Увидев у ног своих мертвую Франческу, Джиіанчиотто тем с большей яростью бросился на своего брата и заколол его. Это случилось 4 Сентября 1989. Племянник этой Франчески, Гвидо V Полентский, был до смерти Данта искренним его другом и лучшим покровителем.

Тогда моли любовью, их ведущей, —
И прилетят они к твоим мольбам. —

79. Как скоро к нам принес их ветр ревущий,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит Всесущий!»

82. Как, на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки:

85. Так, разлучась с толпою, где Дидона,[126]
Сквозь мрак тлетворный к нам примчались вновь:
Так силен зов сердечного был стона!

88. «О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме кромешной
Увидел нас, проливших в мире кровь!

91. Когда б Господь внимал молитве

---

[126] Примечания: 126

В этой толпе, по-видимому, находятся души тех, которые вследствие преступной любви кончили жизнь насильственной смертью.

грешной,
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.

94. Что скажешь нам? что хочешь знать? открой:
Все выскажем и выслушаем вскоре,[127]
Пока замолк на время ветра вой.

97. Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья, там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.[128]

100. Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ее, грущу досель.

103. Любовь, любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

106. Любовь к одной нас смерти при-

---

[127] Примечания: 127

Даже адская буря на время замолкает, пока Франческа рассказывает печальную историю своей любви.

[128] Примечания: 128

Франческа родилась в Равенне, при впадении реки По в море.

вела;

Того, кем мы убиты, ждут в Каине![129]»

Так нам одна из двух теней рекла.

109. Склонив чело, внимал я о причине.

Мучений их, не подымал главы,

Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь ныне?[130]»

112. И, дав ответ, я продолжал: «Увы!

Как много сладких дум, какие грезы

Их низвели в мученьям сей толпы?»

115. И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы

И горестный, Франческа, твой рассказ

В очах рождает состраданья слезы.

118. Но объясни: томлений в сладкий час

Чрез что и как неясные влеченья

---

[129] Примечания: 129

Каина, одно из отделений девятого круга, названное так по имени Каина.

[130] Примечания: 130

Данте вспоминает здесь собственную слабость.

Уразуметь страсть научила вас?»

121. И мне она: «Нет большего мученья,

Как о поре счастливой вспоминать[131]

В несчастии: твой вождь того же мненья.

124. Ты хочешь страсти первый корень знать?

Скажу, как тот, который весть печали

И говорит и должен сам рыдать.

127. Однажды мы, в миг счастья, читали,

Как Ланчелот в безумии любил:[132]

---

[131] Примечания: 131

По толкованию одних, это намек на слова Виргилия: Infandum regina jubes renovare dolorem; но с большим вероятием должно разуметь здесь Боэция, который в книге своей: De consolatione, сказал: In omni adversitate fortunae intelicissimum genus infortunii est fuisse felicem. Книга эта составляла для Данта утешение по смерти его Беатриче.

[132] Примечания: 132

Ланцелот озера, рыцарский роман из цикла сказаний о Круглом Столе. Ланцелот был сын свергнутого с престола короля Бан де Бенуа; его спасла и воспитала «Царица озера.» Впоследствии он отличился рыцарскими подвигами при дворе короля Артура и влюбился в его супругу Жиневру. Ланцелот был любимый роман высшего круга во времена Данта.

Опасности быть вместе мы не знали.

130. Не раз в лице румянца гаснул пыл
И взор его встречал мой взор беспечный;
Но злой роман в тот миг нас победил,

133. Когда прочли, как поцелуй сердечный
Был приманен улыбкою к устам,
И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

136. Затрепетав, к моим приникнул сам…
Был Галеотто автор книги гнусной!..[133]
В тот день мы дальше не читали там!»

139. Так дух один сказал, меж тем так грустно
Рыдал другой, что в скорби наконец

---

[133] Примечания: 133

Галлего (Галеотто), король *d'outre les marches,* сперва воевал против Артура, но, побежденный Ланцелотом, примирился с Артуром также при помощи последнего. В благодарность Галлего сделался посредником в любовной интриге между Жиневрой и Ланцелотом. С того времени всех людей подобного рода называли Галеоттами.

Я обомлел от повести изустной

142. И пал без чувств, как падает мертвец.

Песнь VI

Содержание. Данте в третьем кругу ада. Здесь под градом, снегом и ливнем мутной воды казнятся обжоры, увязшие в грязной тине Треглавое чудовище Цербер, страж этого круга, хватает грешников, четверит их, сдирает с них кожу. С яростью бросается он на поэтов; но горсть земли, брошенная Виргилием в тройную пасть чудовищу, укрощает его. Поэты идут далее, попирая грешников, смешанных в одну отвратительную кучу с грязью. Один из них, флорентинец Чиако, приподнимается и, на вопрос Данта, предсказывает ему будущие судьбы Флоренции и его собственное изгнание. Данте спрашивает его об участи некоторых флорентинцев и узнает, что они в более глубоких кругах ада. Попросив живого странника напомнить о себе своим соотчичам, Чиакко упадает лицом в грязь и навсегда замолкает. В беседе о будущей неземной жизни, Виргилий и

Данте приходят в границе третьего круга и, спустившись в четвертый круг, встречают демона богатства, великого врага человечества, Плутуса.

1. С возвратом чувств, к которым вход закрылся[134]

При виде мук двух родственных теней,

Когда печалью весь я возмутился,[135] —

4. Иных скорбящих, ряд иных скорбей

Я зрел везде, куда ни обращался,

Куда ни шел, ни устремлял очей.

7. Я был в кругу, где ливень проливался[136]

---

[134] Примечания: 134

Обморок, в который упал Данте в конце предыдущей песни, как бы запер двери чувств для впечатлений внешнего мира. Филалетес.

[135] Примечания: 135

Данте не говорит, каким образом перешел он из второго круга в третий, вероятно потому, что хотел намекнуть читателю, что душа его и по возвращении в нем чувств так сильно была потрясена горестною судьбою двух любовников, что он не обратил никакого внимания на путь, теперь им пройденный. Оно пробудилось в нем только при виде новой казни. Штрекфусс.

[136] Примечания: 136

В этом кругу казнятся обжоры (i miseri profani). «Дождь, этот благодатный дар неба, оплождающий землю, здесь во мраке, недоступном для

солнечного света, ничего не производит, кроме отвратительной грязи и смрада: дары неба тщетно расточаются для сластолюбцев, грешники погружены в грязь: не то же ли случалось с ними и в жизни? Они не в силах из нее подняться; тщетно пытаясь из нее освободиться, они только поворачиваются с бока на бок; если же и случится им приподняться, они тотчас же снова падают (ст. 91–93) и притом вперед головою, вместилищем их духовных сил: до того она отяжелела, что сама клонит их к земле». Копишь и Штрекфусс.

Проклятый, хладный, вечный: никогда
Ни в мере он ни в свойствах не менялся.

10. Град крупный, снег и мутная вода
Во мраке там шумят однообразно;
Земля, приняв их, там смердит всегда.

13. Там Цербер, зверь свирепый, безобразный,[137]
По-песьи лает пастью тройной
На грешный род, увязший в тине грязной.

16. Он, с толстым чревом, с сальной бородой,
С когтьми на лапах, с красными глазами,
Хватает злых, рвет кожу с них долой.

---

[137] Примечания: 137

Подобно Харону и Миносу, Виргилиев Цербер превращен в беса, трегла-вый образ которого кончается в исполинского червя или змею. Червем, который точить мир, назван и Люцифер (Ада XXXIV, 107). Он с тройною пастью, с толстым чревом, с сильной (в подлин: с черной и сальной бородой, с красными глазами — сущее олицетворение обжорства. Он насыщается грязью: этим выражена ценность того, чем сластолюбцы стремятся удовлетворить свои желания, ради чего они забывают о высшем назначении человека — о развитии высших духовных сил. Лай Цербера оглушает грешников; это голос злой их совести, для которой в грязи своей они охотно желали бы вечно быть глухими.

19. Как псы там воют души в грязной яме:

Спасая бок один другим, не раз

Перевернутся с горькими слезами.

22. Червь исполинский, лишь завидел нас,

Клыкастые три пасти вдруг разинул;

От бешенства все члены он потряс.

25. Тогда мой вождь персты свои раздвинул,

Схватил земли и смрадной грязи ком

В зев ненасытный полной горстью кинул.[138]

28. Как пес голодный воет и потом

Стихает, стиснув кость зубами злыми,

И давится и борется с врагом:

---

[138] Примечания: 138

Подражание Виргилию, Aen. VI, 420.

Cui vates, horrere videns jam colla colubris,
Helle soporatam et medicatis frugibus offam
Objieit Ille fame rabida tria guttura pandeni
Gorripit objectam, atque immanla terga resolvit
Pusus bumi, totoque ingens extenditur antro.

31. Так, сжав добычу челюстьми тройными,

Сей Цербер-бес стол яростно взревел,

Что грешники желали б быть глухими.

34. Чрез сонм теней, над коим дождь шумел,

Мы шли и, молча, ноги поставляли

На призрак их, имевший образ тел.[139]

37. Простертые, все на земле лежали;

Один лишь дух привстал и сел, сквозь сон

Узрев, что мимо путь свой мы держали.

40. «О ты, ведомый в бездну,» молвил он,

«Узнай меня, коль не забыл в разлуке:

---

[139] Примечания: 139

Не смотря на то, что грешники, наказуемые в этом кругу, имеют человеческий образ и кажутся действительными существами, они так ничтожны, что их нельзя отличить от зловонной грязи, в которую погрязла их душа. Как грязь, Данте попирает их ногами, обращая на них столько же внимания, как и на грязь настоящую. Каннегиссер. — Вообще однако ж заметим, что Дантовы тени в аду еще не совсем освобождены от земли, существо их еще связано с некоторою материальностью; в чистилище они более духовны; наконец в раю души называются уже не тенями, а светами, ибо вечно окружены светом оживляющей их радости.

Ты создан прежде, чем я погублен.»

43. И я: «Твой лик так исказили муки,
Что ты исчез из памяти моей
И слов твоих мне незнакомы звуки.

46. Скажи ж, кто ты, гнетомый мукой сей,
Хоть, может быть, не самою ужасной,
Но чья же казнь презренное твоей?» —

49. И он: «Твой град, полн зависти опасной,[140] —
Сосуд, готовый литься чрез край —,
Меня в себе лелеял в жизни ясной.

52. У вас, граждан, Чиакком прозван я:[141]

---

[140] Примечания: 140

Флоренция в это время была разделена на партии Белых и Черных, споривших между собою о первенстве (см. ниже).

[141] Примечания: 141

Чиакко есть или сокращенное Джиакопо, Яков, или прозвище, которое на флорентинском наречии значит *свинья.* Невероятно, чтобы Данте в обращении к этому грешнику употребил сказанное слово в насмешливом тоне, при том глубоком участии, которое он принимает в его судьбе. Во всяком случае, эта игра слов между *Чиакко,* Яков, и *чиакко,* свинья, резко характеризует представителя греха, здесь наказуемого. Этот Джиакопо или Чиакко, по словам древнейших комментаторов, быль судья и веселый собеседник, приятный в обществе. Об нем упоминает Боккаччио Decamer. IX, 8.

За гнусный грех обжорства, в низкой доле,

Ты видишь, ливень здесь крушит меня.

55. И, злая тень, я не одна в сем поле;

Но та же казнь здесь скопищу всему

За грех подобный!» – И ни слова боле.

58. «До слез, Чиакко,» я сказал ему,

«Растроган я твоим страданьем в аде;

Но, если знаешь, возвести: к чему

61. Дойдут граждане в раздробленном граде?

Кто прав из них? скажи причину нам,

Как партии досель в таком разладе?[142]*»*

64. А он в ответ: «По долгим распрям

[142] Примечания: 142

Данте спрашивает о судьбе родного города, потому что весною 1300 дела Флоренции находились еще в нерешенном состояния.

там[143]

Дойдут до крови: партия лесная,[144]

Изгнав другую, навлечет ей срам.

67. Но чрез три солнца победит другая,[145]

Изгнав лесных при помощи того,

Что лавирует, берег обгибая.[146]

70. Чело подняв до неба самого,

Они врагу тяжелый гнет предпишут,

Хоть негодуй, хоть плачь он оттого.

73. Два правых там, но слова их не слышат:[147]

Гордыня, зависть, скупость – это три

---

[143] Примечания: 143

Для ясного уразумения предсказания Чиакко необходимо знать политическое состояние Флоренции того времени, тем более, что эти исторические сведения послужат нам впоследствии ключом для объяснения многих мест Дантовой поэмы. В конце XIII столетия, Флоренция, изгнав партию Гибеллинов, наконец могла насладиться некоторое время миром; но это спокойствие было непродолжительно. Пистоия в то время входила в состав гвельфского союза в Тоскане, имея такое же народное правление, как и Флоренция. Одна из знаменитейших фамилий этого города, Канчелльери, разделилась на две линии: члены одной назвали себя по матери, Бианки, *белыми,* члены другой, в противность ей, назвались *черными.* Эти партии давно уже враждовали между собою и нередко приходили в кровавые столкновения; во в 1300 вражда их загорелась с новою силою. Амадоре, один из партии Черных, поссорившись, ранил своего родственника Ванни (из партии Белых). Отец Амадоре, человек миролюбивого характера, отправил сына к

отцу раненного извиниться в своей запальчивости; но этот последний, вместо того, чтобы слушать оправдания, велел схватить Амадоре, и, сказав, что мечем, а не словами, решаются такие оскорбления, отрубил ему правую руку. Это злодейство тотчас разделило весь город: одни приняли сторону Черных, другие Белых. Но распря не ограничилась одной Пистойей, а тотчас же передалась и Флоренции, где враждебный дух Гвельфов и Гибеллинов еще несовершенно был подавлен. Во Флоренции сторону Черных приняли члены старинного дворянского рода Донати (под предводительством Мессера Корсо), а сторону Белых новый дворянский дом Черки (под начальством Мессер Виеро). Смуты и кровопролитные драки распространились по всему городу. В это время Флоренция управлялась приорами, избиравшимися ежегодно по 6 человек, каждый на два месяца. Желая прекратить волнения, они, согласно с преданием, по совету Данта, бывшего с 15 Июня по 15 Августа прошедшего года приором Флоренции, изгнали из города предводителей обеих партий: Черных в Перуджию, Белых в Сарзану. Это было в феврале 1301. В то время Черные обратились к папе Бонифацию VIII с просьбою прислать им стороннего правителя для водворения у них порядка. Между тем Белые, как менее виновные, вскоре были призваны обратно, под предлогом, что климат Сарзаны был для них вреден, и действительно многие из них погибли от болезней. Возвратившись в город, они успели в Июне 1301 изгнать и остальных из партии Черных, которые и удалились к своим вождям в Перуджию. Принимал ли какое участие Данте в этих интригах партий, очень сомнительно: достоверно только то, что он в то время употребляем был для политических дел и был отправлен послом к Бонифацию VIII. Между тем Бонифаций, доброхотствуя Черным, как истым Гвельфам, отправил, вероятно по их же проискам, Карла Валуа, брата французского короля Филиппа Прекрасного, во Флоренцию под личиною миротворца. Начальство города приняло его с честью и, по принесении им клятвы в ненарушительном повиновении законам республики, уполномочило его преобразовать и успокоить республику. Вскоре однако ж он ввел в город вооруженное

войско. Этой минутою воспользовались Черные, ворвались в город и пять дней к ряду опустошали его огнем и мечем. Карл не принял решительно никаких мер для прекращения этих смут и только заботился о том, чтобы всеми зависевшими от него средствами добыть поболее денег; вместе с тем он изгнал из города под различными предлогами всех неприязненных ему граждан, между прочими и нашего поэта с множеством Белых. Впрочем, многие из этой партии оставались в своих домах и после отбытия Карла из Флоренции (в 1302), и только в 1304 были окончательно изгнаны. Филалетес и Вегеле (Dante's Lebeu und Werke, 1852, 117 и д).

[144] Примечания: 144

Партия *лесная* (la parte selvaggia) — партия Белых, названная так потому, что ее предводитель Виеро был урожденец лесной провинции Вальди Ниеводе. К ней принадлежал Данте. — *Другая* партия Черных.

[145] Примечания: 145

Т. е. в истечении трех солнечных годов партия Черных победит Белых. Данте читает от изгнания Белых в Июне 1301 до 1304, когда окончательно были изгнаны Белые.

[146] Примечания: 146

В подлин: che tette piaggia; *piaggiare* (от piaggia) собственно: лавировать около берега, louvoyer ie long de la cote, отсюда в политике: louvoyer, играть двусмысленную роль (Vocabolario Dantesco par L. G. Blanc, 1852). — Здесь очевидно разумеется Бонифаций VIII (см. выше).

[147] Примечания: 147

Ответ на второй вопрос Данта. Кто эти два правые, трудно решить. Думают, что Данте разумеет здесь себя и друга своего, Гвидо Кавальканти, что однако ж невероятно, потому что Гвидо был в числе тех Белых, которые, по совету Данта же, были изгнаны в Сарзану. Скорее можно допустить, что эти правые — Бардуччио и Джиованни да Веспиньяно, о которых упоминает флорентинский историк Виллани (Villani, X, 179).

Те искры, ими же сердца там пышат.»

76. Он смолк, терзаем горестью внутри,
И я: «Еще спрошу я у собрата,
Два слова лишь еще мне подари:

79. Друзья добра, Теггьяио, Фарината
И Рустикуччи, Моска и Арриг
И прочие гонители разврата[148] —

82. Ах, где они? поведай мне об них!
Узнать об них горю от нетерпенья —
В аду ль скорбят, иль рай лелеет их?» —

85. И он: «В числе чернейших! преступленья
Различные их повлекли ко дну:
Нисшед туда, увидишь их мученья.

88. А как придешь в ту сладкую страну,

---

[148] Примечания: 148

Не смотря на все грехи этих государственных людей Флоренции, Данте не может не отдать справедливости великим их талантам. Все они, исключая Арриго, из благородной гибеллинской фамилии Физанти, помещены в более глубоких кругах: Фаринаты между ересиархами (Ада (X, 32)), Теггьяио и Рустикуччи между содомитами (XVI, 41–44), Моска между сеятелями расколов (XXVII, 106). См. ниже.

Молю: пусть вспомнят обо мне живые.
Довольно! дождь меня гнетет ко сну.» —

91. Тут, искосив глаза свои прямые,
Он на меня взглянул, главу склонил
И пал лицом как прочие слепые.[149]

94. И вождь сказал: «Надолго он почил:
Звук ангельской трубы его разбудит,
Когда придет Владыка грозных сил.

97. На гроб печальный всех тот звук осудит,
Все восприимут плоть и образ свой,
Услышат то, что в век греметь им будет.»

100. Мы тихо шли под бурей дождевой,
Топча в грязи теней густые кучи
И говоря о жизни неземной.

103. И я: «Учитель, меры злополу-

---

[149] Примечания: 149
Слепые духом.

чий[150]

Умножатся ль в день страшного суда,
Умалются, иль будут столько ж жгучи?[151]*» —*

106. А он: «К науке обратись, туда,[152]
Где сказано, что чем кто совершенней,
Тем больше зрит он благ, или вреда.

109. Хотя сей род, проклятый в злой геенне,
В век совершен не может быть вполне,
Ждет тем не мене казни утонченней.»

112. Мы обогнули путь сей в тишине,
То говоря, чего здесь не замечу;
Когда ж пришли, где сходят к глу-

---

[150] Примечания: 150

«Как глубокомысленно спрашивает Данте об отдаленной будущности и грядущем состоянии душ после воскресения мертвых в день страшного суда при виде грешников, прилепившихся всей их душою только к низкому настоящего!» Копишь.

[151] Примечания: 151

В подлин.: o saran si cocenti.

[152] Примечания: 152

Виргилий обращает его к Аристотелевой философии, которая учит, что существо, чем более совершенствуется, тем восприимчивее становится для радости и скорби. Св. Августин говорит: «Cum fiet resurrectio carnis, et honorum gaudia et malorum tormenta majora erunt»

бине,[153] —

115. Враг смертных, Плутус, нам предстал на встречу.[154]

[153] Примечания: 153

Они приходят к внутренней границе третьего круга, где спуск в четвертый круг.

[154] Примечания: 154

Плутус, мифологическое божество богатства.

Песнь VII

Содержание. Напомнив Плутусу падение Люцифера и тем укротив его бешенство, Виргилий вводит Данта в четвертый круг. Здесь вместе наказуются скупые и расточители. С страшным воем вращают они огромные тяжести, каждый совершая свой полукруг, сходятся с двух сторон, сталкиваются с поносными речами и, расходясь, снова вращают свои камни на новую встречу. Узнав, что это большею частью духовные, папы и кардиналы, Данте хочет иметь подробные сведения о некоторых; но Виргилий объясняет ему, что жизнь их была так безвестна, что никого из них нельзя узнать. До страшного суда продлится спор их; тогда скупые восстанут с сжатыми кулаками, а расточители остриженные. Поэтому поводу Виргилий, намекнув о тщете даров счастья, изображает гения богатства – фортуну. Уже полночь; путники идут далее и, пересекши четвертый круг, до-

стигают кипучего потока, образующего грязное болото – Стикс. Следуя по его течению, они приходят в пятый круг. Здесь, в мутных волнах адского болота, души гневных дерутся между собою и рвут друг друга зубами. Под водою, в болотной тине, погружены сердитые и завистливые: они, дыша под волнами, вздымают пузыри на их поверхности и, испуская клики, захлебываются. Поэты обгибают болото, делают по его берегу большой круг и, наконец, приходят к башне.

1. «Pape Satan, pape Satan aleppe!»[155]

Так Плутус хриплым голосом вскричал;

---

[155] Примечания: 155

Непонятные и непереводимые слова. Комментаторы, при всем старании, до сих пор не отгадали их значения. По мнению большей части из них, *pape* есть греческое παπαι, или латинское *papae*, восклицание удивления; *aleppe* есть *aleph*, название первой еврейской буквы. Согласно с этим, слова Плутуса будут выражать его восклицание к Сатане, с выражением изумления при виде живого пришельца в ад. Смешением языков — греческого с еврейским — выражено то, что алчность к золоту, символом которой служит Плутус, бог богатства, свойственна всем языкам и народам. Италианский ориенталист Ланци принимает слова эти за еврейские и переводит их на италианский язык так: Splendi, aspetto di Satana, splendi, espetto di Satana primajo! Другие думают, что Данте из ненависти к папам, считая алчность их за причину всех бедствий, написал *pape* вм. papae; в таком случае стих этот будет значить: папа Сатана верховнейший! Наконец Бенвенуто Челлини уверяет, что слова эти ничто иное, как восклицание, употреб-

лявшееся в парижских судах: Paix, paix, Satan, allez, paix!

Но мой мудрец, с кем шел я в сем вертепе,

4. Как человек всеведущий, сказал:

«Не бойся! сколько б ни имел он власти,

Не преградит нам схода с этих скал.»

7. Потом, к надутой обратившись пасти,

Вскричал: «Молчать, проклятый волк, молчать![156]

В самом себе сгорай от лютой страсти!

10. Не без причин схожу я в эту падь:[157]

Так там хотят, где мщеньем Михаила

Сокрушена крамольной силы рать.»

13. Как, спутавшись, надутые ветрила

---

[156] Примечания: 156

Плутусу придав образ волчий, для обозначения его алчности (Ада I, 49).

[157] Примечания: 157

Падь, слово, сколько мне известно, мало употребительное, означающее глубокую долину (см. Словарь Церковно-Славян. и Русск. языка). Я решился употребить его как близко-выражающее италианск. слово.

Падут, как скоро мачту их снесло:[158]
Так рухнула чудовищная сила.

16. Тут мы вошли в четвертое русло,
Сходя все ниже страшною дорогой
К брегам, вместившим всей вселенной зла.

19. О Боже правый! Кто сберет так много,
Как здесь я зрел, мучений и забот?
Почто наш грех карает нас так строго?

22. Как над Харибдой мчит водоворот
Валы к валам, дробя их в споре дивом:[159]

---

[158] Примечания: 158
Этим сравнением превосходно выражена надутая спесь людей ничтожных, гордящихся одним земным блеском.

[159] Примечания: 159
Это сравнение заимствовано из особенного явления природы, «*rintoppo*», бывающего в Мессинском проливе, когда сильные ветры дуют против течения воды. Филалетес.

Так адский здесь кружится хоровод.[160]

25. Нигде я не был в сонме столь великом!

Здесь, с двух сторон, всем суждено вращать

Пред грудью камни с воплем, с страшным криком,

28. Сшибаются два строя и опять

Катят назад, крича друг другу с гневом:

«За чем бурлить?» – «А для чего держать?[161]*» —*

31. Так с двух концов – на правом и на левом —

---

[160] Примечания: 160

Здесь кружится хоровод; в подлин.: quj la gente riddi. Слово *riddare,* в Vocabolario della Crusea, объяснено так: danzare, menar la ridda, ballo di molte peraone fetto in giro — плясать особый танец, в роде хоровода. Этим словом Данте выражает круговое движение осужденных в четвертом кругу.

[161] Примечания: 161

«Картина, изображающая состояние души скупых и расточителей, глубоко задумана и выполнена с неподражаемым искусством. Тягостное, мучительное стремление тех и других совершенно бесплодно: обе стороны хлопочут только из того, чтобы, встретившись, придти в, враждебное столкновение. Обе стороны необходимы одна для другой: скупые ищут расточителей, чтоб получить большие, чем законно, выгоды, а расточители сближаются с скупыми, чтоб приобресть новые

средства к удовлетворению своей наклонности к мотовству. Но как одни живут на счет других, то естественным следствием их взаимного столкновения бывает вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрением, как в натурах сильных, но низкою бранью и взаимным обвинением в противоположном грехе. Так и здесь мы видим скупых и расточителей, вращающих перед грудью тяжести — худопонятое богатство — с двух противоположных сторон круга, доколе в его средине они не столкнутся вместе: тогда укоряют они друг друга, сшибаются и опять без смысла и пользы катят назад свои камни, чтобы снова столкнуться с прежнею враждою.» Штрекфусс.

По кругу мрачному, подъемля стон,

Вращаются с презрительным напевом.

34. И каждый, путь свершивши, принужден.

Катить назад полкругом в бой злословный.[162]

И я, до сердца скорбью потрясен,

37. Спросил: «Мой вождь, кто этот род виновный?

Скажи мне: те постриженцы кругом,

Что слева, все ли из семьи духовной?»

40. И вождь в ответ: «Все, все они умом

В их прежней жизни столько были слепы,

---

[162] Примечания: 162

«Картина, изображающая состояние души скупых и расточителей, глубоко задумана и выполнена с неподражаемым искусством. Тягостное, мучительное стремление тех и других совершенно бесплодно: обе стороны хлопочут только из того, чтобы, встретившись, придти в, враждебное столкновение. Обе стороны необходимы одна для другой: скупые ищут расточителей, чтоб получить большие, чем законно, выгоды, а расточители сближаются с скупыми, чтоб приобресть новые средства к удовлетворению своей наклонности к мотовству. Но как одни живут на счет других, то естественным следствием их взаимного столкновения бывает вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрением, как в натурах сильных, но низкою бранью и взаимным обвинением в противоположном грехе. Так и здесь мы видим скупых и расточителей, вращающих перед грудью тяжести — худопонятое бо-

гатство — с двух противоположных сторон круга, доколе в его средине они не столкнутся вместе: тогда укоряют они друг друга, сшибаются и опять без смысла и пользы катят назад свои камни, чтобы снова столкнуться с прежнею враждою.» Штрекфусс.

Что никогда не знали мер ни в чем.

43. О том ясней твердит их вой свирепый,

Лишь с двух сторон сойдутся там вдали,

Где их грехи рождают спор нелепый.

46. Здесь кардиналы, папы здесь в пыли, —

Духовный клир с печатью постриженья:

Все в скупости безмерной жизнь вели.[163]*» —*

49. – «Мой вождь,» спросил я с чувством омерзенья,

Могу ли я узнать хоть одного

В сей сволочи, вращающей каменья?» —

52. А он: «Мечта пустая! до того

Их всех затмил мрак жизни их постылый,

---

[163] Примечания: 163

Со времен Иннокентия IV папский двор стал прибегать к самым недостойным средствам для приобретения себе денег.

Что ты узнать не можешь никого.[164]

55. На вечный спор направлены их силы:

Те без волос, а эти, сжав кулак,

В великий день восстанут из могилы.[165]

58. Здесь, обратив свет лучший в вечный мрак,[166]

Они теперь идут стеной на стену. —

И кто ж поймет смысл их безумных драк?

61. Вот здесь, мой сын, вполне познай измену

Даров, Фортуне вверенных судьбой,

Которым смертный дал такую цену.

64. Когда б собрать все злато под луной,

---

[164] Примечания: 164

В этой низкой толпе нет ни одного грешника с именем.

[165] Примечания: 165

На итальянском языке есть пословица относительно мотов: dissipare in sino ai pelli, все промотать до самых волос.

[166] Примечания: 166

Свет лучший (в подл.: lo mondo pulcro) обозначает не райскую, но земную жизнь, помраченную пороком скупости.

То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!»

67. – «Учитель,» я спросил, «но что ж такое
Фортуна, если у нее в когтях,
Как намекнул ты, благо все земное?[167]*» —*

70. А
он: «В каком невежестве, впотьмах,
Безумные, ваш род досель блуждает?[168]
Храни ж мое учение в устах.

73. Тот, Чья премудрость миром управляет,
Создавши небо, дал ему вождей,
Да каждой части каждая сияет,

76. Распределяя равный свет лучей.
Так и земному блеску от начала

---

[167] Примечания: 167
Фортуна есть добрый, Плутус злой гений богатства.

[168] Примечания: 168
Виргилий защищает фортуну от нападений Данта, который, придав ей когти, по-видимому, относит ее к числу адских, злобных сил.

Он дал вождя, владычицу вещей,

79. Чтоб в род и род, из крови в кров меняла
Блеск суетный земного бытия
И ваше знание в ничто вменила.

82. За тем одним сей грозный судия
Готовит честь, другим позор, тревоги,
Скрываяся как под травой змея.

85. Ваш разум ей не пресечет дороги:
Она провидит, правит, судит свет,[169]
Как сферами другие правят боги.[170]

88. В ее пременах перемежки нет;
Необходимость бег ей ускоряет,

---

[169] Примечания: 169

По Аристотелевой философии, каждое небо имеет своего двигателя, свою интеллигенцию, которою оно приводится в движение. Древние эти силы называли богами, Платон назвал их идеями и полагал, что их столько, сколько в природе различных родов вещей: так, одна управляет всеми богатствами, другая всеми людьми и проч. По понятиям Данта, двигатели небес (beati motori) получают свою силу свыше и потом развивают ее повсюду (Рая II, 112–129), — И так Фортуна, согласно с учением Аристотеля, есть гений всех даров счастья, от нее зависят все перемены в земных благах, как от двигателей светил небесных их движение. Как интеллигенции разливают во вселенной небесный свет, отблеск славы Создателя, так Фортуна управляет земным блеском.

[170] Примечания: 170

Т. е. как другие интеллигенции, или боги, как называли их древние

язычники, управляют сферами неба и светил небесных.

За счастьем горе посылая вслед.

91. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

94. Она ж не внемлет жалобам людским:

Блаженная, как первые творенья,[171]

Вращает
в славе шаром роковым.[172] —

97. Теперь сойдем в круг большого мученья?

Хор звезд, всходивших в час, как мы пошли,[173]

Склоняется: пойдем без замедленья.» —

---

[171] Примечания: 171
Первые творения суть Ангелы.

[172] Примечания: 172
Шар или Сфера Фортуны есть область земных благ, управляемая ею; сравнение взято от сфер неба, управляемых интеллигенциями.

[173] Примечания: 173
Как мы пошли относится к последнему стиху первой пес. Ада. Странствие Данта началось в конце дня, когда звезды восходили над горизонтом; теперь они склоняются: значит, полночь уже прошла, наступает 26 Марта или, по другим, 5 или 9 Апреля. Странствие поэта по сие время продолжалось шесть часов.

100. Мы пересекли этот круг и шли[174]

К другому брегу, где поток тлетворный

Бежал, кипя и роя грудь земли

103. Волною больше мутною, чем черной,

И, по теченью мертвого ручья,

С трудом мы вниз сошли дорогой горной.

106. В болото, Стикс, вливалася струя

Печальных вод, свергавшихся с стремнины

В зловредные и мрачные края.

109. И я, взглянув на грязные пучины,

---

[174] Примечания: 174

Поэты проходят в пятый круг, где казнятся души гневных. «Кипящий, мутный поток, образующий болотистое озеро Стикс, есть символ гнева, жар которого овладевает человеком и потемняет его рассудок. Волны потока, более мутные, чем черные, обозначают, что гнев есть следствие не столько злых наклонностей, сколько потемнения внутреннего света, внезапной потери самосознания. Здесь, на поверхности болота, гневные на самих себе испытывают, каким тяжким бременем были они для ближних на земле. Как люди злые и завистливые, они погружены в грязную стихию: они не могут произнести вполне ни одного слова, потому что мутная и злая среда, в которой живут они, ни на минуту не дает им сосредоточиться в самих себя, лишает их спокойствия и при каждом проявлении их внутренней жизни еще сильнее волнуется.» Штрекфусс.

Увидел в них несметные полки
Теней нагих и гневных от кручины.

112. Ногами, грудью, головой с тоски
Они дрались, не только что руками,
Зубами грызли плоть в куски, в куски.

115. И вождь: «Мой сын, стоишь ты пред тенями,
Которых гнев привел в такой раздор,
И верь ты мне, что даже под волнами

118. Вздыхает их неистовый собор
И пузыри вздувает в сей трясине,
Как зришь везде, куда направишь взор.

121. Прислушайся, как вопят в адской тине;[175]
«Мы были злы в веселой жизни той,
«Тая в себе дым медленный, и ныне

124. «Томимся здесь под тиною густой!»
Так в их гортанях клокотали клики,

---

[175] Примечания: 175
В тину погружены вероятно души тех, которые, в противоположность гневным, таили в душе своей, как медленный огонь, зависть и скрытую ненависть.

Захлебываясь черною водой. —

Меж озером и брегом круг великий
Мы описали, с горестью сердец
Смотря на грешных, издававших крики,

Пока достигли башни наконец.

Песнь VIII

Содержание. На два сигнальные огонька с башни отвечает третий вдали над болотом. Между тем с быстротою стрелы несется по волнам челнок навстречу путникам: это ладья Флегиаса, кормщика адского болота. С бешенством окликает он Данта, но, укрощенный Виргилием, принимает поэтов в свою ладью. Они плывут. Тогда из воды поднимается тень флорентинца Филиппа Арджанти и силится опрокинуть ладью; но Виргилий отталкивает, а грешники увлекают свирепого флорентинца; он в бешенстве грызет самого себя. – Между тем страшные крики оглушают поэтов: они приближаются к адскому городу, *Дис,* с огненными башнями, окруженному глубокими рвами. У ворот города поэты выходят на берег; но тысячи падших с неба ангелов возбраняют им вход. Виргилий ведет с ними переговоры; демоны согласны впустить Виргилия, но Данте должен один возвра-

титься. Он в ужасе. Виргилий, обещая не покидать его, снова переговаривает с демонами; но те пред его грудью запирают ворота города и оставляют поэта за порогом. Виргилий возвращается к Данту; он сам в сильном смущении, однако ж утешает живого поэта скорым прибытием небесной помощи.

1. Я продолжаю. Прежде, чем мы были[176]

У основанья грозной башни сей,

В ее вершине взор наш приманили

4. Два огонька, блеснувшие на ней,[177]

Знак подавал им пламень одинокий

---

[176] Примечания: 176

Я продолжаю (Io dico seguitando). К пояснению этих слов комментаторы приводят следующее предание: до своего изгнания Данте написал только первые семь песен, которые и остались во Флоренции. Спустя несколько лет после того, жена Данта между вещами, спасенными ею во время разграбления Дантова дома, нашла эту рукопись и немедленно отправила ее к Маркизу Морелло Маласпини в Луниджиане, где в то время находился Данте, с просьбою передать рукопись поэту и убедить его продолжать начатую поэму. Таким образом, Данте опять получил свою собственность и словами: *я продолжаю,* связал нить прерванного рассказа. Впрочем, другие толкователи Данта сомневаются в истине этого предания.

[177] Примечания: 177

Два огонька дают знать перевозчику, что прибыли двое, третьим отвечает сам перевозчик на поданный ему сигнал. Ландино.

В дали, едва доступной для очей.

7. И, в море знаний погружая око,
Спросил я: «Вождь, кто знаки подает?
Что огонькам ответил огнь далекий?»

10. И вождь в ответ: «Над зыбью грязных вод
Не видишь ли, кто мчится к нам стрелою?
Иль для тебя он скрыт в дыму болот?»

13. Лук с тетивы с подобной быстротою
Не мечет стрел на воздух никогда,
С какой, я зрел, над мутною волною

16. На встречу к нам стремился челн тогда;
Его рулем один лишь кормщик правил,
Крича: «Злой дух, пришел и ты сюда?» —

19. – «Флегъяс, Флегъяс! ты к нам вотще

направил,[178]»

Сказал мой вождь: «свой крик на этот раз:

Мы здесь за тем, чтоб нас ты переправил.» —

21. Как злится тот, кто выслушал рассказ

О том, какой над ним обман свершился,

Так бешенством объят был Флегиас.

25. Вождь сел в ладью, за ним и я спустился,

И лишь тогда, как сел я близ вождя,

Летучий челн, казалось, нагрузился.[179]

---

[178] Примечания: 178

Флегиас, царь Лапитов, мстя за дочь свою, обольщенную Аполлоном, завоевал Дельфы и сжег Аполлонов храм. Уже для древних этот грех казался так ужасен, что они поместили Флегиаса в Тартар.
Виргилий (Aen. VI, 618 et s.) говорит об нем:

Phlegiasque miserrimus omnes
Admonet et magna testatur voce per umbras:
Discite justitiam moniti et non temnere divos.

Весьма глубокомысленно Данте сделал его перевозчиком, переправляющим души через болото гневных, сквозь чад, испаряемый этим болотом, в адский город, защищаемый возмутившимися ангелами и населенный неверующими. — Обращение Флегиаса в единственном числе означает гнев, который не позволяет ему видеть, сколько прибыло. Ландино.

[179] Примечания: 179

Данте своим телом обременил легкую ладью, предназначенную для перевоза теней. — Подражание Виргилию. Aen. VI 413.

28. И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека,
Зыбь глубже, чем когда-нибудь, браздя.

31. Так плыли мы вдоль мертвого потока;
Вдруг весь в грязи дух выплыл из ручья,
Вскричав: «Кто ты, идущий прежде срока?» —

34. А я: «Иду, но не останусь я;
Но кто ты сам, весь в тине, безобразный?» —
И он: «Ты видишь: плачет тень моя!» —

37. «Так плачь же, дух проклятый, безотвязный!»
Воскликнул я: «и множь печаль свою!
Теперь узнал я, кто ты, призрак грязный!»

*40. Тогда схватил руками он ладью**
Но оттолкнул его мой вождь, взывая:
«Прочь, к псам другим! или в свою семью!»

43. Потом, обняв меня, в уста лобзая,

Сказал мне: «Будь благословенна в век
Зачавшая тебя, душа живая![180]

46. Он на земле был гордый человек:
Жизнь не украсив добрыми делами,
Теперь нам путь он в бешенстве пресек.

49. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

52. И я: «Мой вождь, желал бы я взглянуть,
Как страшный грешник в волны погрузится,
Пока наш челн окончит дальний путь.» —

55. И мне учитель: «Прежде, чем домчится
Ладья к брегам, дождешься ты конца:
Сим зрелищем ты должен насладиться.»

---

[180] Примечания: 180
Виргилий (разум) чувствует вместе с Дантом отвращение от порока, но одобряет справедливый гнев.

58. Тут видел я, как душу гордеца
Толпы теней, терзая, вглубь умчали,
За что досель благодарю Творца.

61. «Филипп Ардженти, к нам!» они кричали,[181]
А дух безумный флорентинца сам
Себя зубами грыз и рвал с печали.

64. Но замолчим, его оставим там! —
Тут страшный вопль пронзил мне слух: заране
Взирать не стало сил моим очам.

67. И вождь: «Мой сын, уж виден град в тумане,
Зовомый Дис, где, воя и стеня,[182]
Проклятые столпилися граждане.»

---

[181] Примечания: 181

Филиппо Ардженти, очень богатый флорентинец из фамилии Кавуччиули, ветви Адимари, прозванный *Ардженти* за то, что подковал свою лошадь серебряными подковами, был, по словам Боккаччио (Decam. IX, 8) очень вспыльчив, так, что при малейшем поводе приходил в неистовый гнев. — Адимари были Черные и личные враги Данта.

[182] Примечания: 182

Адский город (слич. Ада III, 3), названный *Дис* (одно из названий Плутона или Люцифера), составляет шестой круг ада, отделенный от пятого (болотистого Стикса) стеною и глубокими рвами. Многие думают, что Данте заимствовал идею об адском городе у Виргилия (Aen. VI, 549 ets.)

70. И я: «Уже предстали пред меня[183]
Багровые мечети в дымном смраде,
Восставшие как будто из огня.[184]

73. И вождь: «Горит огнь вечный в их ограде,[185]
И раскаляет стены проклятых,
Как видишь ты в глубоком этом аде.[186]» —

76. Меж тем челнок глубоких рвов достиг,[187]
Облегших вкруг твердыни безутешной;
Железными почел я стены их.

79. Челн, сделав круг великий, в тьме кромешной,

---

[183] Примечания: 183

Назвав башни адского города мечетями, Данте придает ему характер демонского города, а вместе с тем дает знать, что населяющие его грешники не следовали в жизни учению Христовой Церкви.

[184] Примечания: 184

«Subverti vos, sicut subvertit Deus Sodomam, et Gomorrham, et facti estis quasi *torris raptus ab incendio.»* Vulg. Amos. Cap. 4, 11.

[185] Примечания: 185

Вечный огонь, раскаляющий стены адского города, есть тот самый божественный свет любви и истины, который в чистилище возжигает надежду, а в раю составляет высочайшее блаженство душ или светов; но в аду он уже не светит и не согревает врагов Божьих, отрекшихся от божественной любви, но не возмогших совершенно от ней отре-

шиться. Эта глубокая идея проведена, как мы увидим, во всей поэме Дантовой (Ада XIV, 28, XV, XIX, 25, XXVI, 42; Чистил. XXV, 112 и Рая V, 118). Копишь и Рут.

[186] Примечания: 186

Глубоким адом Виргилий называет следующие круги в отличие от вышележащих, в которых наказуется одно только невоздержание, тогда как ниже наказуются злоба и грех дикой животности. (См. Ад. XI, 79).

[187] Примечания: 187

Воды Стикса вливаются во рвы вокруг города, а потому в них можно проникнуть из этой адской реки. Филалетес.

Причалил там, где мощный кормщик-бес:

«Вот дверь!» вскричал: «идите вон поспешно![188]».

82. Над входом в град, я зрел, тьмы тем с небес[189]

Низринутых, которые сурово

Вопили: «Кто вступает в царство слез?

85. Живой кто входит к мертвым, странник новый?»

Но мудрый мой наставник подал знак,

Что хочет тайное сказать им слово.

88. Тогда, на миг притихнув, молвил враг:

---

[188] Примечания: 188

Тут вступаем мы в шестой круг, где наказуются еретики, особенно основатели еретических сект (ересіархи).

[189] Примечания: 189

«Здесь, на рубеже истинного глубокого ада, Данте видит толпы ангелов, свергнутых с неба с Люцифером. Они, столько же с яростью, сколько и с предусмотрительностью, заграждают вход пришельцу, руководимому разумом. Еще разум они и согласны были бы принять (ст. 89.), вероятно, с целью овладеть им и тем лишить странника его руководительства; но человека, ведомого разумом, они уже никак не хотят впустить. Им непременно хочется отпустить Данта одного без Виргилия: оставленный разумом, человек неминуемо становится жертвою заблуждения, которое и наказуется в этом огненном городе. Виргилий передает им волю неба, но демоны запирают врата города: они не хотят уже

слушать разума, как скоро он говорит им о повиновении Богу. Но Виргилий не теряет упования на высшую силу: она, как враг всякой лжи, как непреложная защитница истины, должна рано или поздно явиться на помощь уповающему.» Копишь и Штрекфусс.

«Войди один, а он да удалится,

Он, что так смело входит в вечный мрак.

91. Пусть он путем безумным возвратится,

И без тебя – тебя мы впустим в град —

Коль знает, пусть в обратный путь стремится.»

94. Читатель, сам подумай, как объят

Я страхом был от грозных слов: обратно

Не думал я уже придти назад.

97. «О милый вождь, который семикратно[190]

Спасал меня и избавлял в беде,

Где погибал уже я невозвратно, —

100. Не кинь меня,» я рек, «в такой нужде,

И, если ад идти мне не дозволил,

Пойдем назад! будь мне щитом везде!»

---

[190] Примечания: 190

Здесь определенное число поставлено вместо неопределенного.

103. Но он, мой вождь, мне в сердце бодрость пролил,
Сказав: «Будь смел! дороги роковой
Нам не прервут; так жребий соизволил.

106. Жди тут меня и дух унылый свой
Крепи, питай надеждою благою:
В сем мире я не разлучусь с тобой.

109. С моим отцом расстался я с тоскою:
В моей главе, исполненной тревог,
И да и нет сражались меж собою.[191]

112. Что рек он им, расслушать я не мог,
Но он не долго с ними находился,
Как все враги укрылись за порог

115. И вход ему пред грудью затворился;
Владыка мой оставлен был совне
И медленно ко мне он возвратился.

---

[191] Примечания: 191
Возвратится он, или нет?

118. Потупив взор, утративший вполне
Все мужество, он говорил, вздыхая:
«Кто в дом скорбей пресек дорогу мне?»

121. И мне потом: «Мой гнев в лице читая,
Ты не страшись: мы победим их хор,
Чтоб ни творил он, град свой охраняя.

124. Уже не нов такой его отпор:
Он явлен был у врат первоначальных,
Что каждому отворены с тех пор.

127. Над ними зрел ты надпись слов печальных;
И уж оттоль нисходит вглубь теперь
И, без вождя, грядет в пучинах дальних

130. Тот, кто для нас развернет в крепость дверь.»

Песнь IX

Содержание. Виргилий, тщетно ожидая небесной помощи, в недоумении говорит сам с собою. Устрашенный очевидным колебанием учителя, Данте спрашивает: случалось ли кому-нибудь из обитателей лимба спускаться на дно ада, и узнает, что Виргилий уже и прежде сходил в самый последний круг адской бездны. Между тем на вершине башни являются три адские фурии: Мегера, Алекто и Тизифона. Они с криком раздирают себе грудь когтями и, глядя на Данта, зовут Медузу, чтобы превратить его в камень. Тогда Виргилий оборачивает Данта к ним спиною и сам закрывает ему очи руками. Тут страшный гром потрясает волны Стикса, и Данте, открыв очи, видит приближающегося Ангела, который, с жезлом в руке идет по вашим Стикса, как по суше. Тени гневных и демоны убегают от него в ужасе, а врата адского города разверзаются сами собою. Укротив ярость демонов напоми-

новением бесполезности сопротивления, ангел отходит обратно. Беспрепятственно входят тогда поэты в город, и взору Данта представляется необозримое поле, изрытое могилами, в которых и между которыми пылает пламя. Это шестой круг ада, где, скрытые в могилах, наказуются еретики, особенно основатели еретических сект. Поэты продолжают шествие и, повернув направо, идут между стеною крепости и могилами.

1. Едва мой вождь заметил цвет боязни
В моем лице, он тотчас сумрак свой
Прогнал с чела улыбкою приязни.

4. Как внемлющий, стоял он предо мной,
За тем, что вдаль не мог вперить он взоры
Сквозь воздух черный и туман густой.

7. «Мы сокрушим их адские затворы…
А если… нет… ведь тот мне обещал …
Как медлить он, помощник наш неско-

рый![192]»

10. Я видел ясно, как он прикрывал
Последним то, что высказал сначала,
И речи первой смысл иной давал.

13. Тем больший страх мне речь его внушала,
Что тайный смысл отыскивал я в ней,
Быть может, худший, чем она скрывала.

16. «На дно печальной раковины сей[193]
Сходили ль прежде души с той ступени,
Где без надежд вздыхает сонм теней?[194]» —

---

[192] Примечания: 192

В этих недосказанных фразах выражено волнение Виргилия. Сперва он старается успокоить себя и Данта, потом, в прерванном предложении, выражает сомнение на счет прибытия обещанной помощи, наконец, опять вспоминая о обещании им покровительства, заключает речь свою нетерпением по причине медленного явления желанной помощи.

[193] Примечания: 193

Печальная раковина (в подлин.: la trista conca). Так называет Данте воронкообразную бездну ада, которой концентрические уступы действительно имеют сходство с завороты раковины (см. Ада IV, прим. к 7–8). Из переводчиков Данта один только Ратисбонн, недавно издавший свой перевод Ада на французский язык, удержал эту метафору:

– «Jamais,» lai demandai-je, «en cette triste conque»
A-t-on va pénétrer! maître, un esprit quelconque

Condamné seulement a languir sans espoir?»

[194] Примечания: 194

Данте, видя колебание Виргилия, начинает сомневаться, в состоянии ли его учитель вести его далее. По этому, он желает знать: знакома ли самому Виргилию дорога в ад; но вопрос свой предлагает он с той нежностью, которую требует его отношение к Виргилию как ученика к учителю. (См. Ад. III, прим. к ст.,79).

19. Так я спросил; а он: «Из нашей сени
В глубокий ад, в который ты вступил,
Не многие досель сходили тени.

22. Но я в сей град однажды призван был
Волшебницей, что силу чар имела
В плоть облекать отшедших в мрак могил.

25. Едва сложил с себя я узы тела,
Как тень извлечь она велела мне
Из темного Иудина предела.[195]

28. Сей мрачный круг лежит на самом дне,

---

[195] Примечания: 195

Волшебница, о которой здесь говорится, есть Эрихто из Фессалии, которая в поэме Лукана (Pharsal. VI, 727 et s.) вызывает из могилы, по просьбе Помпея младшего, душу одного умершего, чтобы узнать от него окончательный исход гражданской войны. Это случилось спустя 30 лет после смерти Виргилия; но Эрихто, его современница, могла пережить поэта и своими заклинаниями заставить его сойти в ад за душою, о которой говорит Лукан. По мнению Каннегиссера, весь этот поэтический вымысел имеет значение чисто-аллегорическое, именно Виргилий хочет сказать, что он уже сделал опыт сошествия в ад в своей Энеиде, так, что под именем его первого схождения в ад должно разуметь изображение подземного мира в VI песне Энеиды, к чему он был подвигнут и одушевлен Эрихто, волшебницею, т. е. поэзиею, и притом в молодости, при первом пробуждении в нем мыслительной силы, при первой победе его духа над материею, ибо Энеида принадлежит к его ранним творениям. Даже указание Виргилия, что он сходил в самый

нижний круг, в круг Иуды, в четвертое отделение девятого круга, есть, по мнению Каннегиссера, намек на то, что Сивилла, описывающая Энею тартар и его муки, заканчивает свое изображение ада казнью изменников (Aen. VI, 608–624). — С большею вероятностью однако ж полагает Копишь, что Данте воспользовался здесь какою-нибудь средневековою, теперь утраченною, легендою из, цикла сказания о чародействе Виргилия (Ада I, прим. к 70–72).

Всех далее от высочайшей сферы;[196]
И так смелей! я знаю путь вполне.

31. Обвит болотом, в смрадном дыме серы,
Сей град скорбей, куда без гнева нам[197]
Нельзя войти в подземные пещеры.» —

34. Что рек еще, теперь не вспомню сам:
Мой взор, мой ум тогда манили стены
Высокой башни к огненным зубцам,

37. Где вознеслись три Фурии геенны,
Имевшие свирепых женщин вид,
И кровью обрызганные члены.

40. Их пояс был из гидр зеленых свит;
Не волосы им обвивали лица,

---

[196] Примечания: 196
В подлин.: più lontan dal ciel, che tutto gira. Здесь должно разуметь или небо вообще, или высшее небо, эмпиреи в особенности (Ад. I, прим. к 127).

[197] Примечания: 197
Без гнева, т. е. без справедливого, благородного негодования (Ад. VIII, 44–45).

Но аспиды, керасты Эвменид.[198]

43. И он, узнав служительниц царицы[199]

Рыданий вечных, тихо молвил мне:

«Вот Фурии, три стража сей темницы.[200]

46. Мегера там на левой стороне,

Алекто справа плачет в горе диком,

А Тизифона между них!» – Они

49. Когтями перси раздирали с криком,

Стуча в ладони с бешенством таким,

Что, в ужасе, к певцу припал я ликом.

52. «Медуза, к нам! их в камень превра-

---

[198] Примечания: 198

Керасты, особый род ядовитых змей с рогами (coluber cerastes)

[199] Примечания: 199

Царица вечных рыданий — Геката или Прозерпина, на Олимпе чтимая как Луна или Диана (Ада X, 79 и примеч.).

[200] Примечания: 200

Фурии или Эриннии, по одним, символ отчаяния, по другим — поколебавшейся веры в Бога. — Данте удержал их тройственное число, определенное уже и в мифологии, во-первых, потому, что три есть число таинственное, во-вторых потому, что оно напоминает тройственное число животных в первой песни, наконец потому, что соответствует трем родам грехов, наказуемых за стенами адского города: ереси, насилию и обману. Каннегиссер.

тим![201]

Так, вниз глядя; из всей взывали мочи:
«Позор,
когда Тезею не отмстим![202]*» —*

55. «О, отвратись! закрой руками очи!
Когда узришь Горгону пред собой,
Уж не придешь назад из вечной ночи.» —

58. Так вождь сказал и к ним меня спиной
Сам обратил и, к моему спасенью,
Закрыл мне очи собственной рукой. —

61. О вы, чей ум способен к размышленью,

---

[201] Примечания: 201

Медуза, одна из прекрасных Горгон (почему и названа она в ст. 56 Горгоною), была обольщена Нептуном в храме Паллады, богини мудрости; за то богиня превратила в змей ее прекрасные волосы, так пленившие Нептуна, а голову, отсеченную по ее же повелению Персеем, поместила на своем щите, дав ей силу превращать в камень каждого, кто на нее взглянет. — О значении головы Медузы см. ниже.

[202] Примечания: 202

Тезей содействовал другу своему Перитою в его отчаянном предприятии — похитить Прозерпину. Оба они были закованы в цепи Фуриями, но Тезей был избавлен впоследствии Геркулесом. Фурии теперь сожалеют, что они не удержали и не наказали Тезея, ибо этот пример их слабости возродил еще в другом из живущих на земле — в Данте — дерзкую мысль сойти в ад.

Под покрывалом странных сих стихов
Сокрытому дивитеся ученью![203] —

64. И вот по гребням вспененных валов
Пронисся треск со звуком, полным страха,
Потрясший высь обоих берегов.

67. Так вихрь, рожден борьбой жаров из праха.[204]
Неистовый несется прямо в лес
И, на него обрушившись, с размаха

70. Ломает ветви, валит пни древес
И, пастухов гоня с полей со стадом,
Уходит горд, пыль взвивший до небес.

---

[203] Примечания: 203

Здесь в первый раз Данте указывает читателю на глубокий смысл, таящийся под внешнею оболочкою своих стихов: во всей поэме он неоднократно напоминает об этом. Какой именно смысл скрывается в особенности в этой песне, комментаторы объясняют различно. По мнению Штрекфусса, Фуріи, как стражи шестого круга, где наказуются еретики, суть символы того фанатизма и ожесточения, которыми во все времена отличались последователи сект, особенно недавно возникших; в том же смысле и голова Медузы есть олицетворенная ересь, которая, как доказывает быстрое распространение всех новых сект, каждого, обращающего на нее взоры, готова вовлечь в свое заблуждение и тем лишить духовной свободы. — Копишь в змеиновласой голове и окаменяющем взгляде Медузы, прекрасной поругательницы храма мудрости, видит символ могущества духовного греха, который отчуждает душу от божественной жизни и Бога, превращая ее как бы в мертвый, немой камень. За стенами, пред которыми стоят теперь

поэты, в глубоком истинном аде, нет ни одной души, грехи которой проистекали бы из естественных побуждений; напротив, все здесь наказуемые грешники опозорили силу духа, дав ему превратное, неестественное направление. По этому, человек, всею силою ума и разума, должен уклоняться от грехов духа, от этой головы Медузы с окаменяющим взором. Этим объясняется ревность Виргилия (разума), с которою он укрывает своего ученика от страшного видения.

[204] Примечания: 204

От слияния холодного ветра с теплым возникает ветер. Данте вероятно имел в виду слова Цицерона: «Placet Stoicis eos anhelitus terrae, qui frigidi sint, cum fluere coeperint, ventos esse: cum autein se in nubem induerint, ejusque tenuissimam quamque partem coeperint dividere, atque disrumpere, idque crebrius facere, et vehementius, tum et rolgura et tonitrua existere.» Ci.c De divinat. Lib. II, 44. Ломбарди*

73. Тогда мой вождь: «Проникни смелым взглядом
Над пеной древних волн до рубежа,
Где дым с болот встает острейшим чадом.»

76. Как мечутся лягушки от ужа,
Их недруга, и кучей в тине лужи
Лежат на дне: так, воя и дрожа

79. От ужаса – я видел – мчались души,
Смущенные явлением того,
Что проходил по Стиксу как по суше.

82. Он шуйцей гнал от лика своего
Густой туман, мглу черную как смолу,
И мрак, казалось, утомлял его.

85. Я понял вмиг, что он смирит крамолу,
И на вождя взглянул: он дал мне знак,
Чтоб я молчал, и взор потупил долу.

88. О, как разгневан был горящий зрак!
Достигнув врат, он жезл поднял железный

И вмиг пред ним разверз их лютый враг.

91. «О подлый род, изгнанный с тверди звездной!»

На страшном праге рек он им в ответ:

«Кто в вас возжег дух злобы бесполезной?

94. Что попирать ту волю, тот завет,

Что пред собой все сокрушает грани?

Колико крат то было вам во вред?

97. Зачем рога уставили для браня?

Не ваш ли пес – о вспомни, дерзкий род![205] —

Несет на вые след могучей длани?»

100. Он вспять отшел путем нечистых вод,

Не обменясь в тот миг ни словом с на-

---

[205] Примечания: 205

Согласно с древним мифом, Геркудес, низойдя в ад, наложил цепь на выю Цербера и извлек его из ада: намек на бесполезность сопротивления высшей воле и силе. — Цербер тут есть только символ строптивости, или самого Люцифера, а слова: *о вспомни* и пр., указывают или на падение Сатаны, или на спасение человека. Каннегиссер.

ми,[206]

Как человек, под бременем забот,

103. Не зрит того, что пред его очами. —

И в крепость мы направили стопы,

Подкреплены святыми словесами.

106. Тут нам никто не возбранял тропы,

И я, вступив в пределы стен высоких,

Чтоб видеть казнь томящейся толпы,

109. Окинул взором край пучин глубоких

И зрел со всех сторон простор полян,

---

[206] Примечания: 206

По замечанию одного старинного комментатора, Ангелы начинают говорит с Дантом только в Чистилище: это потому, что Данте в странствовании своем по аду еще не очищен от грехов, но созерцает и действует, еще покрытый ими, или, лучше сказать, есть представитель греха других. — «Не трудно отгадать, кто этот Ангел, являющийся теперь на помощь Данту, руководимому Виргилием. Не ту же ли божественную силу мы видим везде в истории человечества, в те времена, когда люди в ослеплении начинают борьбу против воли провидения. Значение этой воли: человек, цель твоя стремление вперед! Среди разгрома бури свершается эта воля там, где встречает себе сопротивление. А когда Господь яростью гнева своего наказует сопротивляющихся, тогда отдельные личности важны пред судом Его, посколько они нужны как часть неизмеримого целого.» Штрекфусс.

Исполненных скорбей и мук жестоких.

112. Как близко Арля, где не быстр Родан,
Иль как у Полы, где залив Кварнары[207]
Грань омывает италийских стран, —

115. Могилами изрыты крутояры:
Такую здесь увидел я страну,
Но вид ее был полон горшей кары.

118. Огонь, змеясь между могил по дну,
Их раскалял с такой ужасной силой,
Как никогда не плавят сталь в горну.

121. Покров висел над каждою могилой
И вопль глухой к нам несся из могил,
И этот вопль был плач толпы унылой.

124. «Учитель мой, кто это,» я спросил:

---

[207] Примечания: 207

Арль, город Прованса на реке Рони, где она умеряет быстроту течения, образуя по берегам своим топкие болота. Пола, город в Истрии, при заливе Кварнаро или Кварнеро *(Sinuts fanaticus* древних, названный так по причине опасного в нем мореплавания). В окрестностях этих городов находится множество могильных курганов, о происхождении которых существуют различные предания; между прочим архиепископ Тюрпин, упоминая в своей «Истории Карла Великого,» о курганах близ Арля, называет их кладбищем семи святых епископов.

«Казнится здесь под сводами так строго?

И почему их голос так уныл?»

127. И он: «Здесь казнь еретикам от Бога![208]

Здесь секты всех родов подъемлют стон!

Ты не поверишь мне, как здесь их много![209]

130. С подобным здесь подобный заключен

И разный жар вмещают их гробницы.»

И, повернув на право, вышел он

133. Меж полем мук и крепких стен

---

[208] Примечания: 208

Еретики, особенно учители ереси (eresiarehe), восприемлющие казнь в шестом кругу ада, заключены в могилах, раскаляемых пламенем. Крыши с могил, или собственно с гробниц, приподняты (sospesi, т. е. стоят в полунаклоннинном положении так, что готовы упасть каждую минуту); но в день страшного суда они упадут и закроют могилы навеки (Ада X, 10). Всякое поколебание веры в Бога, всякое отрицание жизни божественной, а, стало быть, и бессмертия души, по учению Данта, есть уже ересь. По этому, в шестом кругу содержатся неверующие, вольнодумцы, атеисты, материалисты, эпикурейцы, еретики всякого рода, а не сектаторы, основатели ложных религий и расколов, произведшие раздел и тревоги между людьми: последние помещены ниже (Ад. XXVIII). Риваролъ. «Отвергнув существование вечной жизни, еретики и их лжеучители заключены теперь в тесные пределы раскаленных гробов; только теперь сознают они всю узость

своего мудрования, и это сознание объемлет их в образе тесного гроба, раскаляемого, но не освещаемого, тем самым светом вечной истины, который они отвергли, тем пламенем, который не вредил Беатриче (Ад. II. 93), в котором души очищающихся живут надеждою (Ада I, 118) и который для праведных составляет источник их блаженства (Ада VIII, прим. к 73). Еретики запрутся в судный день с телами в могиле: это значить, что они останутся навсегда неспособными, как бы умершими для блаженства вечной жизни: отвергнув ее существование, они совершили над собою как бы духовное самоубийство. Как самоубийцы настоящие (Ада XIII, 103–106) навсегда будут лишены своего тела, так и духовные никогда уже не увидят радостей божественной жизни. Тесные пределы их гробов, пылающих светом божественной истины, есть сущая противоположность свободному круговращению блаженных в самой крайней сфере небесного света. Узкое поле их воззрения есть их собственная мука.» Копишь.

[209] Примечания: 209

Другими словами: еретиков гораздо более, нежели сколько ты думаешь. Кажется, это намек на великое множество сект, распространившихся по Италии во времена Дантовы. Филалетес.

бойницы.»

Песнь X

Содержание. Поэты идут между стенами города и могилами. Последние открыты, но в день страшного суда закроются; в них погребены Эпикур и его последователи, полагавшие, что душа умрет вместе с телом. Из глубины одной из них раздается голос, взывающий к Данту, и вслед за тем поднимается до пояса тень Фаринаты, предводителя Гибеллинов. Он спрашивает Данта о его предках и, узнав, что они были заклятые враги его Гвельфы, говорит с негодованием, что он два раза изгнал их из Флоренции. На это Данте отвечает, что его предки каждый раз возвращались из изгнания, чего не удавалось партии Фаринаты. Пока говорят они, из могилы, не далеко от Фаринатовой, поднимается другая тень: это Гвельф Кавальканте Кавальканти. Он спрашивает, почему Гвидо, сын его и друг Данта, не пришел вместе с ним, и, заключив ошибочно, что сын его умер,

опрокидывается в могилу. Между тем Фарината, не обращая внимания на упавшего, продолжает прерванный разговор, предсказывает Данту изгнание и, узнав о причине преследований, направленных флорентинцами против Гибеллинов, с гордостью вспоминает, что он один спас родной город от разрушения; наконец, разрешив Данту некоторое сомнение насчет способности грешников видеть будущее и указав из числа теней, вместе с ним наказуемых, на императора Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезает в могиле. Данте с горестью возвращается к Виргилию, который, утешая его, напоминает ему Беатриче, от которой Данте должен узнать истинный путь к божественной жизни. Поэты идут налево к центру города, чтобы спуститься в глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонные испарения.

1. Вот узкою тропинкой, меж стенами
Сей крепости и зрелищем скорбей,
Пошел мой вождь, а я за раменами.

4. «О высший ум, с кем в адской бездне сей

Вращаюсь я, твоей покорный воле, —

Наставь меня премудростью своей.

7. Могу ль узреть» спросил я: «в этом поле

Томящихся в могилах? крыши с них

Приподняты и стражи нет уж боле.»

10. А он в ответ: «Запрутся все в тот миг,

Когда придут с полей Иосафата

И принесут тела из недр земных.[210]

13. Тут погребен со школою разврата

Тот Эпикур, который мир учил,

Что с телом дух погибнет без возвра-

---

[210] Примечания: 210

Юдоль Иосафата, около Иерусалима, будет местом страшного суда, согласно с пророком Иоилем (Гл. III, 7). Туда соберутся все племена земные, и оттуда души, вместе с телами, возвратятся в страну блаженства, или осуждения, и тогда только грешники вполне восчувствуют весь ужас присужденных им казней (Ад. VI, 94–96 и XIII, 103–108). По объяснению прежних толкователей, могилы еретиков закроются после страшного суда потому, что по воскрешении мертвых, ересь прекратится и, следственно, не будет более неверующих (см. Ад. IX, примеч. 127).

та.[211]

16. Здесь твой вопрос, что мне ты предложил,

А вместе с тем и тайное сомненье

Сейчас решатся в лони сих могил.[212]*»*

19. Но я: «Мои вождь, души моей мышленье

Я утаил для краткости в речах,

К чему ты сам давал мне наставленье.[213]*»* —

22. «Тосканец, ты, что в огненных стенах

Живой ведешь беседу так прекрасно,

Благоволи помедлить в сих местах!

---

[211] Примечания: 211

По понятиям Данта, название еретика заслуживают все, коих религиозных понятия уклоняются от учения Христовой Церкви, хотя бы эти неверующие и не принадлежали к числу христиан и даже жили до Христа между язычниками. Потому в число еретиков помещает он и язычника Эпикура с его школою, учившего, что душа умирает вместе с телом.

[212] Примечания: 212

Вопрос Дантов состоял в том, можно ли видеть грешников, заключенных в этих гробницах, при чем он не высказал Виргилию тайного своего желания узнать об участи своих сограждан, Фаринаты и Кавальканте, которых эпикуреийский образ мыслей был ему хорошо известен.

[213] Примечания: 213

Эти слова относится или к наставлению, сделанному Данту Вириглием в III пес. Ад., или к сжатости Виргилиева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

25. Звук слов твоих мне обнаружил ясно,
Что в благородной ты стране возник,
Где, может быть, клянут меня напрасно.» —

28. Внезапно здесь исторгся этот крик
Со дна могил и, ужасом объятый,
Я к моему учителю приник.

31. «Что делаешь?» сказал мне мой вожатый:
«Оборотясь: перед тобой возстал
До пояса дух гордый Фаринаты.[214]»

34. К его лицу я взоры приковал;
А он восстал, подняв чело и плечи,
Как будто ад и муки презирал.

---

[214] Примечания: 214

Фарината, победитель при Арбии (см. выше). Современники считали его за величайшего атеиста, утверждавшего, что все в этой жизни кончается со смертью, а потому думавшего, что не должно отказывать себе ни в каких удовольствиях. По этой причине Данте поместил его между эпикурейцами и даже искал его в третьем кругу между обжорами (Ада VI, 79). Не будь он причастен этому греху, Данте едва ли поместил бы в аду этого мужа, которого он так высоко ценит за его любовь к отечеству, великодушие и в особенности за спасение Флоренции, того мужа, которого флорентинский историк Валдани не даром называет вторым Камиллом.

37. И меж гробов к герою страшной сечи

Толкнул меня поспешно мой певец,

Сказав: «Твои да будут кратки речи!»

40. Когда ж у гроба стал я наконец,

Дух, на меня взглянув, почти с презреньем

Спросил: «Кто предки у тебя, пришлец?»

43. А я, пред ним стоя с благоговеньем,

Не утаив, все высказал вполне.

Тогда нахмурил брови он с смущеньем

46. И рек: «Враги то злые были мне

И партии моей и нашим дедам:

За

то я дважды их громил в войне.[215]» —

49. «Ты их громил, но возвратились следом

Они отвсюду,» я в ответ сказал:

«Твоим же путь к возврату был неведом![216]» —

52. Тут близ него из гроба приподнял

До подбородка лик другой безбожный:[217]

Он на коленях, думаю, стоял.

55. Вокруг меня водил он взор тревожный,

Как бы желая знать, кто был со мной;

Когда же луч угас надежды ложной,

---

[215] Примечания: 215

Здесь необходимо сделать беглый обзор исторических событий, на которые намекает в этих стихах Данте. Страшные партии Гибеллинов и Гвельфов в первой половине XIII столетия стали известными и во Флоренции, откуда первые, находясь под особенным покровительством императора Фридерика II, изгнали последних в 1248 г. Но, по смерти Фридерика, народ, выведенный из терпения жестоким правлением Гибеллинов, признал снова Гвельфов в Январе 1250, уничтожил прежний образ правления, в замен которому установил новое, избрав предводителя народа (capilano del popolo) и присоединив к нему совет из двенадцати старшин; сверх того, были избраны 36 народных вождей и установлены 20 знамен с особым значками для того, чтобы народ в случае нужды мог сбираться вокруг них. В это время город укрепили новыми стенами, построили мост чрез Арно при Санта-Тринита, мно-

гие города и крепости были присоединены к Флоренции, имя которой сделалось страшным для всей Италии, торговля ее процвела, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояние города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которых удалилась в Сиену, в тайне продолжили свои происки и, по смерти Фридерика II, обратились с просьбою о помощи к побочному его сыну, Манфреду, который в то время, взойдя на сицилийский престол своего отца, восстал против церкви. Манфред, доброхотствуя, подобно отцу своему, Гибеллинам, прислал им на помощь 800 немецких рыцарей под предводительством какого-то графа Иорданусa, с которыми изгнанники, а также союзные Сиенцы, немедленно осадили находившийся в союзе с Флоренциею город Монтальчино. Нужно было, во чтобы то ни стало, вовлечь флорентинцев в сражение: с этой целью Фаринатa дельи Уберти, один из знаменитых полководцев своего времени, удалившийся вместе с прочими в Сиену, отправил двух монахов миноритов, Кальканьи и Спедито, во Флоренцию с письмом от сиенских начальников, которые притворно уверяли, что «Сиенцы, выведенные из терпения тирaнством Гибеллинов, желают покориться флорентницам и что с радостью отворят им ворота св. Вита, если они вышлют войско к реке Арбии.» Хитрость удалась как нельзя лучше: не смотря на возражения Тегтьяио Альдобранди (Ад. XVI) и Чеко Герардини, высокомерные флорентинцы решили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, к которому присоединились союзники из Лукки, Пистойи, Пало, Санминиати, Санджиминьяно, Вольтерры и Колле ди Вальдельсы; с торжественною пышностью оно направилось к Арбии, распустив красные знамена и даже взяв знаменитый вечевой колокол Martinella, который на этот раз справедливо назван был в насмешку la campana degli asini. На пути присоединились к ним отряды из Орвието и Перуджии, так, что войско, пришед к р. Арбии, состояло более чем из 3,000 рыцарей и 30,000 пехоты. Но едва только остановились они

у холма Монтаперти при Арбии (сражение, здесь происшедшее, упоминается у Данта под тем и другим именем), как ворота Сиены растворились; но из них вместо ожидаемой мирной депутации города, понисся к ним на встречу вооруженный отряд немецких рыцарей, который, сопровождаемый Сиенцами и Гибеллинами, врубился в ряды флорентинцев. Началась страшная битва, тем ужаснейшая для Гвельфов, что в рядах их находилось множество Гибеллинов, которые, сбросив теперь с себя личину, передались на сторону врагов. Один из этих изменников, Бокка дельи Аббати (Ад. XXXII, 76-123), обрубил руки флорентинскому знаменоносцу Иакопо дель Вакка де Падзи: падение знамени было началом общего расстройства флорентинского войска. Четыре тысячи пали на месте; множество пленных, оружие, знамена и даже вечевой колокол Marlinella достались в руки победителей; спас-шиеся Гвельфы бежали в Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 Сент. 1260 г. Гибеллины с торжеством вошли во Флоренцию и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де Конти Гвиди подестою города. Недовольные однако ж этим, они в чрезвычайном собрании в Эмполи, под председательством графа Иорданyса, решили срыть до основания стены и башни Флоренции как гнезда упорного Гвельфисма. Тогда-то Фаринаты дельи Уберти, душа этой войны, один восстал против общего решения и твердым голосом объявил, что «он только затем обнажил меч, чтоб снова быть гражданином Флоренции, и что один готов защищать ее с мечем в руке до последней капли крови.» Таким образом, Флоренция была спасена, — заслуга, которою Фаринат гордится и в аду. — По смерти Манфреда, павшего в сражении при Беневенто против Карла Анжуйского (1265), Гибеллины вынуждены были сделать некоторые уступки: они позволили набрать 30 вождей из народа, разделили жителей на 12 вооруженных цехов, назначив им старшин, и наконец признали Гвельфов. Вскоре последние взяли верх над Гибеллинами, а народ вышел из повиновения, что заставило

графа Гвидо Новелло, наместника Манфредова и главу Гибеллинов, бежать с своею партией в ближний г. Прато. Впрочем, на другой день, раскаявшись в своем необдуманном поступке, он сделал приступ к Флоренции, но был отбит. Впоследствии Гибеллины еще раз были призваны назад; но в 1267, когда Карл Анжуйский отправил графа Монфорте во Флоренцию, они были окончательно изгнаны в первый день Пасхи. В числе изгнанных находился Адзучио Арригетти, предок Мирабо. Копишь. Филалетес. Вегеле.

[216] Примечания: 216

Предки Данта были Гвельфы. Они были изгнаны два раза: в 1248 г., за 12 лет до битвы при Арбии, но через два года возвратились снова, и во второй раз, после битвы при Арбии в 1260, после чего, спустя семь лет в 1267 г., Гвельфы опять взяли верх над Гибеллинами и выгнали их из Флоренции. В начале XIV века Гибеллины окончательно были изгнаны и с того времени навсегда находились в изгнании, не смотря на все свои попытки возвратиться.

[217] Примечания: 217

Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинский Гвельф, которого, как и Фаринату, подозревали современники в атеизме. Сын его, Гвидо Кавальканти, был философ и замечательный поэт, искренний друг Дантов. Подслушав разговор Фаринаты с Дантом и узнав последнего по звуку его голоса, Кавальканте заключает, что если Данте мог проникнуть в ад высотою своего таланта, то и Гвидо, как глубокомысленный философ, должен находиться вместе с ним.

58. Он, плача, вскрикнул: «Если в мир слепой

Проникнул ты таланта высотою,[218]

То где же сын мой? что ж он не с тобой?»

61. Но я ему: «Иду не сам собою:

Там ждет мой вождь, за кем иду вослед;

Его твой Гвидо презирал с толпою.[219]»

64. Казнь грешника и слов его предмет,

Кто был сей дух, мне объяснили вскоре,

И потому так прям был мой ответ.

67. Вдруг, выпрямясь, вскричал он в страшном горе:[220]

---

[218] Примечания: 218

Кавалькавте, как закоснелый атеист, приписывает странствование Данта в аду не божественной помощи, но высокости его таланта (ingegno). Копишь.

[219] Примечания: 219

Данте отвечает, что ведет его не высота таланта, а разум (Виргилий), не всегда руководящий людей даровитых. Гвидо, более философ, чем поэт, писавший в легком провансальском роде, не имел такого уважения к Виргилию, какое питал к нему Данте, не изучал его творений и, стало быть, не мог создать ничего подобного Божественной Комедии.

[220] Примечания: 220

Мысль о смерти ближних вдвое прискорбнее для людей, неверующих в бессмертие души. Копишь.

«Как? презирал! уж нет его в живых?

Уж сладкий свет в его не блещет взоре?»

70. Когда заметил он в очах моих

Сомнение, тревогу беспокойства,

Он навзничь пал и навсегда затих. —

73. Меж тем другой, муж силы и геройства,[221]

Не двинув выи, не склоняя плеч,

Являл в лице души надменной свойства.

76. «Да!» продолжал он прерванную речь:

«Мысль, что досель мое в изгнанье племя,

Крушит меня сильней, чем эта печь.

79. Но лик жены, гнетущей злое семя,

---

[221] Примечания: 221

Слова: *он презирал,* заставляют Кавальканте думать, что сын его умер. «Кавальканте до сих пор стоял на коленах; но при этих словах он вдруг вскакивает на ноги и, видя, что Данте медлит отвечать ему, опрокидывается в могилу: немногими словами, но как прекрасно выражены любовь и горесть отца! Это изображение удрученного горем отца еще более выигрывает в эффекте от контраста, который представляет слабодушный, но глубоколюбящий Кавальканте с мощным, величаво гордым образом Фаринаты.» Штрекфусс.

В пятидесятый раз не проблеснет,

Как взвесишь сам, сколь тяжко это бремя.[222]

82. О, если мир тебя прекрасный ждет,

Скажи: за что с такою нелюбовью

Законами гнетете вы мой род?[223]*»*

85. И я: «Тот бой, что залил нашей кровью

Всю Арбию, в ней воды взволновав,

Подвиг нас в храме к этому условью.[224]*»*

88. Тут он вздохнул, главою покачав,

И молвил: «Я ль один виновен в этом?

---

[222] Примечания: 222

Лик жены, гнетущей злое семя, есть луна. Богиня, чтимая на Олимпе как Луна, на земле называется Дианою, а в аду Прозерпиной, или Гекатою (Ада IX, 43). Смысл текста следующий: не пройдет 50 месяцев (4 года и 2 месяца), как ты узнаешь, как тяжелы изгнаннику бесполезные попытки возвратиться в свое отечество. Данте, вначале Гвельф, впоследствии сделавшийся Гибеллином, был изгнан из Флоренции вместе с множеством последних в Январе 1302; в Марте того же года приговор над ним подтвердили и еще с большею силою произнесли его после попытки Гибеллинов проложить себе путь во Флоренцию вооруженною рукою, — попытки, в которой принимал участие и Данте. Но так как Данте предполагает свое странствование в замогильном мире в 1300, то выходит, что от этой эпохи до времени его изгнания протекло только два года и, стало быть, 50 месячный срок, назначаемый Фаринатою, будет слишком велик. Надобно думать, что срок этот относится не к первому его изгнанию в 1302, а к гораздо позднейшим попыткам его

возвратиться во Флоренцию, когда он был членом совета двенадцати, управлявшего в Пистойе партиею Белых (Гибеллинов). В это время (1304) в первый раз блеснула Данту надежда к возврату в отечество; по просьбе Белых, папа Бенедикт XI отправил во Флоренцию кардинала Никколо ди Прато в качестве миротворца с тем, чтобы содействовать возврату изгнанников. Но эта надежда поэта исчезла с внезапным отбытием кардинала из Флоренции 5 Июня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 месяца после замогильного странствования поэта.

[223] Примечания: 223

Фамилия Уберти, к которой принадлежал Фарината, всегда была исключаема из списков изгнанников, получавших право возврата во Флоренцию.

[224] Примечания: 224

По словам Макиавелли, народные собрания во Флоренции до 1282 всегда происходили в церквях.

И не имел ли я на это прав?

91. Но там, где общим решено советом[225]

Развеять в прах Флоренцию, лишь я

Защитником ей был пред целым светом.» —

94. «Да обретет же мир твоя семья!

А ты» сказал я: «развяжи мне сети,

В которых мысль запуталась моя.[226]

97. Коль понял я, мрак будущих столетий

Со всеми их делами вам открыт;

Но в настоящем – вы сомненья дети.»

100. А он: «Мы зрим, как дальнозоркий зрит,

Лишь только то, что вдалеке таится:

Еще нас этим Высший Вождь дарит.

103. Когда ж событье близко, иль свер-

---

[225] Примечания: 225

Собрание, на которое здесь намекается, было в Эмполи (см. выше).

[226] Примечания: 226

Данту кажется загадкою, почему тени грешников могут узнавать будущее и ничего не знают о настоящем, как Кавальканте, ст. 68.

шится,

Тогда нам очи кроет темнота:

Мир скрыт для нас, коль весть к нам не домчится.[227]

106. Но ты поймешь, что дар сей как мечта

Рассеется в тот миг, когда судьбою

Затворятся грядущего врата.[228]» —

109. Тут я сознал проступок свой с тоскою

И рек: «Скажи соседу своему,

Что сын его еще живет со мною.

112. Я лишь затем не отвечал ему,

Что было мне в то время непонятно

---

[227] Примечания: 227

Согласно с богословским учением Фомы Аквинского, грешники могут познавать только общее, напр. будущее, но не знают ничего отдельно-существующего, чувственного. Напротив, блаженные души все созерцают и видят в Боге.

[228] Примечания: 228

Т. е. в день страшного суда, когда крыши закроют гробы еретиков (см. 10–15 и прим.).

То, что теперь ты разрешил уму.[229]»

115. Уж призывал меня мой вождь обратно
И потому я духа умолял
Сказать: кто с ним погиб здесь невозвратно.

118. «Лежу средь тысяч,» он мне отвечал:
«Тут Кардинал с могучим Фридериком;
Но о других не спрашивай!» – Сказал[230]

121. И скрылся. – Я ж, в смущении великом,
Задумавшись от слышанных угроз,
Шел к древнему поэту с грустным ли-

---

[229] Примечания: 229

Данте сострадает упавшему в могилу Кавальканте, которого он огорчил тем, что не объявил ему, что сын его жив, ибо ошибочно думал, что души грешников, зная будущее, должны знать и настоящее.

[230] Примечания: 230

Фридерик II, император германский и король сицилийский, сын Фридерика V и племянник Фридерика Барбароссы, помещен здесь не столько за борьбу его с папами, сколько за его эпикурейский образ жизни, а в особенности за то, что, по мнению современников, впрочем ошибочному, был сочинителем в высшей степени еретической книги: «О трех обманщиках.» Филалетес. Кардинал Оттавиано дельи Убальдини, обыкновенно называвшийся в Италии просто *кардиналом*, человек необыкновенных дарований и твердого, но жестокого характера, ревностный Гибеллин и потому жестокий враг пап и церкви. Он известен

был своим атеизмом и говаривал, что если и была у него когда-нибудь душа, то он погубил ее для Гибеллинов. Брат его Убальдино встречается в Чистилище (XXIV, 20).

ком»

124. Подвигся он и, взыдя на утес,

Спросил: «Скажи: что так тебя смутило?»

И я ему ответил на вопрос.

127. «Запомни же, что сказано здесь было,

И все в душе» он рек: «запечатлей!»

И, перст поднявши, продолжал уныло:

130. «Когда увидишь дивный блеск лучей

В очах прекрасной, им же все открыто,

Тогда

узнаешь путь грядущих дней.[231]*»*

133. Я шел налево под его защитой

И мы от стен в центр города пошли

Тропинкою, в долине той проры-

---

[231] Примечания: 231

Намек на Беатриче. «Виргилий, утешая Данта, противопоставляет божественную жизнь житейскому треволнению и говорит, что от Беатриче, которая все созерцает и зрит в Боге, узнает он истинный путь к этой жизни божественной; но вместе с тем он советует запомнить и предсказание Фаринаты.» Копишь.

той,[232]

136. Где адский смрад всходил со дна земли.[233]

[232] Примечания: 232

Они пересекают круг и, направляясь к центру бездны, приближаются к тому месту, где спуск в следующий круг.

[233] Примечания: 233

«Вся эта песнь отличается высоким драматическим эффектом и разнообразием превосходно-обрисованных характеров. Какая противоположность между двумя отрицателями вечной жизни! Фаринната, этот гордый победитель при Арбии, забывая о муках и как будто презирая целый ад, озабочен только судьбою отечества и своей партии; и рядом с ним, менее великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятиям) уничтожении сына опрокидывающийся в могилу в отчаянном горе. А как удивительна при этом постановка обоих поэтов: Данта, еще очень восприимчивого к земным заботам, ищущего везде познания и нередко пожинающего горе, везде обнаруживающего свойства чисто-человечные: слабость и величие, гордость и страх, всего же более жажду познания, и мудрого его вождя Виргилия, который повсюду указывает стремление к высшему, небесному, сам же, как посланник высшей силы, как исполнитель воли божественной, везде является бесстрастным, ни чему не сочувствующим.» Рут.

Песнь XI

Содержание. На вершине обрушенной скалы, составляющей границу между кругом еретиков и следующим, поэты укрываются от ужасного зловония адских испарений за крышею одиноко-стоящей гробницы папы Анастасия. Они идут медленно для того, чтобы наперед привыкнуть к зловонию, восходящему с кровавой реки из глубины седьмого круга. Пользуясь этим временем, Виргилий, по просьбе Данта, объясняет ему распределение грехов по кругам ада и говорит, что вне пределов адского города (Ад. VIII, 67–68), в пройденных уже кругах, наказуются невоздержные, слепо предававшиеся естественным побуждениям; но что внутри города, в более глубоких кругах ада, помещены те, которые, предавшись влечениям неестественным, превратили свою человеческую природу в животную, зверскую: все они разделены на три класса, смотря потому, на кого

направлено насилие: на ближних, на самих себя, или на Бога. За грешниками, виновными в насилии, следуют обманщики, а на самом дне ада виновные в величайшем грехе – измене. Наконец Виргилий объясняет Данту, почему ростовщики отнесены к числу грешников, направлявших насилие против законов Божеских. – Наступает утро. Поэты идут далее.

1. У рубежа окраины высокой,
Над грудою обрушенных громад,[234]
Пришли мы к бездне более жестокой.

4. И, встретив тут невыносимый смрад,[235]
Клубившийся над пропастью бездонной,
За страшным гробом мы взошли на скат,

---

[234] Примечания: 234

Почему спуск из шестого круга в седьмой состоит из разрушенной скалы, объяснено ниже (Ада XII, 34 и д.).

[235] Примечания: 235

Этот смрад поднимается с кровавой реки нижележащего седьмого круга (Ад. XII, 46) и есть символ худой славы, оставленной по себе грешниками, наказуемыми в этом кругу. Копишь.

7. И я прочел на крыше раскаленной:

«Здесь Анастасий папа в гробе скрыт,

«С прямой стези Фотином совращенный.[236]*» —*

10. «Нам медленно сходить здесь надлежит,

Чтоб свыклось чувство с адским испареньем:

Тогда нам смрад уже не повредить.» —

13. А я: «Займи ж мой ум благим ученьем,

Чтоб этот час без пользы не пропал.»

И вождь: «Я сам с твоим согласен мненьем.

---

[236] Примечания: 236

У библиотекаря Анастасия, летописца IX века, находится известие, которое гласит, что папа Анастасий II, вступивший на престол папский около 497 г., принял, не смотря на сопротивление епископов, еретическое учение фессалоникийского диакона Фотина, придерживавшегося лжеучения Акакия, патриарха константинопольского. Тот же летописец уверяет, что папа Анастасий погиб чудесным образом от внезапно-приключившейся ему ужасной болезни в то время, когда защищал свою ересь перед собором епископов. Ландино. — Показание летописца, которому следует Данте, кажется неверным, потому что во времена Фотина, жившего около 350 г., не было никакого папы этого имени. Тем не менее, Данте воспользовался этим случаем, чтобы показать, что и папа может быть еретиком и что, стало быть, его суд непогрешителен только в том случае, когда он не противоречит решению вселенского собора. Филалетес. — Гробница папы граничить

с кругом, где наказуется насилие: это значит, что ересь в душе сильных мира сего близка к насилию. Копишь.

16. Мой сын,» он начал: «в бездне этих скал

Три меньших круга вьются ступенями,[237]

Как там вверху, где путь наш пролегал.

19. Все три кишат проклятыми тенями;

Но чтоб постиг ты Божий суд святой,[238]

Узнай: за что казнятся небесами.

22. Цель всякой злобы, в небе проклятой,[239]

Одна – обида; к ней же две дороги:

Или насилье, иль обман людской.

---

[237] Примечания: 237

Три меньшие круга (в подл.: cerchietti, т. е. более тесные, более концентрические) суть три остальные круга ада, находящиеся в пределах адского города, седьмой, восьмой и девятый. Все они глубже и глубже нисходят ко дну ада и чем глубже, тем более суживаются, на подобие ступеней амфитеатра, сценой которому служит замерзший Коцит, в который погружен Люцифер, взмахами своих крыльев сам его замораживающий, в знаменование того, что казни грешников есть их собственное дело. Копишь.

[238] Примечания: 238

Поэтому Данте впоследствии уже не спрашивает о том, какой именно род греха наказуется в каждом отделе ада, а только осведомляется об особенных прегрешениях и обстоятельствах жизни отдельных грешников. Филалетес.

[239] Примечания: 239

В этой песня Данте излагает нравственное построение своего ада, классификацию грехов, так последовательно и ясно, что почти нет надобности входит в какие либо дальнейшие толкования. Но так как для многих читателей изложенное в прозе кажется более понятным, то мы предлагаем краткий обзор грехов и их наказаний, распределенных сообразно с архитектурным построением Дантова ада (слич. Ада IV, прим. к 7–8.).

Все грехи человеческие, по Аристотелю (см. ниже), можно разделять на три класса, именно: на грехи, происходящие или от невоздержания, или безумной животности (matta bestialitade), или от злости (ст. 89–84).

Грехи, всходящие от *невоздержания,* менее важны (ст. 70–88), потому что невоздержание предполагает не злую волю, но только потемнение самосознания, потерю воли. По этому во втором, третьем, четвертом и пятом кругах ада, еще вне пределов адского города, составляющего начало истинного ада (Ада VIII, 75 и прим.), наказуются менее жестоко сладострастные, обжоры, скупые вместе с расточителями и гневные. Символом этого отдела ада служит тьма (см. Ада III, примеч. к 87).

За ними, в шестом кругу ада, следуют *еретики* и открывают собою ряд грешников, наказуемых уже в истинном аде. Но и этих грешников нельзя еще назвать истинно-злыми, потому что грехи их произошли собственно не от злой наклонности. Тем не менее, они наказуются за раскаленными стенами и связуют собою грешников первого рода с последующими.

Прямая цель истинно-злых наклонностей есть обида, к которой две дороги: или *насилие, или обман.* Первое заслуживает меньшого наказания, чем последний, потому что сильные страсти, как недостатки природные, могут содействовать к тому, что человек, увлеченный ими, прибегает к силе, тогда как обманщик обдуманно и хладнокровно употребляет во вред другим свой разум, — этот дар, которым человек отличается от всех других тварей. Потому и сказано, что обман свой-

ствен только человеку. — Quum autem duobus modit, i. e. aut vi, aut fraude fiat iqjuria: fraua quaai vulpeculae, vis, leonis videtur: utrumque homine altenissimum, aed fraus odio digna majore. Cicero, De offlciis, I, 13.41.

Насилие, соответствующее безумной животности Аристотеля, наказуется в седьмом кругу (XII–XVI), составляющем второй отдел ада, символом которому служит огонь или жар. Круг этот распадается на три отдела, смотря потому, кому наносится насилие: ближним (XII), самому себе (XIII), или Богу (XIV–XVII, до ст. 78). В первом отделе помещены: мучители, поджигатели и разбойники; во втором: самоубийцы, отчаянные игроки и расточители своих имений, а также все решающиеся на отчаянные подвиги с целью самоубийства; в третьем: преданные содомскому греху, ростовщики и богохульники.

Обман, истекающий из глубокой злости человека и потому только ему свойственный, составляет третий, самый нижний отдел ада. Обман бывает двоякого рода, смотря по тому, над кем он совершается: над тем ли, кто имеет доверие к обманывающему: стало быть, над тем, с кем мы, кроме природной связи любви, соединены еще союзом доверенности и братства; или над тем, кто не имеет доверия, когда, следственно, нарушаются только общие законы человеческой любви. Обман второго рода наказуется в восьмом кругу, разделенном на 10 отделений, в которых казнятся собственно обманщики, а именно: соблазнители и пользовавшиеся слабостью обоих полов (ruffiani); льстецы; симонисты или торговавшие дарами Св. Духа; прорицатели; светские симонисты или менялы (barattieri) и взяточники; лицемеры; хитрые тати и святотатцы; злосоветники; сеятели расколов и подделыватели всякого рода (Ад. XVIII–XXX). — Обман первого рода, или измена, величайший грех, истекающий из высшего эгоизма души человеческой, наказуется в последнем девятом кругу ада, где символом ему служить вечный холод. Изменники в свою очередь распадаются на четыре класса: на изменников ближнему, другу, отечеству или граду, и Богу (Ад. XXX-XXXIV).

25. Но как лишь людям свойственны подлоги,

То ими Бог сильнее прогневлен:

За то на дне и суд им самый строгий.

28. Весь первый круг насилью посвящен;

Но как трем лицам вред от сей невзгоды,

То в три отдела круг сей раздроблен.

31. Против Творца, против своей природы,

На ближних, с их стяжаньем возстает

Насилие и вот тому доводы.

34. Вред ближнему насилие влечет

Увечьями, убийством, а стяжанью,

Поджогами, разбоем, и в зачет

37. Смертоубийству, злому истязанью

И грабежу казнь лютая во век

В отделе первом служит должной данью.

40. Сам на себя заносит человек

Насилья длань: за то скорбит стократ-

но

В другом отделе каждый, кто пресек

43. Сам дни свои, кто, промотав развратно

Именье, горем отягчил главу

И плакал там, где мог бы жить приятно.

46. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

49. За то отдел последний отмечает

Клеймом своим Каорсу и Содом[240]

И тех, чье сердце Бога отрицает.

52. Обман, грызущий совесть всем, на том

Свершиться может, кто с доверьем внемлет,

---

[240] Примечания: 240

Содом, известный город в Пниестине, преданный противоестественному греху и за то вместе с Гоморрой и другими городами сожженный огнем небесным.

Каорса. Купцы, преданные лихоимству, во многих законах средних веков назывались *Lombardi* и *Caorcini* или *Cawarcini, Caturcini* etc. Название Caorcini и проч. они получили вероятно от Каорсы или Когора (по лат. *Cadurcum),* г. в Лангедоке, откуда вышли первые ростовщики.

Иль кто доверья чужд в уме своем.

55. В грехе последнем, кажется мне, дремлет[241]

Лишь долг любви, природы нежный дар:[242]

За то второй великий круг объемлет

58. Гнездо льстецов, жрецов волшебных чар,

Соблазн, подлог, татьбу и святотатство

И всякий грех, достойный горших кар.

61. Но первый грех забыл любовь, богатство

Природное, и то, что слито с ней,

Чем зиждутся доверие и братство.[243]

64. А потому в кругу меньшом, где всея

Вселенной центр, где Дис царит ужас-

---

[241] Примечания: 241

Т. е. общие законы любви, вкорененные в нас самой природой.

[242] Примечания: 242

Т. е. восьмой круг, где наказуются простые обманщики.

[243] Примечания: 243

Более тесную, более родственную любовь, из которой возникают доверие и родственные, дружественные отношения.

ный,

Всяк изменивший стынет в бездне сей.[244]»

67. И я: «Мой вождь, твое ученье ясно

И верное дает понятье мне.

О бездне сей и о толпе злосчастной.

70. Но объясни: погрязший род в волне,

Носимый ветром и разимый градом

И та толпа, что спорит век в войне,[245] —

73. Зачем не Здесь, за раскаленным градом,

Казнятся, если подлежат суду,

А если нет, за что пожраты адом?»

76. А он в ответ: «Зачем в таком бреду,

Как не случалось прежде, ум твой бродит?

---

[244] Примечания: 244

Меньший круг есть девятый, имеющий вид колодезя, на дне которого погружен во льды Дис (Плутон), Люцифер, Веельзевул, — имена, у Данта однозначущие.

[245] Примечания: 245

Гневные (Ада VII, 110 и д.), сладострастные (V, 31 и д.), обжоры (VI), скупые и расточители (VIII, 25 и д.).

Иль новое имеет он в виду?

79. Не помнишь ли то место, где выводит

Твой Аристотель в Ифике из всех

Три склонности, на них же казнь нисходит:

82. Невоздержанье, злость, безумный грех

Животности? и как невоздержанье

Наказано от Бога легче тех?

85. И так, коль обнял ты вполне то знанье[246]

И приведешь на память проклятых,

Приемлющих вне града наказанье,

---

[246] Примечания: 246

Виргилий разумеет здесь Ифику Аристотеля, который в кн. VII, гл. I. говорит: «Относительно нравов, должно избегать трех вещей: невоздержания *(ἀκρασία),* порока *(κακία)* и животности *(θηριότης).»* Под именем первого, разумеет он неумеренное наслаждение естественными удовольствиями *(ἡδέα φύσει)* и разделяет последние на такие, которые основаны на потребностях вашего тела *(ἀναγκαῖα),* напр. удовольствие, доставляемое употреблением пищи и половое побуждение, и на такие, которые хотя и не составляют наших потребностей, однако ж сами по себе приятны *(αἱρετά),* напр. желание победы, славолюбие, стремление к обогащению, гнев и проч. Грехи из этого источника наказуются у Данта вне пределов раскаленного города.

Под именем животности, Аристотель разумеет удовлетворение побуждений, которые уже и сами по себе неприятны (кн. VII, гл. V), куда он

относит множество неестественных жестокостей, людоедство, неестественную похоть и т. д. Все эти пороки у Данта, под общим названием *насилия,* помещены в седьмом кругу, куда причисляет он сверх того и богохульство, как грех, по природе несвойственный человеку, также лихоимство, по той же самой причине, как мы увидим ниже.

Наконец порок Аристотель противопоставляет добродетели *(ἀρετή),* под именем которой разумеет он познание прямого, доброго (кн. VII, гл. XIII). Из этого видно, что «порок» Аристотеля почти ничем не отличается от «обмана» Дантова: ибо тот и другой состоят в злоупотреблении высших свойств духа с злою целью. Когда дух направляется к злому, тогда все, из него исходящее, есть обман, прикрытый только личиною истины. Сюда же Данте отнес и измену, как высшее проявление обмана, и соединил и то и другое под одним общим именем «злости». Филалетес. Копишь.

88. То сам поймешь, зачем от этих злых

Отлучены и с меньшим гневом мщенья

Млат Правды Божьей сокрушает их.» —

91. «О солнце, врач смущенного воззренья!

Так ясно ты решаешь, что уму

Равно полезны: знанье и сомненья.

91. Но уклонись назад,» я рек ему:

«И объясни: чем Бога оскорбляет

Дающий в рост? рассей мне эту тьму.» —

97. «Кто философию постиг, тот знает,

Что стройный чин,» сказал он: «естества

Течение свое воспринимает

100. Из разума, искусства Божества,

И если в физику вникал, то, много

Не рывшись в ней, найдешь сии слова:

103. Искусство ваше подражает стро-

го

Природе так, как дядьке ученик:[247]

106. Из этих двух, коль мыслями ты вник

В начало книги Бытия, и должно[248]

Жизнь почерпать и размножать язык.[249]

109. Но ростовщик, идя стезею ложной,

Расторг в души корыстной, полной зла,

Союз искусств с природой непреложной.[250]

112. Но следуй мне: идем! уж ночь прошла:

Трепещут Рыбы на эфнре звездном

---

[247] Примечания: 247

Аристотель говорит в своей физике, кн. II, гл. 2: «Искусство *(τέχνη)* подражает природе.»

[248] Примечания: 248

«Tulii ergo Dominus Deus hominem, et posuit eum in paradiso voluptatis, ut operaretur et custodiret illum.» Vulg. Genes. Cap. II, 15. — «In sudore vultus tui vesceris pane.» Ibid. Cap. III, 19. — Из этого следует, что человек должен удовлетворять своим потребностям, применяя в пользу свою силы природы чрез прилежание и изобретательность.

[249] Примечания: 249

В подлин.: Prender sua vita, ed avanzar la gente.

[250] Примечания: 250

«Природа и искусство даны человеку как производители его жизни. Природа дает для человека необходимое для жизни, а искусство обрабатывает данное ею. Ростовщик нарушает закон природы, потому что он заставляет деньги производить деньги. Что не в законе природы; а так как искусство наше закон свой берет с природы же, то нарушает он закон всякой.» Шевырев. — В этом воззрении Данта на ростовщиков видно господствовавшее в средние века мнение о беззаконности всякого роста. Филалетес.

И Колесница уж на Кавр легла,[251]

115. А спуск еще далек, где сходит к безднам.»

[251] Примечания: 251

В этих стихах Данте, как и везде при обозначении времени, определяет с астрономическою точностью начало утра. Созвездие Рыб появляется над горизонтом, созвездие Большой Медведицы (в просторечии называемой Колесницею) лежит на Кавре. Кавр или Кор (Caurus, Corus) есть ветер, дующий с NNW, и на востоке называемый *ponente maestro.* По вычислению астрономов, созвездие Рыб 9 Апреля 1300 начало подниматься из-за горизонта в 3 часа, а в 5 часов было уже совершенно над ним, из чего должно заключить, если возьмем за основание 9 Апреля, что настал 5 час; это же положение созвездий для 6 Апреля того же года будет означать 4 часа 48 минуть; а для 26 Марта 2 часа 4 мин. См. у *Филалетеса.* Die Hölle, p. 73–74.

Песнь XII

Содержание. Путники приходят к каменной ограде седьмого круга, к первому его отделу (Ада XI, 37–39), в котором наказуется насилие против ближних. При виде поэтов, Минотавр, распростертый на границе этого круга, в бешенстве кусает самого себя; но Виргилий укрощает его ярость напоминовением о Тезее, его умертвившем, а, пока чудовище крутится от бессильного бешенства, поэты сходят по громадным камням обрыва, обрушившегося в минуту крестной смерти Спасителя. На дне круга дугою изгибается глубокий ров, наполненный кипящею кровью; в нее погружены насилователи ближних. Кентавры, вооруженные стрелами, рыскают по берегам рва и стреляют в тех, которые выйдут из потока крови более, нежели им следует. Трое из них, Несс, Хирон и Фол, бросаются на пришельцев; но Виргилий укрощает и их ярость и, обратившись к Хирону, просит дать им

проводника, который бы перенес Данта на хребте своем вброд через поток крови. Хирон избирает Несса, в сопровождении которого поэты идут далее и видят тиранов, погруженных в кровь по самые очи. Из числа их Несс указывает им на Александра, Дионисия, Аццолина и Обидзо Эсте, а в отдалении от них на одинокую тень Гвидо Монфорте. Кровавый поток к одному концу долины все более и более мелеет, так, что наконец едва покрывает ноги грешникам; напротив, к другому концу волны его становятся все глубже и глубже, и здесь-то на дне под волнами плачут вечными слезами: Аттила, Пирр и Секст и разбойники Реньеры.

1. Скалист был край, где мы взбирались в горы,

И тем, что в недрах он притом вмещал,

Так страшен был, что всем смутил бы взоры.

4. С той стороны от Трента есть обвал,

Обрушенный в Адиж землетрясеньем,
Иль осыпью волной подмытых скал:

7. С горы, откуда свергнут он паденьем,
В долину так обрывист косогор,
Что сверху вниз нет схода по каменьям.[252]

10. Так крут был спуск в ущелье этих гор,
И здесь, заняв обрушенные скаты,
Улегся Крита ужас и позор,
13. Подложною телицею зачатый. —
Увидев нас, он грыз себя, как зверь,
В котором чувства бешенством объяты.

16. Но мой мудрец вскричал ему: «Поверь,
Не царь Афинский здесь перед тобою,

---

[252] Примечания: 252

О местности здесь описанного обвала есть разные предположения. По мнению Маффеи, тут говорится об утесе при Риволи, обрушившемся в Адиж в 1300 г., когда Данте находился у Бартоломео делла Скала в Верони. Другой подобный горный обвал находится при Марко, на расстоянии часового путешествия от Ревередо, где Данте находился несколько времени. Наконец третий очень высокий обвал горы Ченджио Россо, где теперь Кастелло делла Пиетра, находится в 2 1/2 милях от Ревередо.

Который в ад тебе разверзнул дверь.

19. Прочь, лютый зверь! прочь! не твоей сестрою,
Был низведен мой спутник в омут сей,
Но
вашу казнь узреть идет со мною.» —

22. Как дикий бык, сорвавшийся с цепей,
Когда смертельным поражен ударом,
Без сил, крутится в ярости своей:

25. Так Минотавр крутился в гневе яром.
Но вождь всезнающий вскричал: «Беги!
Теперь сойдем, минут не тратя даром.»

28. По грудам скал я ускорил шаги,
И не один там камень вниз скатился
Из-под моей трепещущей ноги.

31. Я думен шел, а вождь: «Ты изумился
Громаде скал, где страж их адский гад
С бесовской злобой предо мной смирился.

34. Так ведай же: когда в глубокий ад
Я нисходил, в то время скал громада
Не представляла мне в пути преград.[253]

37. Но прежде чем, скорбящих душ отрада,
Явился Тот, который, в Лимб нисшел,
Отъял великую корысть у ада, —

40. Так потряслась пучина лютых бед,[254]
Что мир – я думал – вновь поколебала
Любовь, чья мощь, как полагал поэт,

43. Не раз в хаос вселенную ввергала,[255]

---

[253] Примечания: 253
Ада IX, 22–27 и примеч.

[254] Примечания: 254
Намек на землетрясение во время кончины и сошествия Искупителя в *Лимб* для избавления праотцев (Ада IV, 53 и прим.).

[255] Примечания: 255
Эмпедокл, греческий поэт и философ, которого учение Данте знал вероятно из опровержений Аристотеля, принимал четыре стихии и два движущие начала: любовь или сочувствие *(φιλία)* и раздор или разделение *(ἐχθρά, νεικος).* Эти два начала попеременно господствуют во вселенной: когда господствует любовь, элементы сливаются, и мир, теряя свой вид, разрешается в довременный хаос, из которого он возник, и, наоборот, когда между элементами господствует раздор или

разделение, мир возникает снова.

И в то мгновенье древний сей утес

Распался, здесь и ниже, в два обвала.[256]

46. Но взор вперя в долину горьких слез:

Клокочет кровь рекой там быстротечной,

Где всяк кипит, кто ближним вред нанес![257]» —

49. О страсть слепая! гнев бесчеловечный!

Ты в краткой жизни нас палишь в огне,

А здесь в крови купаешь в жизни вечной!

52. Ров, полный крови, я узрел на дне:

В равнине он дугою изгибался,

Как говорил о том учитель мне.

55. И между рвом и крутью гор ски-

---

[256] Примечания: 256

Т. е. здесь и во рву лицемеров (Ада XXIII). Не без основания остались в этих двух местах следы землетрясения, бывшего в минуту кончины Спасителя: в этот день кровавое насилие привело в исполнение то, что было задумано и решено лицемерием.

[257] Примечания: 257

Теперь пред очами тиранов и убийц кровь ими умерщвленных поднимается более или менее высоко и бьет горячим ключом как из свежей раны. Шекспир в последнем монологе Макбета, может быть, имел в виду кровавую реку Данта. Копишь.

тался

Со стрелами Кентавров буйный род,[258]

Как на земле он ловлей забавлялся.

58. Завидев нас, спускавшихся с высот,

Все стали в ряд; а трое, выбрав пуки

Острейших стрел, к нам бросились вперед.

61. «Какой вас грех привел сюда для муки?»

Так издали один воскликнул: «с гор

Ответствуйте: не то – мы спустим луки[259]» —

64. «Мы заключим с Хироном договор,

Когда сойдем с нагорного навеса:

---

[258] Примечания: 258

Баснословные Кентавры, чудовища, полулюди, полукони, есть так же символы необузданной животности, как и Минотавр.

[259] Примечания: 259

Кентавр, готовый немедленно пустить смертоносную стрелу, прекрасно выражает дикую наклонность насилователей к убийству. Еще более изумимся глубокомыслию поэта, если вспомним, что зверообразные Кентавры, символы насилия против ближних, были внуки гневного Флегиаса (Ада VIII, 15–24) и дети высокомерного тирана Иксиона и, следственно, происхождением своим обязаны необузданному гневу и высокомерной гордости. Копишь.

Твой гнев всегда во вред тес был скор!» —

67. Так вождь ему; а мне: «Ты видишь Несса:
За Деяпиру умерев, излил[260]
Сам из себя он месть на Геркулеса.[261]

70. С ним рядом, тот, что взор на грудь склонил, —
Гигант Хирон, взлелеявший Ахилла;
А третий, Фол, всегда неистов был.[262]

73. Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.» —

---

[260] Примечания: 260

Мудрый Виргилий не хочет иметь дела с необузданным Нессом, но вступает в переговоры с более мудрым Хироном, главою Кентавров. Хирон, не сын тирана Иксиона, как прочие Кентавры, но сын Сатурна и нимфы Филлары, олицетворяет собою (ст. 70–71) самосозерцание, углубление в самого себя и раскаяние, господствующее здесь после неистовства насильователей на земле. Разверзание огромной пасти у Хирона напоминает скрежетание зубов миносовых (Ада V, 4). Копишь. — У Хирона, как известно, воспитывался Ахиллес, гнев которого имел такие бедственные последствия.

[261] Примечания: 261

Несс, один из Кентавров, похитил прекрасную Деяниру, за что и был убить ядовитою стрелою Геркулеса в то время, когда переносил ее на хребте через р. Алфей. Чтобы отмстить Геркулесу, он, умирая, дал Деянире любовный напиток, приготовленный из своей собственной

крови. Когда потом Геркулес изменил Деянире, она, желая опять привлечь его к себе, смочила кровью Кентавра одежду, назначенную для Геркулеса. От этого он подвергся таким страшным мукам, что в отчаянии сжег себя на костре.

[262] Примечания: 262

Фол, один из неистовейших Кентавров на брачном пиршестве Пиритоя, царя Лапитов, участвовавший в похищении его невесты Гипподамии.

76. Лишь мы вошли в их страшные ряды,

Хирон, схватив стрелу, назад закинул

За челюсть пряди длинной бороды.

79. Потом он пасть огромную разинул

И молвил: «Братья! видите, на дно

Какие камни этот задний сдвинул:

82. Так мертвецам ходить не суждено!» —

Но вождь мой, став пред грудью колоссальной,

Где сходятся два естества в одно,

85. Сказал: «Он жив и я дорогой дальной

Веду его в страну, где светит день:

Не прихоть, рок ведет нас в край печальной.

88. Пославшая меня с ним в вашу сень

Пришла оттоль, где гимн поют осанна:[263]

Он не разбойник, я не злая тень.

---

[263] Примечания: 263
Беатриче (Ада II, 70).

91. Но заклинаю силой несказанной,
Что в трудный путь стопы мои ведет:
Дай нам вождя, чтоб нас он невозбранно

94. Привел туда, где переходят вброд,
И на хребте пришельца переправил:
Ведь он не дух, свершающий полет.» —

97. Хирон направо к Нессу взор направил
И рек: «Ступай, веди их тем путем,
Где б им никто преграды не представил.[264]» —

100. Тут двинулись с надежным мы вождем
Вдоль берега кровавого потока,
Где несся крик палимых кипятком.

103. Я видел сонм, погрязший в кровь до ока,
И нам Кентавр: «Тираны здесь в слезах,
Что лили кровь и грабили жестоко.

---

[264] Примечания: 264
Несс, когда-то перенесший на хребте своем Деяниру через Алфей, теперь точно также должен перенесть и Данта через поток крови (ст. 126 и 139).

106. Здесь каются они в своих грехах:

Здесь Александр и Дионисий вместе,[265]

Сицилии несчастной бич и страх.

109. А там чело поднял в глубоком месте[266]

Черноволосый Аццолин и с ним

Тот белокурый злой Обидзо Эсте,[267]

112. Убитый в мире пасынком своим,» —

Я на вождя взглянул, но мне учитель:

«Пусть будет первым он, а я вторым.[268]*»*

115. Немного дале, с вами стал мучи-

---

[265] Примечания: 265

Комментаторы не согласны между собою, какого Александра разумеет здесь Данте: Александра ли Македонского, или Александра, тирана Фереи в Фессаліи. Последний, достигший высшей власти убиением своего брата и жестоко истребивший жителей Скотуссы в Фессаліи, приличнее может быть поставлен рядом с Дионисием, тираном сиракузским, чем Александр Македонский, о котором с такой похвалою отзывается Данте в своем Convito. Впрочем, древние комментаторы и в особенности Пиетро ли Данте, сын поэта, разумеют здесь первого.

[266] Примечания: 266

Аццолино или Эццилино ди Романо, или ди Онара, зять Фридерика II, жестокий властитель Тревиджи, наместник императора над большею частью Верхней Италии, один из неистовейших мелких тиранов этого несчастного времени, о чем свидетельствует надпись над его

могилою:

Hic jacet Sunzini tumulus canis et Ezzelini,
Quem lacerant manes tartareique canes.

В битве при Кассано против властителей Ломбардии, он был смертельно ранен, попал в плен и, не допустив перевязать свои раны, умер в Сончино в 1260 г. — Он был среднего роста, черноволос и на лбу, над самым носом, имел длинный черный волос, который поднимался, когда Аццолино приходил в гнев. На это намекает и Данте. Бенвенуто да Имола.

[267] Примечания: 267

Обидзо II, маркиз эстский, властитель Феррары, Модены и Реджио. О его тиранских действиях ничего неизвестно. Данте поместил его в ад во-первых потому, что он, как ревностный Гвельф, содействовал вступлению Карла Анжуйского в Италию и вместе с ним восстал на Манфреда; во-вторых потому, что Феррара была отдана ему с неограниченною властью, так что один современный писатель выразился об нем так: Stipulatione facta syndicus constitus Obisoni dominium defert plenissimum ita, ut omnia possit justa vel injusta pro suae arbitrio voluntatis. Plus potestatis tunc est illatum novo Domino, quam habet deus aeternus, qui injusta non potest. По словам Бенвевуто да Имола, он быт убит своим сыном, которого Данте за такое злодеяние называет пасынком (figliastro).

[268] Примечания: 268

Т. е. Несс объяснит тебе лучше, чем я.

тель

Над сонмом душ, что погружен был весь

По горло в яму – ужасов обитель!

118. Тень в сторони нам указал он здесь,

Сказав: «Вот он, пронзивший в Божьем храме

То сердце, что на Темзе чтут поднесь.[269]*»*

121. Потом я видел в адском Буликаме[270]

Главу и грудь взносивший сонм духов,

И в их толпе узнал я многих в яме.

---

[269] Примечания: 269

Этот непоименованный грешник — граф Гвидо Монфорте, наместник Карла Анжуйского в Тоскане. В 1271 г., в Витербо, во храме во время совершения литургии, когда возносилась освященная жертва, Гвидо Монфорте пронзил сердце английскому королю Генриху III, сыну Ричарда Корнвальского, только что возвратившемуся из крестового похода против Туниса, в отмщение за смерть своего дяди, Симона Монфорте, графа лейстерского, убитого, по повелению короля, Эвеншамом во время возмущения в 1265 г. Пронзенное сердце короля было отослано в Лондон, где на мосту через Темзу поставлена была статуя убитого с чашею в руке, в которой хранилось сердце, с надписью: Cor gladio scissum do, cui consanguineus sum. — Не без основания помещен отдельно от прочих грешников убийца, обагривший кровью Божий храм.

[270] Примечания: 270

Буликаме есть собственно название горячего ключа близ Витербо

(о котором подробнее см. Ад. XIV); впрочем также назывался ключ около Тиволи.

124. Все мельче, мельче становилась кровь,

Так, что одни скрывала грешным ноги:

Здесь перешли мы быстро через ров.

127. «Как бурный ключ на сем конце дороги

Мелеет с каждым шагом, так равно

И с той страны,» сказал мне спутник строгий:

130. «Все глубже, глубже каменное дно

Он вниз гнетет, доколь впадет в те бездны,

Где в век стенать тиранству суждено.

133. Там правосудье суд творит воз-мездный

Над тем Аттилой, что был бич земли;

Там Пирр и Секст; там вечно токи слезны[271]

136. Сливают с кровью, где на век лег-

---

[271] Примечания: 271

Аттила, царь Гуннов, прозванный бичем земли. — Пирр, царь эпирский, и Секст Помпей (по другим Секст Клавдий Нерон), морской разбойник, воевавший, по смерти Цезаря, против Триумвиров: оба враги Римлян, к империи которых Данте везде обнаруживает особенное сочувствие.

ли,

Реньеро Падзи и Реньер Корнето,[272]

Что по дорогам столько воин вели.» —

139. Здесь вброд провел меня он и поэта.

[272] Примечания: 272

Ревьер да Корнето, грабивший во времена Данта по большим дорогам в Папских Владениях. Другой свирепый Ревьер, из древней флорентинской фамилии Падзи, из Валь д'Арно, грабил, по повелению Фридерика II, владения римских прелатов, за что со всем своим потомством был отлучен от церкви.

Песнь XIII

Содержание. Поэты вступают во второй отдел седьмого круга, где наказуются насилователи самих себя – самоубийцы, превращенные в деревья, и расточители, нагие тени, вечно преследуемые адскими псами. Деревья самоубийц образуют густой непроходимый лес, в котором на ветвях вьют гнезда отвратительные Гарпии. Данте слышит человеческие вопли, но никого не видит. По приказанию Вергилия, он ломает ветвь с одного дерева и с ужасом видит истекающую из него кровь и слышит стоны. В дереве заключена душа Пиетро делле Винье, секретаря Фридерика II. По просьбе Виргилия, он повествует о причине, побудившей его к самоубийству, просит защитить на земле честь свою от наветов зависти и дает сведение о состоянии душ в этом круге. Едва Винье кончил, как две нагие тени с ужасом пробегают мимо поэтов, гонимые черными псицами. Впереди

бегущая тень Сиенца Лано призывает смерть; другая же, тень Падуанца Иакопо ди Сант'Андреа, в изнеможении укрывается за кустом; псы набегают, рвут ее на части и разорванные члены растаскивают по лесу. При этом они разрывают и куст, который, обливаясь кровью, стонит и, на вопрос Виргилия, дает сведение о себе и родном своем городе – Флоренции.

1. Еще Кентавр не перешел пучины,
Как в дикий бор вступили мы одни,
Где ни единой не было тропины.

4. В нем, скорчившись, растут кривые пни;
В нем все темно, без зелени, без цвета;
В нем яда полн бесплодный терн в тени.[273]

7. В такую глушь, в такую дичь, как эта,

---

[273] Примечания: 273

Непроходимый дикий лес, здесь изображенный, с скорченными деревьями, не приносящими ничего, кроме ядовитого терна, уже вообще представляет картину того болезненного состояния, того дикого ожесточения, в котором теряется душа, наклонная к самоубийству. Копишь.

Не мчится вепрь с возделанных полей
В стране между Чечины и Корнета.[274]

10. Вьют Гарпии там гнезда из ветвей,
Прогнавшие с Строфад Энея криком,
Пророческим предвестником скорбей.

13. На крыльях длинных, с человечьим ликом,
С когтьми на лапах, с чревом птиц, они
На страшных пнях кричат в смятенье диком.[275]

16. «Пока мы здесь,» сказал учитель мне:
«Узнай, мой сын, ты во второй до-

---

[274] Примечания: 274

Чечина, река, впадающая в море на Ю. от Ливорно; *Корнето*, город в Папских Владениях. Страна между Чечиною и Корнето известна под именем *Мареммы,* — поморие, отличающееся нездоровым воздухом, обилием водящихся здесь кабанов и змей.

[275] Примечания: 275

Наклонность к самоубийству возникает вследствие слишком мрачного, как бы извращенного представления будущего. Эти представления олицетворены здесь в образе Гарпий, смутивших Энея и его спутников страшным предзнаменованием в то время, когда они пристали к Строфидам, островам на Ионическом море, и изгнавших их оттуда осквернением пищи. (Aen. III, 254–277).

лине,[276]

И будешь ты дотоле в сей стране,

19. Пока к ужасной не придешь пустыне;[277]

Смотри ж теперь: ты здесь увидишь то,

Что подтвердить слова мои отныне.[278]*»*

22. Со всех сторон я слышал вой; но кто

Стонал и выл, не зрел я, и в смятенье

Я стал, от страха обращен в ничто.

25. Вождь, думаю, мог думать, что в сомненье[279]

Подумал я: не скрылся ли в кусты

---

[276] Примечания: 276

Т. е. во втором отделе седьмого круга, где наказуются самоубийцы и расточители своих имений (Ада XI, ст. 40).

[277] Примечания: 277

Ада XIV, 4.

[278] Примечания: 278

Намек на Энеид. LI, 22 и д., где Эней повествует, как он, прибыв, по разрушении Трои, во Фракию, услышал голос Полидора, одного из Приамидов, превращенного в дерево, с которого Эней сломил ветви для увенчания жертвенника. К этому же рассказу относятся и дальнейшие слона Виргилия, ст. 46–49.

[279] Примечания: 279

В подлин.: Io credo, ch'ei credette, ch'io credesse — *scherzo,* которое старался удержать в переводе.

От нас народ, рыдавший в отдаленье;

28. И потому сказал он: «Если ты
Одну хоть ветку сломишь в роще темной,
То вмиг рассеются твои мечты.»

31. Вблизи от нас терновник рос огромный:
Я ветвь сломил с него; но он с тоской:
«За что ломаешь?» простонал мне томно,

34. И, потемнев от крови пролитой,
Вскричал опять: «Что множишь мне мученья?
Иль жалости не знаешь никакой?

37. Когда-то люди, ныне мы растенья;
Но будь мы души змей самих, и к ним
Иметь ты должен больше сожаленья.»

40. Как с одного конца горит, другим
И пенится и стонит прут зеленый
И по ветру, треща, бросает дым:

43. Так здесь из ветви, издававшей сто-

ны,

Струилась кровь и, бросив ветвь, я стал,

Как человек внезапно устрашенный.

46. «Злосчастный дух!» мудрец мой отвечал:

«Когда б сперва поверил он преданью,

Которое в стихах я рассказал, —

49. Он до тебя не прикоснулся б дланью.

Я сам скорблю, что ваш чудесный плен

Подвиг меня к такому испытанью.

52. Скажи ж, кто ты; а он тебе в замен

Возобновит величье славы шаткой,

Пришедши в мир из мрака адских стен.» —

55. И терн: «Так сильно манишь речью сладкой,

Что я молчать не в силах, и на миг —

О выслушай! – прильну к беседе крат-

кой.[280]

58. Я тот, кому от сердца Фридерик[281]

Вручил ключи, чтоб отпирал по воле[282]

И запирал я дум его тайник,

61. Для всех других уж недоступный боле;[283]

Теряя сон и силы для трудов,

Я исполнял свой долг в завидной доле.

64. Развратница, что с кесарских дворцов[284]

Бесстыдных глаз во век не отвращала, —

Смерть общая и язва всех веков —

---

[280] Примечания: 280

В подлин.: a ragionar m' inveschi. *Invescarti* (от лат. *viscum, клей,* употребляемый для ловли птиц) собственно значит прилипать к ветвям, намазанным птичьим клеем, se prendre au glu (Vocab. Dantesco par L. G. Blanc). Душа грешника, сознавая невинность свою в приписываемом ей преступлении, увлеченная надеждою, что память об ней опять с честью восстановится между людьми, охотно вступает в разговор, так сказать липнет к беседе, как птица, привлеченная приманкой, липнет к ветвям, намазанным клеем. Штрекфусс.

[281] Примечания: 281

Этот говорящий — Пиетро делле Винье, секретарь и любимец императора Фридерика II. Он родился в Капуе от бедных родителей, учился в Болоньи и, обладая красноречием, знанием юриспруденции и поэтическим талантом, скоро поступил в секретари к императору, которому

много помогал в издании законов. От него остались один из первых и лучших сонитов и собрание писем. Вскоре он впал в немилость, был заключен в темницу и, по словам некоторых, ослеплен по повелению императора. В отчаянии он умертвил себя, бросившись из окна темницы в то время, когда император проходил мимо, или, как другие уверяют, раздробив себе голову о стену в церкви St. Andrea в Пизе. Причина немилости к нему императора неизвестна: одни говорят, что он открыл замыслы своего государя врагу его папе Иннокентию IV, другие, что он, по соглашению с тем же папою, хотел отравить его. Винье был очень богат, а потому не мудрено, что имел много завистников. Данте оправдывает его в приписанном ему преступлении, которое впрочем никогда не было доказано. Филалетес.

[282] Примечания: 282

Под именем ключей (в подлин.: ambo le chiavi) комментаторы разумеют способность возбуждать по произволу любовь и ненависть в одном и том же сердце.

[283] Примечания: 283

Бенвенуто да Имола, в доказательство, как велико было доверие Фридерика к Винье, приводит следующее: в дворце в Неаполе находилась на стене картина, на которой император был представлен сидящим на трони; подле него на ступенях трона стоит Пьетро делле Винье; внизу народ умоляет государя о правосудии следующими словами:

Caesar amor legum Friederice piissime Begum
Gausarum telas nostrarum solve querelas;
на что Фридерик отвечает:
Pro vestra lite Censorem juris adite,
Hic nam jura dabit vel per me danda rogabit:
Vinea cognomen Petrus est sibi nomen.

[284] Примечания: 284

Зависть.

67. Против меня сердца воспламеняла
И, Августу то пламя передав,
Свет радости в мрак скорби обращала.

70. Тогда мой дух, в отчаяние впав,
Мечтал, что смерть спасет от поношенья,
И, правый, стал перед собой неправ.[285]

73. Клянусь корнями юного растенья:[286]
Всегда хранил я верности обет
Монарху, столь достойному почтенья.[287]

76. Когда ж из вас один придет на свет,
Пусть честь мою спасет от поруганья

---

[285] Примечания: 285

Эта украшенная речь, наполненная антитезами и другими риторическими фигурами, где имя Кесаря и Августа поставлено вместо императора, вполне соответствует характеру ловкого, классически (по тогдашнему) образованного придворного. Филалетес.

[286] Примечания: 286

К корнями юного р., потому что Винье умер незадолго до рождения Данта и, следственно, недавно находится в аду.

[287] Примечания: 287

Винье, высоко ценящий Фридерика за его действительные заслуги, не знает, что он как еретик казнится в шестом кругу ада, потому что тени грешников не могут знать настоящего (Ада X, 100–108). Ломбарди.

И отразит завистников навет.» —

79. Тут он замолк, и, полный состраданья,
Сказал мне вождь: «Минут теперь не трать
И спрашивай, коль есть в тебе желанья.»

82. Но я ему: «Сам вопроси опять
О том, что знать полезным мне считаешь:
Душа скорбит; нет сил мне вопрошать!» —

85. «О бедный узник! если ты желаешь,
Чтоб просьб твоих не презрел человек, —
Благоволи нам объяснить, коль знаешь,

88. Как в эти пни» учитель мой изрек:
Вселились души? о скажи: в сем теле
Останутся ль они в плену на век?» —

91. Тогда вздохнул колючий терн тяжело,
И вздох потом сложился так в слова:

«Короток будет мой ответ отселе.

94. Как скоро дух все узы естества,
Свирепый, сам расторгнет: суд Миноса
Уж шлет его в жерло седьмого рва.

97. И дух, упав в дремучий лес с утеса,
Ложится там, куда повергнет рок,[288]
Где и пускает стебль как колос проса.

100. И стебль растет, искривлен и высок,
И Гарпии, кормясь его листами,
Творят тоску и для тоски исток.[289]

103. Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внимем: правый суд небес
Нам не отдаст, что отдаля мы сами.

---

[288] Примечания: 288

Намек на то, что самоубийцы все заслуживают одного наказания, что между ними нет различия в виновности, как между другими насильователями, ибо у всех была одна цель — прекращение собственной жизни. Каннегиссер.

[289] Примечания: 289

В подлин.: Fanno dolore, ed al doior finestra, т. е. причиняют боль, ибо эти листья составляют как бы плоть и члены грешников, и, нанося раны, дают заключенному духу путь выражать стонами и вздохами свою боль. Вентури.

106. Мы повлечем их за собою в лес:
У каждого из нас в бору угрюмом
Повиснет тело на ветвях древес.[290]»

109. Вниманья полн, весь предан грустным думам,[291]
Еще я ждал от терна новых слов,
Как вдруг я был испуган страшным шумом.

112. Так человек, пред кем из-за дерев
Несется вепрь, и в след за ним борзые,
Внимает треску сучьев, лаю псов.

115. И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое с скоростью такой,

---

[290] Примечания: 290

В этих стихах обстоятельнее изображена казнь (внутреннее состояние души) самоубийц. «Когда душа, предавшись мрачным думам, утратит разум и, в отчаянии, насильственно отторгнется от тела: тогда в сознании своей недостойности носить человеческий образ, она как бы нисходит на низшую ступень в лестнице жизни; нарушая закон, коему инстинктивно повинуются все животные, закон самосохранения, она превращается в безобразно-скорченный, бесплодный терновник, на ветвях которого смутные представления будущего, подвигшие ее на преступление, гнездятся вечно в образе отвратительных Гарпий. Ей уже нет от них более защиты, и только бесполезными жалобами она проявляет свою жизненность. Если и возвратится ей когда-нибудь тело, то лишь за тем только, чтобы оно, повиснув на ее ветвях, вечно напоминало ей о ее преступлении. Обитать в теле она и сама считает себя недостойною.» Копишь.

[291] Примечания: 291

В числе насилователей против самих себя казнятся и те, кои делали насилие своему имению (Ада XI, 43–44), безумные моты, особенно азартные игроки; их не должно смешивать с теми, которые расточили свое имение в удовольствиях (Ада VII). — «Как эти последние провели всю жизнь свою в бессмысленных стремлениях, так первых преследовали необузданные страсти, олицетворенные в аду в образе псиц (древние называли Гарпий псицами Зевса); в отчаянии призывают они смерть, но смерть не является: душа не умирает; с ужасом, ища спасения от вечно-преследующих забот и страстей, кидаются они на первого, им на пути встретившегося; но, вредя чрез то другим, тем скорее становятся жертвою своих собственных внутренних и внешних гонителей.» Штрекфусс.

Что вкруг ломают сучья пней кривые.

118. Передний выл: «О смерть, за мной! за мной!»

Меж тем другой, не столько быстроногий:

«О Лан,» вопил: «с потехи боевой,[292]

121. При Топпо, так тебя не мчали ноги![293]*»*

И, прибежав к кусту во весь опор,

Запыхавшись, к нему припал в тревоге.

124. За ними вдруг наполнили весь бор

Станицы псиц голодных, черной масти,

Как стаи гончих, спущенных со свор.

---

[292] Примечания: 292

Лано, Сиенец, один из членов знаменитого клуба гастрономов в Сиене, о котором упоминает Данте (Ада XXIX, 130), промотав все свое огромное имущество самым беспутным образом, отправился с войском Сиенцев в Аредзо на помощь флорентинцам. В сражении при Ниеве дель Топпо, где Сиенцы были разбиты, он, опасаясь угрожающей бедности и потому тяготясь жизнью, бросился в ряды неприятелей, где и погиб, несмотря на то, что мог бы спастись бегством. Поэтому другая тень упрекает его в том, что при Топпо он не был так скор, как теперь. В сражении он искал смерть и нашел, здесь он ищет ее и не находит.

[293] Примечания: 293

Сражении при Топпо. В 1288 Гвельфы городов Тосканы сделали вторжение во владение гибеллинского г. Аредзо и, по обычаю, в день Иоанна Крестителя, праздновали турнир под стенами города. Но на возвратном пути Сиенцы, слишком рано отделившиеся от Флорентинцев, около

местечка Ниеве или Пиеве дель Топпо, в Валь ди Киане, наткнулись на засаду Аретинцев и были разбиты на голову. Сражение это Данте называет боевою потехою (giostra). Giov. Villani. L. VII. c. 120.

127. Укрывшийся не избежал их пасти:
Псы, растерзав его в куски, в куски,[294]
Размыкали трепещущие части.

130. Тут вождь подвел меня за кисть руки
К тому кусту, который, кровью рдея,
Вотще стонал от боли и тоски

133. И говорил: «О Якоп Сант' Андреа![295]
Зачем ты скрылся за кустом моим?
За что терплю я за грехи злодея?»

136. Тогда мой вождь, остановясь пред ним,

---

[294] Примечания: 294

В куски в куски (в подлин.: a brano a brano). «Данте весьма часто употребляет оборот удвоения слова, который и теперь есть одна из характеристических черт живого языка Италии. Оборот сей употребляется для усиления выражения, иногда для показания последовательности. Он есть самый живой оборот и напоминает совершенно свежие обороты Илиады, взятые также из уст народа. Он находится и в вашем народном языке.» Шевырев.

[295] Примечания: 295

Иакопо, падуанский дворянин, из фамилии Сант' Андреа, знаменитый мот своего времени. Как пример его безумной расточительности, рассказывают, что однажды, гуляя по р. Бренте, он забавлялся тем, что под звук музыки бросал множество золотых монит в реку; в другой раз он зажег свою виллу для того, чтоб показать гостям своим великолепное зрелище пожара. Бенвенуто да Имола.

Спросил: «Кто ты, струящий кровь с слезами
Из стольких ран, злой горестью крушим?»

139. А он: «О души, вам же небесами
Дано увидеть страшный стыд того,
Чьи ветви так растерзаны пред вами,

142. Сберите их вкруг терна моего!
Я в граде жил, сменившем так коварно
Старинного патрона своего.

145. За то он губит град неблагодарный
Своим искусством, и когда бы снят
Был истукан его с моста чрез Арно,

148. То граждане, средь пепла и громад,
Оставленных Аттилой при разгроме,
Вотще б трудились, воздвигая град.[296]

151. Повесился там в собственном я

---

[296] Примечания: 296
Здесь разумеется Флоренция.

доме![297]»

[297] Примечания: 297

Неизвестно, кто этот говорящий самоубийца. Одни называют его Рукко де' Модзи, другие Лотто дельи Альи. Последний был флорентинец, который, промотав свое богатство, для получения денег произнес неправильный приговор судебный и потом в отчаянии повесился в собственном доме.

Песнь XIV

Содержание. При имени Флоренции, Данте, растроганный любовью к отечеству, подбирает разбросанные листья флорентинца и складывает их вокруг его куста. За тем поэты приходят к границе, отделяющей второй отдел седьмого круга от третьего, где казнится насилие против Бога. Пред глазами Данта открывается необозримая и бесплодная степь, горячие пески которой вечно раскаляются огнем, падающим на них длинными полосами. Грешники образуют из себя три стада: одни лежат навзничь: кто богохулители; другие сидят, скорчившись: кто ростовщики; третья, самая большая толпа содомитов находится в вечном бегстве. – Потом, все более и более удаляясь от леса и миновав первую толпу богохулителей, поэты приходят к клокочущему потоку Флегетону, на который Виргилий обращает особенное внимание Данта и при этом случае объясняет ему проис-

хождение адских рек. Все воды адских рек происходят от слез статуи Времени, в образе старца стоящей на г. Иде и литой из золота, серебра, меди, железа и глины. За исключением головы, литой из золота, все части ее тела прорезаны морщинами от слез, которые, сливаясь в ад, образуют Стикс, Ахерон, Флегетон и Коцит. Данте спрашивает о Лете и узнает, что река забвения помещена в чистилище. – За тем путники пересекают песчаную степь, идя мощеным берегом Флегетона, над которым гаснет огонь.

1. К отечеству подвигнутый любовью,

Я, подобрав листы, их возвратил

Тому, который смолк, облитый кровью. —

4. Тут мы пришли туда, где смежен был

С вторым отделом третий круг, где строже[298]

[298] Примечания: 298

Второй отдел седьмого круга, где казнятся насилователи самих себя (Ада XI, 40 и д.); в третьем отделе, в который теперь вступают поэты, казнится насилие против Бога (Ада XI. 46–51).

Гнев праведный свой ужас проявил.

7. Чтоб возвестить Твои пути, о Боже!
Скажу, что в степь пришли мы наконец, —
Бесплодное пустынь песчаных ложе.

10. Ту степь обвил лес скорби как венец,
Как и его объемлет ров жестокий:[299]
Здесь, на меже, со мною стал певец.

13. Песок сухой, горячий и глубокий
Лежал в степи, подобный тем пескам,
По коим шел Катон в поход далекий.[300]

16. О гнев Господень, как ты грозен там!
Так пусть же каждый с ужасом читает

---

[299] Примечания: 299

Лес самоубийц (Ада XIII, 2 и д.); ров жестокий — кровавая река, в которую погружены насилователи ближних (Ада XII, 46 и д.). Здесь, как и во многих других местах, поэт делает наглядным воронкообразное устроение ада с его кругами, суживающимися все более и более ко дну бездны(Ада IV. 7 и примеч.).

[300] Примечания: 300

Т. е. подобный пескам степи ливийской, по которой Катон Младший провел остаток римских войск, по смерти Помпея, для соединения с войском Юбы, царя нумидийского. Lucan. Pharsal. XI.

О том, что мне представилось очам!

19. Там взор стада нагих теней встречает:

Все горько плачут в бешеной тоске;

Но, мнится, суд неравный их карает.

22. Одни лежат там навзничь на песке,[301]

Сидят другие, корчась, в страшном поле,

А третьи вечно мчатся вдалеке.

25. Теней, блуждающих кругом, всех боле;

Лежащих же под мукой меньше всех,

За то сильней скорбят о лютой доле.

28. Дождь огненный, карая гнусный грех,

Там сходит тихо длинными клока-

---

[301] Примечания: 301

Богохулители лежат; ростовщики сидят, скорчившись (Ада XVII, 35–78); содомиты вечно мчатся (Ада XV, 16 до XVI, 89). Последних всех более — намек на чрезвычайное распространение этого порока в Италии во времена Данта.

ми,[302]

Как падает в затишье в Альпах снег.

31. Как в Индии, под знойными лучами,
Зрел Александр над сонмами дружин
Огонь, сходивший до земли волнами;

34 Тогда войскам велел он средь равнин
Топтать песок затем, чтоб пламень ярый
Скорее гас, пока горел один:[303]

37. Так вечные нисходят там пожары,
Чтоб зажигать, как под огнивом трут,
Пески степей для удвоенья кары.

---

[302] Примечания: 302

О значении огня в Дантовой поэме мы говорили выше (Ада VIII 73 и IX, 127. примеч.). Здесь еще менее показано значение этой стихии. — «Огонь божественной любви и истины, этот источник вечного блаженства праведных, этот путь очищения для кающихся, даже для доблестных героев в Лимбе разливающий яркий свет, огонь этот, как мы видели, уже для отрицателей бессмертия (Ада IX, 127 и примеч.) составлял орудие вечной муки. Но для еретиков он еще не проявляется в виде огня: он раскаляет только их могилы, эти символы вечной смерти, которую они учили. Только здесь, в сознании душ, согрешивших непосредственно перед Богом, только здесь, в обители насилия против Бога, божественный огонь становится прямым орудием казни. Но и здесь нисходить он не в виде света, но отдельными, жгучими клоками, потому что полное божественное познание недоступно грешникам: только отдельные искры божественного огня любви и истины долетают до них; только отдельные мысли о Боге доступны

им, но и те нисходят к ним как муки, не светят, но только сжигают их. Согрешив непосредственно перед Господом или богохулением, или противоестественным осквернением любви, или осквернением искусства — лихоимством, они разделились на три стада, из которых каждое испытует свою меру казни. Богохулители, пораженные как бы громом, лежат на бесплодной песчаной степи; в дерзком бессилии, они и теперь еще вызывают на спор небо, и эта несмеримая гордыня сильнее, чем проявление любви божественной в пламени, карает их безумство — мысль глубокая, олицетворенная в Капанее! — второе стадо, осквернившее любовь, вечно бежит с ужасом от чистого ее пламени, прожигающего вечным клеймом позора чело осквернённых; тогда как для обратившихся с любовью к Богу (Чист. XXVII, 93–57), для блаженной Беатриче (Ада II, 93), для самого язычника Виргилия, это пламя не губительно. Наконец, третье стадо — ростовщики — так сказать свертываются сами в себя, еще доселе крепко сжимают пустые мешки золота и тщетно стараются удалить от себя мысли о благости Божьей, против которой согрешили, — эти клоки пламени, которые, падая на них беспрестанно, сжигают их.» Копишь.

[303] Примечания: 303

Пока горел один, т. е. пока отдельные волны пламени не слились вместе. Неизвестно, откуда заимствовал Данте это сказание об Александре Великом; может быть, он почерпнул его из подложного письма Александра к Аристотелю; в этом письме, между прочими удивительными рассказами об Индии, говорится и об огненном дожде.

40. Без отдыха, как в пляске (тщетный труд!)[304]

С себя стрясая пламень вечно-новый,

Вкруг мечутся их руки, там и тут.

43. «О вождь!» я рек: «о ты, на все готовый

И все смиривший, кроме адских орд,

Представших нам у врат толпой суровой,[305]

46. Кто сей гигант, который столько горд,

Что, кажется, к нему и не касался

Дождь огненный, под коим он простерт?»

49. Но грешник сам, как скоро догадался,

---

[304] Примечания: 304

В подлин.: Sanza riposo mai era la tresca Delle misere mani. *Tresca*— особого рода танец, бывший в моде во времена Дантовы в Неаполе и состоявший в том, что пляшущие становились друг против друга, при чем один из них, которому все должны были подражать, подымать то ту, то другую, то обе руки вместе, откидывал их то туда, то сюда и вертелся то в ту, то в другую сторону: стало быть, отмахивание рук грешников сравнено с этим танцем чрезвычайно метко. Бенвенуто да Пмола.

[305] Примечания: 305

Т. е. у врат огненного города (Ада VII, 115 и д.)

Что я об нем расспрашивал певца,

Вскричал: «Как жил, таким я и остался!

52. Пусть утомит Юпитер кузнеца,

У коего взял в гневе остры стрелы

Пронзить мне грудь в день моего конца;

55. Пусть утомит и в безднах Монджибеллы,[306]

При черном горне, всю его семью,

Крича: Вулкан, спаси, спаси, о смелый!

58. Как восклицал в флегрийском он бою,

И пусть громит меня он всею силой,

Все ж не вполне смирит он грудь

[306] Примечания: 306

Монджтбелло (от Араб. *гибель*, гора), народное название Этны, в недрах которой, согласно с мифологией, Вулкан с своими Циклопами ковал молнии для Юпитера.

мою![307]»

61. Тогда вскричал мой вождь с такою силой,
Как никогда он не взывал громчей:
«О Капаней, за то, что и могилой

64. Не укрощен, наказан ты сильнее!
И злость твоя, жесточе всякой казни,
Терзает ярость гордости твоей!»

67. И мне потом сказал он, полн приязни:
«Он был в числе семи царей у Фив:[308]
Неистовый, не ведал он боязни,

70. И, как сперва, доныне нечестив;
Но, как я рек ему, клеймом достойным

---

[307] Примечания: 307

Этот говорящий гигант есть Капаней, мифическое лице; выведенное Дантом как символ порока, здесь наказуемого, подобно Миносу, Церберу, Плутусу, Флегиасу, Минотавру и др., один из семи царей, осаждавших Фивы в междоусобной войне братьев Этеокла и Полиника. — Глубокомысленный Данте не без значения умалчивает здесь о других богохулителях, ибо все безумие этого греха сосредоточивает в одном языческом образе хулителя Зевсова. Копишь.

[308] Примечания: 308

Капаней намекает на войну гигантов в фессаллийской долине Флегре против Зевса и других богов, где гиганты были побиты молнией, выкованной Вулканом Юпитеру.

Ему послужит гордых дум порыв.

73. Теперь иди за мною; но по знойным
Пескам степей не направляй следа:
Вблизи лесов пойдем путем спокойным.

76. В молчании достигли мы туда,
Где из лесу бежал источник малый,[309]
Его же цвет мне страшен навсегда.

79. Как Буликаме бьет ключом в провалы
Где грешницам лечиться суждено:[310]
Так по песку кипел источник алый.

82. Окраины, его бока и дно —
Гранитные, и здесь-то, мне казалось,
Был путь, которым проходить долж-

---

[309] Примечания: 309

Это та же кровавая река, в которой казнятся тираны (Ада XII, 46 и д.)

[310] Примечания: 310

Горячий серный ключ, *Буликаме,* на расстоянии полмили от Витербо, есть бассейн горячей воды, имеющий вид раковины, в 408 пальм в окружности. Его вода, особенно пригодная для мочки конопли и льна, во времена Данта проведена была каналами в различные заведения бань; служила ли она для той цели, на которую намекает Данте, неизвестно; впрочем недалеко от него находится другой горячий ключ, который и поныне называется *Bagno delle Donmy.* Филалетес.

но. —

85. «Среди всего, что здесь тебе являлось,

С тех пор, как мы вошли за адский прag,[311]

Доступный всем, мой сын, не представлялось

88. Нам ничего столь важного в кругах,

Как этот ключ достойный замечанья;

Взгляни: в нем гаснет пламя на волнах.»

91. Так мне сказал мой вождь и, полн вниманья,

Я отвечал: «Дай пищи мне, пшт,

Уж если к ней ты пробудил желанья.»

94. И он: «Есть в море дикий остров, Крит;

Там жил Сатурн, в век коего обида

И брань смущать не смели юный быт.

97. Гора там есть: она, прозваньем

---

[311] Примечания: 311
Т. е. первые врата ада (Ада III, 1 и д.)

Ида,

Красуясь древле зеленью лесов,

Теперь грозна угрюмостью вида.

100. Нашла там Рея сыну верный кров;

Там от отца лишь тем был Зевс избавлен,

Что плач его сливался в крик жрецов.

103. Гигантский старец в той горе поставлен:

Обращены к Дамьетти рамена,

Но лик, как в зеркало, на Рим направлен,

106. Глава его из злата создана,

Из чистого сребра и грудь и длани

И медь потом до самых бедр видна.

109. От бедр до ног все из отборной стали,

Лишь правая из глины: подпертой

Ногою правой, он стоит в печали.[312]

---

[312] Примечания: 312

«Hujue statuae eaput ex auro optimo erat, pecuu autem et brachia de argento, porro venter, et femora ex aere; tibiae autem ferreae, pedum quidem pars erat ferrea, quaedam autem fictilis.» Vulg. Daniel. II, 32–33.

112. На каждой части, кроме золотой,
Прорезаны струями слез морщины,
И слезы те, прорывши грот, рекой

115. Бегут со скал, чрез мрачные пучины,
В Стикс, в Ахерон и Флегетон, потом
Стремятся в круг, вдоль узкой сей лощины,

118. Где более сходить нельзя, и в нем
Падут в Коцит: туда нас путь низводит,[313]
И я молчу об озере льдяном.[314]»

121. И я: «Но если в мире происходить

---

[313] Примечания: 313

Очень вероятно, что четыре адские реки, по представлению Данта, образуются одна из другой: таким образом, источник Стикса в четвертом круге (Ада VII, 101–108) имеет подземную связь с Ахероном, а Флегетон (кровавая река первого отдела седьмого круга), в свою очередь происходит из Стикса, коего воды, протекая под огненным городом шестого круга, нагреваются до точки кипения. Побочные рукав Флегетова, который теперь перед поэтами, вероятно, тоже протекает под землею под лесом самоубийц, что подтверждается самим глаголом, употребленным в ст. 76, *spicciare,* что значит: бить из земли ключом; а также тем, что Данте, до сего времени шедший с левой стороны, впоследствии, перейдя поперек песчаную степь, идет уже по правому берегу потока не упоминая нигде о своей переправе через него: из чего должно заключить, что он, вероятно, обогнул поток при самом его истоке. Филалетес.

[314] Примечания: 314

Здесь описывается статуя Времени, одна из глубокомысленнейших аллегорий Данта. Статую Времени Данте помещает на острове Крите: это частью для того, чтобы аллегорию свою примкнуть к циклу греческих мифов о Кроносе, царствовавшем в золотом веке, почему и сделан намек (100–102) на Рею, матерь Зевса, которая спасла своего сына от алчности отца его тем, что повелела Корибантам, жрецам своим, заглушать своими криками и звуками кимвалов детский плач его; частью потому, что Крит, как замечает Нандино, находится между тремя, тогда единственно известными частями старого света, а потому может быть принят за символ всего земного шара. Старец помещен внутри горы: это указывает на таинственность времени и непостижимость его происхождения. Он стоит прямо, лучшею своей частью — золотой головою — обращенный к небу; к земле, к аду, он слагается из материалов все худшего и худшего достоинства. Эти различные материалы — золото, серебро, медь и железо — означают четыре века человечества. Спиною старец обращен к Дамиетте, городу в Египте: это потому, что род человеческий берет свое начало на Востоке (Египет причислялся тоже к Востоку), от которого однако ж, со введением христианства, он отвратился как от колыбели язычества. Взор старца устремлен на Рим, как на город, от которого, по понятию Данта, зависит спасение мира. — Одна нога статуи глиняная: этим обозначается возрастающая с каждым днем изнеженность, развращение и нравственная порча человечества; нога эта правая, потому статуя Времени и упирается на нее сильнее, чем на левую. Ноги статуи означают четвертый, последний период времени или владычество Римлян, при чем левая означает Рим языческий от его начала до распространения христианской веры в Римской Империи: она железная, потому что Римляне в первые 7 веков своего владычества отличались воинственностью, строгостью нравов, строгим законодательством, силою характера. Напротив, правая нога из глины означает Рим христианский или Римско-германскую Империю, период, когда политическое и нравственное состояние времени отличалось распадением и порчею, и все христианство Дантова

времени представляло хаотическое брожение. Нравственный смысл аллегории заключен собственно в ст. 112–115. Морщины покрывают все части тела, кроме головы, литой из золота: только в золотом веке не знал человек горя; но с первым грехопадением, с началом серебряного века, являются на свет и грехи и горести. За тем смелым оборотом мысли Данте опять связывает нравственный смысл своей аллегории с мифическим: слезы сливаются и, проточив пещеру, в которой стоит старец, пролагают себе дорогу в бездну ада и здесь образуют четыре мифологические реки. Самые реки, по толкованию древних комментаторов, основанному на этимологическом значении их имен, означают четыре степени греховности или, вернее, греховного горя: Ахерон, первая река, через которую Харон перевозят грешников, есть утрата всех радостей; Стикс, где ходит ладья Флегиаса, означает отчаяние; Флегетон, через который Несс переносит Данта, значит огненные терзания совести и, наконец, Коцит означает громкий плач и скрежет зубов грешников. От греха происходит все наше горе (Ада XXXIV, 36.): потому поток горестей, возникая из развращений времени, стремится реками слез к отцу всякой скорби, к Люциферу, где и замерзают в Коците, там, куда тяготеет всякая тяжесть, где скопляется всякое горе (Ада XXXIV, III). Каннегиссер. Копишь, Филалетес.

Источник сей, то почему же он

Пред нас впервые только тут выходит?» —

124. А вождь: «Сей край, ты знаешь, округлен,

И хоть со мной ты в ад проник глубоко,

Все влево в глубь спускаясь чрез наклон;

127. Но все ж не весь обойден круг широкий»

Так не дивись же ты в душе своей,

Коль много нового здесь встретит око.» —

130. «Где ж Флегетон? где Лета? ты об ней

Не говоришь; о первом же заметил,

Что он возник из слез в пучине сей?» —

133. «Хвалю твои вопросы,» он ответил:

«Но ты и сам решишь один из них,

Коль клокотанье красных волн приме-

тил[315]

136. Узришь и Лету, но не в безднах сих,

Я там, куда душа идет омыться,

Покаявшись во всех грехах своих.

139. Но время нам от леса удалиться.[316]

Старайся же идти за мной; взгляни:

Гранит плотин не может раскалиться,

142. За тем, что пар здесь гасит все огни.[317]»

---

[315] Примечания: 315

Слово *Флегетон* происходит от греч. *φλέγω, φλέγεζω* (горю). Виргилий удивляется, почему Данте не узнает Флегетона в кровавом кипятке этого потока. Это место комментаторы приводят как доказательство тому, что Данте знал греческий язык, что очень сомнительно.

[316] Примечания: 316

Лету, реку забвения, Данте находит на вершине чистилища (Чист. XXVIII, 25-130).

[317] Примечания: 317

Берега потока каменные, и потому защищены от огня. В заключение этой песни приведем следующее замечание: «На внешней окружности круга скупых и расточителей, Данте встретил источник; имея его справа, Данте спустился в круг гневных: здесь источник вливается в Стикс. Оставив его, поэт делает длинный обход, опять направляясь влево, к высокой башне, где его принимает в ладью Флегиас. Но так, как Данте может идти сквозь огненный дождь только под защитою паров потока, то он, раз покинув его, теперь по необходимости должен к нему возвратиться, а так, как поток протекает прямо и так, как Данте, взяв влево, от него удалился, то он должен был повернуть направо,

чтобы опять возвратиться к потоку; он так и сделал при первой к тому возможности, именно в то время, когда он вступил в круг еретиков. Это объяснение показывает, с какою точностью Данте задумал малейшие топографические подробности своего ада и как сильно рассчитывал он на сосредоточенное внимание читателя.» Бре де ла Маг.

Песнь XV

Содержание. Поэты идут по одной из каменных плотин Флегетона. Вдоль плотины навстречу им бежит толпа содомитов. Один из них узнает Данта: это его учитель, Брунетто Латнни. Он спрашивает ученика о причине замогильного его странствования и, поощрив его к продолжению трудов, предсказывает ему славу, а вместе с тем и изгнание, при чем жестоко порицает флорентинцев, Данте оказывает глубокое уважение своему учителю, уверяет его, что готов на все превратности судьбы, лишь только бы совесть его была покойна, и узнает, что большая часть наказуемых здесь грешников были люди, прославившиеся своей ученостью. За тем, напомнив ученику свое сочинение, Брунетго Латини поспешно убегает.

1. Вот мы идем по каменной твердыне,
Где пар с ручья туманом восстает

И гасит огнь в волнах и на плотине.[318]

4. Как между Бригге и Кадзантских вод,[319]

Страшася с моря грозного набега,

Фламандцы строят против волн оплот;

7. Как Падуанцы защищают с брега,

Вдоль бурной Бренты, виллы и сады,

Пока на Альпах зной не тронул снега:[320]

10. Так здесь плотин устроены ряды,

Хотя не столь громадно и высоко,

Строитель вечный, их воздвигнул Ты.

---

[318] Примечания: 318

Флегетон, как мы видели (Ада XIV, 141), протекает между двумя набережными. Набережные эти каменные, а потому не могут загораться от падающих клочьев огня; вообще огонь здесь и не падает, потому что гаснет в парах, подымающихся с кипящей реки.

[319] Примечания: 319

Кадзант, небольшой остров к С. З. от Бригге, некогда имевший город и несколько деревень, но впоследствии все более и более уменьшавшийся от напора морских волн, что я заставило Голландцев устроить здесь большую плотину.

[320] Примечания: 320

Брента, р. в Верхней Италии, протекает чрез падуанские владения и берет свое начало в той части Альп, которую встарину называли Киарентана, ныне Керятские Альпы. Они покрыты снегом, который, тая от жаров весною, заставляет Бренту выступать из берегов, от чего

нередко происходят опустошительные наводнения.

13. Уж были мы от леса так далеко,
Что усмотреть его не мог бы взор,
Как сильно бы ни напрягалось око.

16. Тут встретили мы грешных душ собор,
Бежавший вдоль плотины; он с испугом
Нас озирал, как делаем обзор,

19. При новолунье, встретившись друг с другом,[321]
И как глядит в ушко иглы портной,
Прищурившись, расслабленный недугом:

22. Так в нас ресницы изощрял их строй.
Тут кто-то вдруг меня за полу платья
Схватил, вскричав: «Не диво ль предо мной!»

25. Пока ко мне он простирал объятья,
Я взор вперил в лице с следами бед,
И обгорелый лик с клеймом проклятья

---

[321] Примечания: 321
Не смотря на падающие огни, этот круг темен: огонь небесный не светит грешникам, но сходит только для их мучения.

28. Я вмиг узнал, знакомый с юных лет.

Склонясь лицом к его лицу, с приветом:

«Вы ль это здесь,» вскричал я «сер Брунет?[322]*»*

31. А он: «Мой сын, не постыдись с Брунетом

Пройти назад хот несколько шагов

И пусть толпа меж тем бежит,» – «Об этом»

34. Был мой ответ: «я сам молить готов,

И, если вам угодно, с вами сяду,

Коль тот дозволит, с кем иду в сей ров.» —

---

[322] Примечания: 322

Брунетто Латини, родившийся в 1220, из фамилии да Скарниано, учитель Дантов и знаменитый ученый своего времени. Он был Гвельф и после победы, одержанной Гибеллинами при Арбии (Ада X, 31–93 и пр.), принужден был удалиться во Францию. Когда, по смерти Манфреда, Гвельф опять ваяли верх, он возвратился в родной свой город Флоренцию и в 1230 г. был назначен поручителем мира, заключенного при содействии кардинала Латино между Гибеллинами и Гвельфами. В 1284 он был избран в писцы республики и умер в 1294. От него дошли до нас следующие сочинения: *Il tetoretto,* аллегорико-дидактическая поэма на Италианском языке; *Il tetoro,* род энциклопедии, трактующей о различных предметах и писанной на французском языке как на языке «plus diletable et plus commune a tout languises»; *Il pataffio,* стихотворение, состоящее из набора флорентинских поговорок и шуток, *iu terze rime.* — Данте удивляется, встретив своего учителя здесь, ибо современники

Брунетто подозревали его в подлогах, — грех, который наказуется в последнем отделении следующего восьмого круга. Ландино.

37. «О сын!» сказал он: «всяк, причтенный к стаду,

Лишь миг помедлит, будет осужден

Лежать в огне, сто лет не движась к ряду.[323]

40. Иди, а я, держась за твой хитон,[324]

Пойду вослед; потом сольюсь с отрядом,

Подъемлющим под мукой вечный стон.»

43. Я не дерзал, сойдя с дороги, рядом

С ним проходить, но шел, как человек

Почтительный, с поникшим долу взглядом.

46. «Какой же рок, иль случай,» он мне рек:

«Ведет тебя до срока в край ужасный?

И кто возвел тебя на этот брег?» —

---

[323] Примечания: 323

Все грешники в таком случае становятся сопротивляющимися высшей воле, как богохулители (Ада XIV, 22 и д.). Копишь.

[324] Примечания: 324

Данте идет по плотине, а учитель его находится ниже.

49. «Там, там, вверху,» сказал я: «в жизни ясной,

Еще Преклонных не достигнув лет,

Я потерял в долине путь опасный.[325]

52. Вчера я утром из юдоли бед

Уж вспять бежал, когда его я встретил:[326]

Он сим путем ведет меня на свет.» —

55. «Иди ж вослед звезде», он мне ответил:

«И в пристань славы вступишь ты за ней,

Коль в жизни той все ясно я заметил.[327]

58. Когда б так рано я не кончил дней,

---

[325] Примечания: 325

Намек на первые три стиха первой песни.

[326] Примечания: 326

Т. е. Виргилия. Комментаторы говорят, что Данте потому не назвал по имени Виргилия, хотя о том спрашивает Брунетто, что Брунетто вообще не уважал Мантуанцев и в сочинении своем, Il tesoro, между множеством цитат из классиков, почти совсем не приводит Виргилия.

[327] Примечания: 327

Брунетто был математик и астролог и при рождении Данта предсказал ему великую славу по звездам, составив ему гороскоп, на что намекает ст. 57.

То убедясь, сколь небо благосклонно,
Я б был в трудах опорою твоей.

61. Но твой народ жестокий, беззаконный,
От Фиезолы свой ведущий род
И в твердость скал до ныне облеченный,[328] —

64. Тебе ж во благо, брань с тобой начнет,
И по делом: ведь с горечью рябины
Созреть не может фиги сладкий плод!

67. Слепым был назван встарь не без причины[329]
Надменный род, завистливый, ску-

---

[328] Примечания: 328

Первоначальные жители Флоренции были выселенцы горного города Фиезолы, основавшие новый город на расстоянии часового путешествия от старого. Виллани вечный раздор между флорентинцами приписывает тому обстоятельству, что первые обитатели Флоренции были частью Римляне, частью фиезоланцы; потомки первых удержали свой аристократический характер, потомки же последних отличались грубостью нравов, занесенных первобытными переселенцами из страны гористой и дикой, где и поныне ломают камень. Филалетес.

[329] Примечания: 329

Предание это Виллани рассказывает так: Аттила (он смешивает его с Тотилою), подступив к стенам Флоренции, убедил ее жителей отворить ему ворота под тем предлогом, что он будто бы пришел к ним на помощь против их врагов Пистойцев; но едва вступил он в город,

как предал его разграблению, приказав умертвить важнейших его граждан. Напротив, старинные комментаторы Данта рассказывают следующее: в 1117 г. Флорентинцы обязались защищать Пизу против Луккийцев в то время, когда сами Пизанцы воевали ос. Малорку. По возвращении победоносных Пизанцев, флорентинцам в награду за их службу дозволено было сделать из добычи Пизанцев выбор между прекрасными бронзовыми вратами и двумя колоннами из порфира. Флорентинцы выбрали последние и только на возвратном пути заметили, что колонны были повреждены огнем и после выкрашены красной краской. За это флорентинцев прозвали слепыми, а Пизанцев изменниками.

пой —

О, будь же чист меж ними ты единый!

70. Такую честь тебе даст жребий твой,

Что все начнут алкать в тебе сочлена;[330]

Но – далее от клюва злак такой![331]

73. Пусть скот Фьезолы жрет своих как сено;

Но да не тронит злака, если там

В его помете, из гнилого тлена,

76. Еще возможно вырость семенам

Великих Римлян, живших в граде – в этом

---

[330] Примечания: 330

Все (в подлин.: l'una parte e l'altra), т. е. как партия Белых, так и Черных, стало быть, вся Флоренция. Только по смерти великого поэта, постигли флорентинцы всю грандиозность гения своего соотечественника и тщетно домогались иметь в стенах своих хотя бы прах великого человека.

[331] Примечания: 331

Вероятно пословица. Хотя Данте принадлежал некоторое время партии Белых (Гибеллинов), однако ж образ их действия вскоре оттолкнул его от них; поэтому его прадед Каччиагвида хвалить его за то, что он «сам для себя стал своею партиею.»

A te fia bello
Averti fatta parte per te stesso.

(Paradiso. XVII, 68–69).

Гнезде злодейств, противных небесам.» —

79. «Когда б Господь внимал моим обетам,[332]
Так рано б рок дней ваших не пресек
И вы б еще не разлучились с светом.

82. Я впечатлел в душе своей на век
Ваш добрый вид, отеческий, бесценный,
Познав от вас, чем может человек

85. Достичь бессмертия в сей жизни тленной,
И, как ценю я вас, пока дышу,
Мои уста поведают вселенной.

88. Все, что вы мне сказали, запишу
И, эту весть, храня в душе с другою,
Им объясненья в небе испрошу.[333]

91. Меж тем и вам я мысль свою открою:

---

[332] Примечания: 332
По словам Боккаччио, Данте вед свой род от римской фамилии Франджипани.

[333] Примечания: 333
Т. е. у Беатриче.

Лишь только б совесть ведала покой,
А я готов идти на брань с судьбою.

94. Уже не нов задаток мне такой,[334]
Так пусть же рок вращает шар заветный,
Как вздумает, а пахарь заступ свой![335]»

97. Тут, обратясь на право, взор приветный
Ко мне склонил и мне вещал поэт;
«Кто замечает, тот внимал не тщетно![336]»

100. Меж тем со мной беседу вел Брунет

---

[334] Примечания: 334

Тоже самое он уже слышал от Чиакко (Ада VI, 64 и д) и Фаринаты (Ада X, 79). — В подлин.: Non e nuova agli orecchi miei tale arra. *Arra* значить задаток, который дают купцы в Италии в обеспечение того, что торг состоится верно. Данте хочет сказать этим словом, что он верит в исполнение предсказания. Филалетес.

[335] Примечания: 335

А пахарь заступ свой, вероятно пословица. Смысл тот: на превратность судьбы я смотрю так же равнодушно, как и на пахаря, работающего заступом.

[336] Примечания: 336

Намек на слова Виргилия в Энеиде: Superanda omnis fortuna ferendo est.

И я спросил: «Кто из толпы печальной
Всех более прославлен?» И в ответ

103. Он мне: «Узнать здесь об одних похвально;
Но умолчать приличней о других:
Мне их не счесть, а путь лежит мне дальний.

106. Короче: сонм духовных здесь одних,
Людей ученых, славы громозвучной;[337]
Один и тот же грех пятнает их.

109. Там Прискиан с толпою злополучной;[338]
Франциск д'Аккорсо с ним бежит вокруг,[339]

---

[337] Примечания: 337

Италианское: clerico (духовный) значит вместе с тем и ученый; litterati в средние века назывались те, которые занимались латинским или, как тогда говорили, грамматическим языком.

[338] Примечания: 338

Прискиан, знаменитый грамматик VI века, из Цезареи Каподокийской. Кажется, он помещен в этот класс грешников как представитель образователей юношества, которые во времена Данта преимущественно были преданы греху, здесь наказуемому.

[339] Примечания: 339

Франциск д' Аккорсо (Aecursius), отличный правовед средних веков, сын знаменитого учителя Римского Права. Он был профессором болонского университета и умер около 1294.

И, если видеть этот суд не скучно,[340]

112. Взгляни: вот он, кого служитель слуг[341]

Переместил от Арно к Баккильону,[342]

Где сокрушил ему хребет недуг.

115. Но кончим; время уж кладет препону

Беседе вашей: вижу я давно,

Что новый дым клубится там по склону.

118. Уж близок строй, где быть мне не должно!

Я об одном прошу: читай Tesoro[343]*,*

Мой славный труд, где жить мне суж-

---

[340] Примечания: 340

В подлин. еще жестче: tal tigna, такая короста.

[341] Примечания: 341

Т. е. папою, который титулуется Serrus servorom Domini.

[342] Примечания: 342

Андреа де' Модзи, флорентинец, бывший делегатом кардинала Латино, когда этот был отправлен Николаем III в Тоскану как примиритель Гвельфов и Гибеллинов. В это время (1286) Модзи был, поставлен в епископы Флоренции; однако ж в 1298 г. Бонифации VIII переместил его в Виченцу, на р. Баккильони, где он и умер. Причина его перемещения неизвестна. Комментаторы думают, что Данте поместил его в ад за то, что он был Гвельф.

[343] Примечания: 343

Это сочинение, о котором мы говорили выше, состоит из трех частей: одной исторической, другой нравственной, третьей риторической; все три носят следующие заглавия: обыкновенные мониты, драгоценные камни, чистое золото.

дено.» —

121. Тут, повернув, помчался он так скоро,

Как будто бы в Верони он бежал,

И мог его сравнить я с тем, который

124. Сорвал сукно, не с тем, кто проиграл.[344]

[344] Примечания: 344

В Верони ежегодно, в первое воскресенье великого поста, молодые люди бегали в запуски; победитель получал *palio* или кусок зеленого сукна.

Песнь XVI

Содержание. Шум Флегетона, свергающегося водопадом в следующий круг, долетает до слуха поэтов. Они приближаются к восьмому кругу. От толпы содомитов, бегущих под огненным дождем, отделяются три тени и, догоняя Данта, умоляют его остановиться. Виргилий повелевает ему исполнить их желания, и тени, прибежав к Данту, схватываются руками, кружатся перед ним и объявляют свои имена. Это три государственные мужи Флоренции: Теггъяио Альдобранди, Иакопо Рустикуччи и Гвидогверра. Данте изъявляет глубокое уважение к ним и к их заслугам отечеству и на вопрос их о состоянии Флоренции выражает сильное негодование на испорченность ее нравов. Тени, похвалив его за пламенную любовь к родине и попросив напомнить о себе живым, поспешно убегают. Поэты идут далее и, наконец, достигают ужасной бездны. Виргилий бросает в нее вервь,

которою был опоясан Данте. Из бездны выплывает страшное чудовище.

1. Уже я был над каменною гранью,[345]
Где водопад, свергаясь в нижний круг,
Подъемлет шум, подобный пчел жужжанью.

4. Тогда три тени, отделившись вдруг
От строя душ, бежавших непрерывно
Под страшным ливнем жесточайших мук, —

7. Помчались к нам, подъемля крик призывный:
«Остановись! судя по платью, ты
Идешь из нашей родины противной!»

10. Увы! как страшны были их черты,
Спаленные огнем ужасной нивы!
О том досель смущают дух мечты.

13. «Наставник мой услышал их призывы

---

[345] Примечания: 345

Данте теперь у границы, отделяющей седьмой круг от восьмого, куда Флегетон свергается ужасным водопадом (см. далее ст. 92 и д.).
9. Т.-е. из Флоренции.

И, обратясь, сказал: «Повремени!

Для этих душ должны мы быть учтивы.

16. И я сказал бы, если б здесь огни

На зыбь песков так страшно не змеились,

Что лучше б ты так мчался, чем они.[346]*»*

19. Вновь поднялся – лишь мы остановились —

Их прежний клик; когда ж догнали нас,

Как колесо три тени закружились.

22. И как бойцы, на битву обнажась,

Чтоб отразить успешней нападенье,

Один с другого не спускают глаз:

25. Так все, кружась, в меня вперяли зренье

И никогда с движеньем быстрых ног

---

[346] Примечания: 346

Эти тени были на земле столь знаменитые люди, что если бы теперь они не были наказаны как содомиты огненным дождем (или, другими словами, если бы не препятствовал тебе огненный дождь), то было бы приличнее тебе бежать к ним на встречу, нежели им.

Не совпадало лиц их направленье.[347]

28. Тут тень одна: «Коль зыбкий сей песок,

Коль образ наш обугленный, увечный,

Презрительным являют наш порок:

31. Склонись, хот ради нашей славы вечной,

Сказать: кто ты, что смело входишь к нам,

Еще живой, в край муки бесконичной?

34. Вот он, за кем бегу я по пятам,

Теперь ногой, весь черный и убогий,

Едва ль поверишь, как был славен там!

---

[347] Примечания: 347

Картина, начертанная в этих шести стихах, может показать ее с первого взгляда не совсем ясною; но чем более мы ее рассматриваем, тем яснее и пластичнее она становится. Тени этого отдела седьмого круга не смеют остановиться ни на минуту (Ада XV, 37–39 и прим.): потому трем грешникам, желающим говорить с Дантом, не остается ничего более, как беспрестанно кружиться пред ним. Но как глаза их постоянно устремлены на Данта, с которым тени разговаривают, в то время, как их ноги делают круговое движение, то очевидно, что направление их лиц и вый не может совпадать с направлением ног. Такое положение шеи и круговое движение уподобляют грешников бойцам, которые, еще до начала боя, стараются взаимно улучить удобнейшую минуту для нападения. Штрекфусс. — Такое движение очень легко себе представить, если вообразим трех людей, бегающих вкруг и устремляющих глаза на один предмет, вне их круга находящийся. Филалетес.

37. Он храбрый внук Гвальдрады, в жизни строгой,

Тот Гвидогверра, что числом побед

И разумом прославился так много.[348]

40. Другой, в степях бегущий мне во след,

Был Альдобранди, тот Теггьяио славный,

Чьим именем гордиться должен свет.[349]

43. А я, гнетомый с ними казнью равной,

Я Рустикуччи и, поверь, вполне

Погиб на веки от жены злонрав-

---

[348] Примечания: 348

Гвальдрада (иначе Валдрада, собственно Ингильтруда), прекрасная флорентинка, дочь Беллинчиона Берти, которого так выхваляет прадед Дантов Каччиагвида за простоту нравов (Рая XV, 112 и д.). Виллани рассказывает, что император Оттон IV, увидав однажды Гвальдраду на одном торжестве во Флоренции, осведомился об ней у ее отца. Тогда Берти похвалился перед императором, сказав, что он может приказать Гвальдраде поцеловать его. Услышав это, Гвальдрада отвечала отцу, что поцелуй ее может принадлежать только будущему ее супругу. Этот ответ так понравился императору, что он тотчас приискал ей жениха из числа своих баронов Гвидо Гверру II, из старинной фамилии графов Гвиди (по просту Конти). Один из сыновей Гвадьдрады, Руджиери, был отцом здесь упоминаемого Гвидогверры, ревностного Гвельфа, хотя предки его принадлежали императорской партии. После сражения при Арбии (Гвидогверра вместе с другими не советовал начинать войну с

Сиенцами, Ада X, 31–93 и прим.), он бежал из Флоренции и, удалившись в Романью, вскоре стал во главе изгнанных Гвельфов. В сражении при Беневенто против Манфреда, Гвидогверра командовал частью войск Карла Анжуйского и был главнейшим виновником одержанной победы. Троиа принимает четырех, Аммирато (в истории графов Гвиди) пятерых сыновей Гвальдрады: Гвидо, Тегрино, Руджиери, Марковальдо и Агинольфо; одни из них были Гвельфы, другие Гибеллины. Данте упоминает о многих членах этой знаменитой фамилии. Филалетес. Каннегиссер.

[349] Примечания: 349

Теггьяио Альдобранди, из знаменитой флорентинской фамилии Адимари, Гвельф, подеста Флоренции. Он, как мы видели (Ада X, 31–93 и прим.), не советовал идти в поход против Сиевы в 1260, кончившейся поражением Гвельфов при Арбии. О грехе его, равно и Гвидогверры, ничего неизвестно.

ной.[350]»

46. О! если б был я невредим в огне,
Не медля б я спрыгнул к сынам проклятья
И, знаю, вождь не воспретил бы мне.

49. Но страх сгореть, как эти злые братья,
Вмиг утушил на сердце без следа
Порыв желаний к ним лететь в объятья.

52. «Нет! не презренье,» я вскричал тогда:
«Но скорбь вселили в грудь мне ваши лики
Печальные (забуду ль их когда!),

55. Лишь только я от моего владыки
Уразумел, что к нам стремитесь вы,
Чьи подвиги так на земли велики.

---

[350] Примечания: 350

Иакопо Рустикуччи, богатый и многоуважаемый флорентинец из плебейской фамилии, жалуется на злую жену, которая, возбудив в нем ненависть ко всему женскому полу, была главнейшей причиной его вечной погибели. Об нем, а также о Теггъяио Альдобранди, Данте осведомился уже у Чиакко (Ада VI, 80).

58. Деянья ваши были таковы,

Что я, земляк ваш, с чувством горделивым

Всегда о них внимал из уст молвы.

61. Покинув желчь, я за вождем правдивым

Стремлюсь к плодам обещанным; сперва ж

Низринусь в центр вселенной к злочестивым.[351]» —

64. «О пусть же долго телу будет страж

Твой дух бессмертный!» молвил сын печали:

«Пусть и потомству славу передашь!

67. Честь и отвага, о скажи, всегда ли

Живут, как жили, в городе родном,

Иль навсегда из стен его бежали?

70. Гюйдьельм Борсьер, гонимый там

---

[351] Примечания: 351

Я убегаю от пороков и ищу добродетели: намек на цель замогильного странствия, развитую в первых двух песнях.

огнем,[352]

Недавний гость средь нашего собранья,
Печалит нас рассказами о нем.» —

73. «Иной народ и быстрые стяжанья
В тебя вселили гордость и позор,[353]
Флоренция,
дом скорби и рыданья[354]*» —*

76. Так я вскричал, поднявши к верху взор,
И три души, смутясь при этой вести,
Услышали как будто приговор.

79. «О если всем ты говоришь без лести,»

---

[352] Примечания: 352

Гюильельмо Борсиере, образованный и весьма приятный в обществе флорентинец. Об нем упоминает Боккаччио в своем Декамерони.

[353] Примечания: 353

В XIII веке Флоренция значительно усилилась, обогатилась и стала обнаруживать сильное влияние на всю Италию; вместе с тем, от переселения в нее чуждых, большею частью плебейских родов, а также от усилившегося влияния этих новых пришельцев, обогатившихся торговлею и промышленностью, она мало-помалу приняла характер города чисто демократического. Первым поводом к усилению демократии служило слабое управление графа Гвидо Новелло, который для того, чтобы оградить власть свою от влияния Гвельфов (Ада X, 31–93 и примеч.), учредил в 1266 семь больших цехов, *arti maggiori,* и даровал им право вмешиваться в дела правления. В 1282 управление городом (signoria) перешло в руки так наз. *Priori degli arti e della*

liberta, избиравшихся из цехов и кварталов города, и наконец в 1292 г. знаменитый демагог Джиано делла Белиа издал известные *ordinarnenti della giustizia*, в силу которых дворянство не только лишено было права избираться в приоры города, но и подверглось притеснительным, почти тираническим мерам. Филалетес.

[354] Примечания: 354

Нельзя не подивиться мастерскому обороту этого места: Данте, отвечая теням, обращается не к ним, но делает воззвание к самой Флоренции; этим состояние души поэта выражено живее, нежели самым подробным описанием. В этом воззвании, произнесенном с поднятым к верху взором, живо представляется изгнанник, в душе которого любовь к отечеству, скорбь о бедственном его состоянии борется с негодованием за оказанную ему несправедливость. Не менее мастерски выражен намек теней, выслушавших его воззвание, на то, что откровенное выражение мыслей может иметь для поэта дурные последствия. Биаджиоли.

Все три вскричали: «как ответил нам,

Как счастлив ты, что говоришь по чести!

82. И так, прошед по мрачным сим местам

И возвратясь из стран светил прекрасных,

Когда с восторгом скажешь: я был там[355]*!*

85. Поведай людям и об нас несчастных!»

И, круг расторгнув, как на крыльях, вспять

Они помчались вдоль песков ужасных.

88. Нельзя так скоро и аминь сказать,

Как быстро скрылись с глаз моих три духа.

Тогда пошел учитель мой опять.

91. Я шел недолго с ним, как вдруг до

---

[355] Примечания: 355

Этой терцине подражал Tacco, Ger. liber. XV.

Quando mi giovera narrare altrui
Le novita vedute, e dire: io fui.

слуха

Достиг шум вод, столь близкий, что едва

Звук наших слов могло расслушать ухо.

94. Как тот поток, который мчит сперва

Свой бег с Монвезо на восток по воле,

От левой кручи Апеннин, слывя

97. В верховьях Аквакетою, доколе

Падет в русло долины у Форли

Где это имя уж не носит боле,

100. И с яростью грохочет не вдали

От Бенедетто, падая с вершины,[356]

---

[356] Примечания: 356

Река Монтони в Романъе, протекающая вдоль Апеннинских гор, мимо аббатства St. Benedetto nei l'Alpi, недалеко от города Форли, где она первоначальное свое название Аквакета меняет на имя Монтони. Эта река, берущая свое начало из горы Визо (mons Vesulus древних, названной у Данта Монвезо), направляется к востоку по левой стороне Апеннинских гор и, не сливаясь с рекою По, как другие реки, впадает в Адриатическое море. Водопад, образуемый этой рекою, теперь очень не значителен.

На коей жить и тысячи б могли:[357]

103. Так здесь, свергаясь с каменной стремнины,[358]

Ток мутных вод подъемлет страшный гром,

Слух оглушая грохотом пучины.[359]

106. Мой стан обвит был вервию кругом,

Которою когда-то безуспешно

Ловил я Барса с дорогим руном.

109. И эту вервь над бездной мглы кромешной

Я отрешил, как вождь мне приказал,

И, в клуб смотав, вручил ему поспешно.

---

[357] Примечания: 357

Аббатство St. Benedetto nei l'Alpi принадлежало во времена Данта графам Гвиди, именно графу Руджиери Довадоло, сыну Гвидо Сальватико, у которого Данте, как полагают, жил несколько времени. Данте, сказав, что там могли бы жить и тысячи, намекает, что при богатстве монастыря и меньшей жадности его администраторов он мог бы вместить в себе гораздо больше монахов, нежели сколько в нем действительно находилось. Другие разумеют не монахов, но сельских жителей, потому что Руджиери Довадоло, друг Дантов, предполагал соединить в этом месте множество деревень в один город, но смерть воспрепятствовала ему исполнить это намерение. Боккаччио. Троиа.

[358] Примечания: 358

Каменная стремнина есть обрыв между седьмым и восьмым кругом.

[359] Примечания: 359

Дикое волнование потока греховного скоро делает слух наш глухим для божественного учения. Копишь.

112. И вождь, склонясь на право и от скал

Не много отойдя, что было мочи,

Поверг ее в бездонный сей провал.

115. Знать нечто новое из мрака ночи,

Подумал я, всплывет на новый знак,

За коим так следят поэта очи.

118. О будь же с теми осторожен всяк,

Что не одни лишь зрят дела очами,

Но разумом пронзают мыслей мрак.

121. И вождь: «Сейчас предстанет то пред нами,[360]

Чего я жду, и то, о чем в тиши

---

[360] Примечания: 360

По некоторым известиям, Данте в молодости был предназначен для францисканского ордена. Монахи этого ордена опоясываются вервью. Что разумеет Данте под этим повержением верви в пропасть, комментаторы объясняют различно. С исторической точки зрения, повержение верви означает тот момент, когда Данте сложил с себя чин монашеский, в котором он надеялся когда-то избежать партий своего города, хотел изловить этого Барса (Ада I, 31–43 и прим.), и когда он отдался потоку политического треволнения. В нравственном смысле вервь служит символом хитрости: хитросплетениями ума надеялся Данте одолеть Барса, этот символ сладострастия, и теперь, чтоб вполне получить омерзение к образу обмана (Ада XVII, 1 и д), разум (Виргилий) поведывает ему, чтоб он сам сложил с себя всякую, даже малейшую хитрость: ибо кто еще и сам не отрекся хитрости, тот вместо того, чтоб ненавидеть обман, удивляется ему. Только теперь, когда повержен в адскую бездну клуб верви, символ покинутых хитростей, пред

духовными очами нашего поэта выплывает из мглы ада образ обмана во всей отвратительной наготе. Копишь.

Ты грезишь, сам увидишь над волнами.»

124. Об истине, приявшей образ лжи,
Чтоб без вины осмеян не был с нею,
О человек, поведать не спеши!

127. Но здесь молчать, читатель, я не смею,
И я клянусь Комедией моей
(Да в век пребудет благодать над нею!):

130. Я зрел во мгле воздушных тех полей
Гигантский образ, к верху выплывавший,
Ужасный для смелейших из людей.

133. Так, вверх стремясь и ноги подобравши,
Всплывает тот, который, бросив челн,
Нырнул на дно, чтоб якорь, там застрявший

136. Между каменьев, вытащить из волн.

Песнь XVII

Содержание. На знак, поданный Виргилием, Герион древних, олицетворение обмана, примыкает к каменной плотине Флегетона. Лицо у него праведное, лапы мохнатые, хвост змеиный, а тело все испещрено узлами и кольцами. Поэты сворачивают с дороги, чтобы к нему приблизиться. Пока Виргилий уговаривается с Герионом о помощи его сильных плеч, Данте идет один к краю пропасти, где под огненным дождем, на раскаленном песке, сидит толпа ростовщиков, направлявших насилие против природы и искусства, а следственно и Бога. У каждого из них на шее повешена сума с различными гербами: на них жадно устремлены немые взоры грешников. Один из ростовщиков разговаривает с Дантом и предсказывает место в аду другому известному ростовщику, еще живому в то время. Данте, возвратившись к Виргилию, находить его уже на спине чудовища, с ужасом

сам всходит на спину Гериона; но Виргилий, сидя позади Данта, защищает его от ядовитого хвоста чудовища, Они летят чрез пропасть, над страшным водопадам Флегетона. Высадив поэтов на окраине восьмого круга, Герион скрывается, с быстротою стрелы.

1. «Вот лютый змей с хвостом остроконечным,[361]

Дробящий сталь и твердость стен и скал!

Вот он весь мир зловоньем губит вечным!»

4. Так начал вождь и знак рукою дал,

---

[361] Примечания: 361

Образ обмана, названный ниже в ст. 97 Герионом, поднимается из глубины восьмого круга к седьмому: намек на то, что обман может возвыситься до насилия, равно и насилие нисходит до обмана (ст. 43 и прим.) Герион в мифологии был трехглавый великан, рожденный Хризаором, возникшим из крови Медузы. Его сестра Эхидна, в половину нимфа, в половину дракон, по-видимому ближе подходит к описанному здесь чудовищу. Он нее родились между прочим Сфинкс и Лернейская Гидра. Герион был трижды убит Геркулесом за изменническое похищение его волов: вот причина, почему Данте избрал Гериона в символы обмана и высшего его проявления — измены. Все изображение этого чудовища отличается удивительною пластичностью; вся аллегория проникнута глубоким смыслом. Лицо Гериона — лицо справедливого и кроткого: обман старается нравиться; зато лапы покрыты до самых когтей шерстью, как у кошки, так, что когти выходят из под шерсти тихо и незаметно; тело его кончается змеиным

хвостом, вооруженным ядовитым жалом скорпиона — намек на то, что обман вначале привлекает, под конец губит свою жертву; он весь испещрен узлами и кружечками, символами изворотливых путей и хитрого укрывательства, к коим прибегает обман. Он причаливает к берегу осторожно, только головою и грудью, хвост же его скрывается и свободно вьется в тумане, для того, чтобы ничто не препятствовало его губительному действию. Копишь. Штрекфусс.

Чтоб грозного приблизить великана
Ко мраморам, где путь наш пролегал.[362]

7. И страшный образ гнусного обмана
Главой и грудью к берегу приник,
Но не извлек хвоста из мглы тумана.

10. Был лик его людей правдивых лик:
Столь кроткими глядел на нас глазами,
Но как у змеи был хвост его велик.

13. Мохнатые две лапы под плечами.
А грудь, бока и весь хребет как жар
Испещрены узлами и кружками.

16. Цвета одежд у Турок и Татар
С изнанки и с лица не столько ярки;
Не так сплетен Арахны дивный дар.[363]

19. Как иногда лежат на взморье бар-

---

[362] Примечания: 362
К каменной набережной Флегетона.

[363] Примечания: 363
Арахна — знаменитая ткачиха, осмелившаяся состязаться в искусстве с Палладою; она была превращена в паука за то, что ткала соблазнительную картину. Ovid. Metam. VI.

ки,[364]

Полу в воде, полу в песке до ребр,

И как у вод, на бой готовясь жаркий,

22. Сидит, в стране обжор немецких, бобр:[365]

Так на краю, обвившем степь гранитом,[366]

Лежал дракон, с лица приветно добр.

25. Он хвост крутил в пространстве, мглой покрытом,

Как скорпион, вращая острием,

Вооруженным жалом ядовитым.

28. «Теперь» сказал учитель мой: «сойдем[367]

---

[364] Примечания: 364

На бой г. жаркий, т. е. приготовляясь ловить рыбу. Пиетро ди Данте, сын поэта, приводит в своем комментарии старинное поверье, будто бы бобр, желая поймать рыбу, опускает хвост в воду, для того, чтобы маслянистою жидкостью, отделяющеюся с его хвоста, приманить свою жертву. Неосновательность этого поверья доказывается, между прочим, тем, что бобр во все не питается рыбою.

[365] Примечания: 365

Еще Тацит называл Германцев обжорами и эта обидная слава об них, по-видимому, долго удерживалась в Италии, поддерживаясь, может быть, и тем, что во время частых походов германских императоров в Италию. Италианцы, народ вообще умеренный в пище, должны были нередко кормить на свой счет Германцев. Француаз и до сих пор говорят: boire comme du Allemand.

[366] Примечания: 366

По внутренней окраине седьмого круга идет каменная набережная как продолжение гранитного берега Флегетона. Филалетес.

[367] Примечания: 367

Прямые пути не ведут к обману.

С дороги нашей к лютому дракону,
Простертому на берегу крутом.»

31. И мы спустились вправо по наклону
И пять шагов по берегу прошли,
Чтоб от огня найти там оборону.

34. Как скоро мы к дракону подошли,
Вдали узрел я на песке собранье
Теней, сидевших на краю земли.[368]

37. Тогда мой вождь: «Чтоб полное познанье
О круге сем ты мог отсель извлечь,
Поди,» сказал: «взгляни на их страданье;

40. Но коротка твоя да будет речь.[369]

---

[368] Примечания: 368

До сих пор Данте находится еще в третьем отделе седьмого круга и теперь видит третье стадо насилователей — стадо ростовщиков (Ада XIV, 29). Они, как мы видели, сидят, скорчившись, под огненным дождем. Мешки, повешенные на их шеях, указывают на их алчность к золоту и дают поэту возможность, не упоминая об именах этих грешников, сказать об их роде описанием гербов, изображенных на мешках; большая часть грешников этого класса принадлежала к дворянским фамилиям, преимущественно флорентинским, так как дворянство Флоренции во времена Данта особенно занималось лихоимством.

[369] Примечания: 369

Грех этих теней так унизителен, что они не заслуживают продолжительной с ними беседы (см. Ада III, 51).

А я склоню его первоначально

Дать в помощь нам громаду мощных плеч.»

43. Так берегом я к точке самой дальней[370]

Седьмого круга шел один, пока[371]

Пришед к толпе, сидевшей там печально.

46. Из их очей сверкала их тоска:

То там, то здесь руками тушат духи

То пыл огней, то знойный жар песка.

49. Так точно псы, в дни жара и засухи,

То рылом чешут, то ногой, где их

Кусают блохи, оводы, иль мухи.[372]

---

[370] Примечания: 370

Они сидят у самого края бездны восьмого круга: намек на то, что насилие ростовщиков близко граничит к обману. Копишь.

[371] Примечания: 371

Данте может безопасно идти здесь один, ибо его лучшая натура уже достаточно защищает его от омерзительного греха этих душ. Копишь.

[372] Примечания: 372

Мысли о божественной любви и истине, ниспадающие на ростовщиков в виде отдельных клочьев пламени (Ада XIV, 29 и примеч.), для униженной души их столько же беспокойны, как для животных отвратительные насекомые: эта низкая картина еще резче очерчивает их полную низость. Копишь.

52. Я заглянул в лице теней иных,
На коих тлели клочья огневые;
Но никого не мог узнать из них.[373]

55» За то я зрел у каждого на шее
Мешок, имевший разный знак и цвет:
В него впивались взоры их немые.[374]

58. И я увидел, ближе подошед,
На желтом кошельке предмет лазурный
И был со львом по виду схож предмет.[375]

61. И далее я зрел как кровь пурпурный
Мешок, на коем молока белей
Написан гусь. – И вот, со алостью бур-

---

[373] Примечания: 373

Имена их так же неизвестны, так же недостойны воспоминания, как и имена людей недействовавших и трусов (Ада III, 22 и д.) и скупых (Ада VII, 53 и 54). Только по цвету и изображениям опозоренных ими гербов можно распознать их. Копишь.

[374] Примечания: 374

Мешки на шеях ростовщиков не только символы их позорной страсти, но также и источник новой для них муки, ибо воспоминание о прошедшем богатстве, при виде этих мешков, становится для них еще мучительнее.

[375] Примечания: 375

Герб флорентинской фамилии Джианфильяцци из партии Гвельфов.

ной,[376]

64. Один, имевший на суме своей
На белом поле супрось голубую,[377]
Вскричал: «Чего ты смотришь в яме сей?

67. Прочь, дерзкий! прочь! Но если ты живую
Имеешь душу, ведай: Витальян[378]
Соседом мне тут сядет одесную.

70. Я, Падуанец, здесь между граждан
Флоренции; тут часто диких орды
Кричат: Приди, наш славный атаман,

73. И принеси три клюва – герб твой

---

[376] Примечания: 376

Герб флорентинской фамилии Убриакки из партии Гибеллинов.

[377] Примечания: 377

Герб падуанской фамилии Скровиньи. — Один из членов этой фамилии построил в Падуе капеллу Arena, где находится картина Джиотто: страшный суд. Бер.

[378] Примечания: 378

Виталиано дель Деите, богатый дворянин, известный ростовщик в Падуе. Все эти грешники еще были живы в 1300.

гордый![379]»

И, скорчив рот, он высунул язык,

Как бык, когда он лижет влагу с морды.

76. И я, страшась, что слишком вдаль проник,

(А вождь велел не медлить мне в долине)

Пошел от злых; они ж подняли крик.

79. Уж мудреца нашел я на вершине

Чудовища и со спины крутой

Он мне кричал: «Будь смел и силен ныне:

82. Здесь сходят вглубь по лестнице такой![380]

Сядь впереди, а чтоб хвостом он раны

---

[379] Примечания: 379

Этот говорящий — Ринальдо Скровиньи; славный атаман (il cavalier sovrano) есть Мессер Джиованни Буиамонти де' Биччи из Флоренции, величайший ростовщик своего времени. На гербе его были три птичьи клюва (becchi), или, по словам Пиетро ди Данте, три козла (tres hirai).

74-75. Жесточайшая ирония. Простой народ в Италии обыкновенно делает эту гримасу, когда хочет показать, что сказанное в похвалу кому-нибудь должно разуметь в противном смысле. Биаджиоли.

[380] Примечания: 380

Слич. Ада XXXIV, 82.

Не мог нанесть, я сяду за тобой.»

85. Как тот, к кому близка уж знобь квартаны,

Когда уже синеет цвет ногтей,

Трясется весь, лишь взглянет на туманы:

88. Так я дрожал от сказанных речей;[381]

Но как герой войска для предприятья,

Так он бодрил меня на подвиг сей.

91. Воссев на плечищах, хотел сказать я:

«О вождь!»… но голос, как я ожидал,

Не вышел… «вождь, прими меня в объятья!»

94. Но он, который столько раз спасал

Меня в аду, едва я взлез, руками

---

[381] Примечания: 381

В подлин.: Qual' e colui, ch' ha si presso 'l riprezxo Della quartana. Прекрасное сравнение, взятое от пароксизма лихорадки: чувствуя приближение озноба, когда уже посинели ногти, больной, желая согреться, трясется уже при одном взгляде на сырой туман, причину его болезни, и этот страх ускоряет самый приступ лихорадки. *Квартана* (intermittens quartana) есть четырехдневная лихорадка, самая жестокая и убийственная из всех типов перемежающейся. Я решился употребить это техническое медицинское название.

Обвил меня и, крепко сжав, сказал:[382]

97. «В путь, Герион, широкими кругами,[383]

Но медленней спускайся: не забудь,

Что новый груз подъемлешь ты плечами!»

100. Как от земли корабль уходит в путь

Назад, назад: так в даль он отступает;

И, на простор вступив, туда, где грудь[384]

103. Его была, вдруг хвост он обращает

И бьет хвостом, как угрь, свирепый зверь

И лапами он воздух загребает.

---

[382] Примечания: 382

Разум (Виргилий) защищает Данта от угрожающего оружия обмана, как (Ада IX, 58–60} от обаяния духовного греха.

[383] Примечания: 383

Герион см. выше. — Герионом назывался также один испанский король, прославившийся хитростью и обманами. Бер.

[384] Примечания: 384

Это сравнение заимствовано от корабля, который, будучи обращен носом к земле, не может выйти из гавани иначе, как заднею своею частью, т. е. кормою, а потому кажется идущим назад. Портирелли.

106. Нет! не сильней ты трепетал, поверь,

О Фаетон, когда бразды оставил,[385]

Зажегши твердь, как видно и теперь;

109. Иль ты, Икар, когда огонь расплавил

На крыльях воск и в след тебе отец

Кричал: О сын, ты худо путь направил![386] —

112. Как я дрожал, когда со мной певец

Взлетел, когда в воздушном океане

Все, кроме змия, скрылось наконец.

113. Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане

И нисходя; но я лишь замечал,

---

[385] Примечания: 385

В своем Convito Данте приводит мнение Пифагорейцев, полагавших, что млечный путь есть действие солнца, которое, уклонившись когда-то с своего пути (вероятно намек на известную басню о Фаетони, Ovid. Metam. II, 200 et и.), сожгло эту часть неба. Впрочем, он более склоняется к мнению Аристотеля, объяснявшего млечный путь скоплением в этом месте великого множества малых и тесно скученных звезд. Филалетес.

[386] Примечания: 386

Дедал с сыном Икаром улетел из Крита на восковых крыльях; крылья Икара, слишком высоко поднявшегося, растаяли от солнца и дерзкий воздухоплаватель упал в море, названное по его имени Икарийским.

Что ветр в лице и снизу дул в бу-
ране.[387]

118. Уже, от нас на право, я внимал,
Как водопад шумел, ревел под нами,
И я, нагнувшись, взор на дно вперял.

121. И больший страх я чуял над вол-
нами.
И, в трепете, я мог сидеть едва,[388]
Услышав вопль и огнь увидев в яме.

124. Тут я узрел, чего не зрел сперва,
Как змий, кружась, спускался в омут душный
Меж ярых мук отчаянного рва.

127. И как сокол, свершив полет воз-
душный,
Когда ни птиц, ни чучел не нашел,[389]

---

[387] Примечания: 387
Ветер, дующий в лицо, происходит от кругового движения, ветер с низу от опущения Гериона.

[388] Примечания: 388
Огонь в яме (bolgia) симонистов (Ада XIX, 25 и д.) и злосоветников (Ада XXVI, и д.).

[389] Примечания: 389
Чучела употребляются у сокольников для натаскивания соколов.

При криках ловчего: О, непослушный!

130. Вдруг кольцами спускается на дол
И от ловца вдали один садится,
Измученный полетом, дик и зол:

133. Так Герион в глубокий ров стремится,
Чтоб сбросить нас к подножию скалы,
И, облегчен от груза, снова мчится,

136. Скрываясь в мраке с быстротой стрелы.[390]

[390] Примечания: 390

Герион (обман) не в духе, потому что не мог повредить своей добыче (Ада XVIII, 19–20 и пр.).

Песнь XVIII

Содержание. Со спины Гериона Данте обозревает все пространство преисподней ада, которую описывает вообще как глубокое жерло с окраиною, разделенною на десять концентрических рвов, через которые перекинуты в виде мостов огромные утесы. Эти рвы составляют восьмой круг ада, названный *Злыми рвами* (Malebolge): здесь наказуется обман без доверия. – Сброшенные в этот круг Герионом поэты идут на лево и приходят к *первому* рву: тут рогатые черти бичуют торговавших слабостью женского пола (ruffiani) и обольстителей; грешники бегут двумя один другому противоположными строями. Из первого строя, бегущего на встречу поэтам, Данте узнает Болонца и Гвельфа Каччианимако, с которым и разговаривает; из второго – мифическое лицо Язона, похитителя золотого руна и обольстителя Изифилы и Медеи. Поэты идут далее и достигают *второго* рва,

столь глубокого и узкого, что дно его можно рассмотреть только с самой высшей точки моста. В нем погружены в зловонную жидкость льстецы; они кричат, бьют себя руками и задыхаются. Из них Данте узнает одного грешника, Алеесио Интерминеи из Лукки; а Виргилий указывает ему на тень прелестницы Таиды, лица из Теренциевой комедии: Эвнух.

1. В аду есть округ, Злые рвы прозваньем:

Весь каменный, железа он темней

И обнесен стены таким же зданьем.

4. В средине самой проклятых полей,

Бездонный кладезь зев разверз широкий;[391]

Но расскажу не здесь о бездне сей.

7. Край пропасти, между стеной высокой

И кладезем, округлен и прорыт

---

[391] Примечания: 391

Колодезь, где казнятся измена и где погружен Люцифер во льдах Коцита, достигающий до центра земли и составляющий средоточие вселенной (Ада I, 127 и примеч.). О нем говорится ниже (Ада XXXI, 130 до XXXIV, 79).

Вкруг десятью долинами глубоко.

10. Как идут рвы, стенам падежный щит,
Вкруг крепостей, стесняясь у средины,
И каковой от нит приемлют вид:

13. Подобный вид имеют те долины,
И как лежат подъемные мосты
При крепостях: так от подошв стремнины

16. Кремнистые протянуты хребты,
Идущие чрез стены и провалы,
До кладезя, где все в одно слиты.[392] —

19. Тут, Герионом сброшены на ска-

---

[392] Примечания: 392

Восьмой круг, в котором казнятся обманщики, у Данта назван *Malebolge. Bolgia* (от латин. bulga; древ. немецкого: Bulge, Balg; англ. budget) значит собственно ранец, мешок, также монашеский капюшон, а в дальнейшем значении: яма, ров. Комментаторы думают, что Данте для того употребил это слово, что мешок, особенно капюшон, может быть принят за символ укрывательства, скрытности обмана. *Anonimo.* Так как слово Malebolge в Италианском пробуждает определенное понятие, то я счел за нужное заменить это слово русским, которое по возможности выражало бы подобное понятие; к сожалению, я не мог придумать лучше того, которое употреблено мною. — Как обман (без доверия) прибегает к различным ухищрениям и изворотам, так и место его казни отличается сложностью своего устроения; впрочем, поэт описывает его с такою ясностью, что описание почти не требует дальнейших объяснений. Пространство между высокою стеною, с

которой свергается Флегетон, и глубоким колодезем, на дне которого погружен Люцифер, разделен на десять концентрических рвов (bolgia), которые, идя уступами один ниже другого и приближаясь к колодезю, все более и более суживаются в диаметре своего круга. Чрез все эти рвы перекинуты утесы, образующие мосты, которые, идя от внешней стены восьмого круга, приближаются в виде радиусов к глубокому колодезю, где и оканчиваются на внешней его ограде. Все это устройство Данте делает читателю очень наглядным, сравнив восьмой круг со рвами и перекинутыми чрез них мостами вокруг средневековых замков. К этому надобно прибавить, что мосты эти служат не только для того, чтобы можно было переходить по ним через рвы, но также, как замечает Ломбарди, для придания прочности всему зданию, и в этом отношении их должно представить себе перегородками, поперечно идущими от стены одного углубления к стене другого близлежащего, так впрочем, что внизу они имеют отверстие в виде ворот для прохождения грешникам, под мостами находящимся. (Ада XVIII, 73–74). Абекен.

лы,[393]

Мы очутились; влево путь чернел:[394]
Подвигся вождь, за ним и я усталый.

22. Иную скорбь направо я узрел,
Иных судей, мучения иные,
Которыми весь первый ров кипел.

25. На дне толпились грешники нагие:
Одни отселе двигались на нас,
Оттоле с нами, но быстрей, другие.

28. Так Римляне, в огромный сонм столпясь,
Идут чрез мост, в год славный юбилея,
От множества в два строя разде-

---

[393] Примечания: 393

Герион, казавшийся вначале таким доброжелательным, теперь, видя, что не может повредить поэтам, грубо сбрасывает их с своих плеч (Ада XVII, 133–136 и примеч.).

[394] Примечания: 394

Поэты переходят теперь по мостам десять отделений восьмого круга, начиная с внешнего обширнейшего и оканчивая внутренним самым меньшим. Они идут сперва на лево, так, что восьмой круг у них с правой руки.

лясь:[395]

31. С одной руки, перед лицом имея

Вал крепостной, в Петров стремятся храм;

С другой, текут к горе, вдали пестрея.[396]

34. Меж черных скал я видел здесь и там

Чертей рогатых с длинными бичами,

Разивших страшно грешных по хребтам.[397]

37. Ах! как бегут вприпрыжку и скачками,

Лишь хлопнет бич, и нет здесь никого,

---

[395] Примечания: 395

Празднование юбилея первоначально учреждено Иудеями. В подражание им, Бонифаций VIII быть первый из пап, учредивший празднование юбилея черен каждые 100, Клемент VI через 50 лет; позднейшие же папы определи срок более короткий. Первый юбилей, при Бонифации VIII, был объявлен в 1300 г. с целью всемирного покаяния и примирения, при чем всем пилигримам в Рим отпускались их грехи. Поэтому случаю прибыло в Рим такое множество богомольцев со всей Европы, что Римляне принуждены были разделить мост св. Ангела канатом по длине его на две части, так, чтобы одни шли по одной, а другие возвращались по другой стороне.

[396] Примечания: 396

Вал крепостной есть крепость св. Ангела; гора вероятно Janiculus, или Monte Cavo, или наконец Montorio, где храм St. Pietro in Montorio.

[397] Примечания: 397

Пред совестью этих грешников гнев обманутых ими супругов и родственников восстает в виде рогатых демонов, от бичей которых души вечно бегут, как содомиты от пламени (Ада XIV, 24). Копишь.

Кто б ждал еще удара за плечами!

40. Пока мы шли, я встретил одного
Знакомого и молвил в то ж мгновенье:
«Не в первый раз встречаю я его!»

43. Чтоб рассмотреть, в него вперил я зренье;
А сладкий вождь, остановясь со мной,
Назад вернуться дал мне позволенье.

46. Бичуемый, поникнув головой,
Надеялся укрыться; но напрасно!
Я молвил: «Ты, так взор склонивший свой, —

49. Когда твой образ говорит мне ясно,[398] —

[398] Примечания: 398
Данте боится, что в этом кругу все обманчиво.

Ты Венедико Каччианимик![399]

За что ж попал ты в щелок столь ужасный?[400]

52. А он: «ответа не дал бы язык;

Но, твоему вняв звонкому глаголу,[401]

Я вспомнил мир, в котором я возник.

55. Я убедил прекрасную Гизолу

Ответствовать Маркизу на любовь,

Предав ее злых толков произволу.

58. Не я один, Болониц, свергнут в ров:

Так много нас вмещают эти стены,

Что не осталось столько языков

61. Твердить sipa меж Рено и Саве-

---

[399] Примечания: 399

Венедиго или Венетико, из фамилии Каччианимичи, принадлежавшей к партии Джеремии (так в Болонье называли Гвельфов), по словам Бенвенуто да Имоиа, убедил сестру свою отдаться Маркизу Аццо VIII Эсти, по другим отцу его Обидзо II (Ада XII, 111, и примеч.), для того, чтобы чрез эту услугу получить значение в городе. Одни оправдывали Гизоду, другие Венедиго, потому сказано, что молва об этом происшествии ходила различная. Данту вероятно оно хорошо было известно, ибо Гизола вышла замуж за Никколо дельи Альдигиери из Феррары, с родом которого Данте был в родстве по своей прабабке, супруге Каччиагвида, от которого и получил прозвание Алигиери. Троиа (Veltro Allegorico, p. 31).

[400] Примечания: 400

В подлин.: a si pungenti salse. *Садыа* (от sal, salsus) значит рассол,

щелок; но Salse называлось также узкое, дикое ущелье в 3 милях от Болоньи, куда бросали трупы самоубийц, злодеев и умерших без покаяния. Строкки. По другим, так называлась улица в Болонье, где секли преступников.

[401] Примечания: 401

Тени говорят хрипло (Ада I, 63 et pas.); живые, как Данте, звонко.

ны;[402]

А хочешь в этом быть ты убежден,

То вспомни, как жадны мои сочлены.[403]*»*

64. Так говорил; но, сзади поражен,

Он бросился, а вслед кричал нечистый:

«Прочь, изверг! здесь не покупают жен!»

67. Я поспешил к вождю тропой скалистой

И мы пришли с поспешностью туда,

Где из стены торчал утес кремнистый.

70. Тогда, взошел на камень без труда

---

[402] Примечания: 402

Болонья лежит между двух рек, бегущих с Апеннинских гор и впадающих в По: Савена и Репо. *Sipa* на болонском наречии есть утвердительная частица вместо *si* и здесь приведена, чтобы выразить услужливость этого рода грешников. Смысл тот: в этом рве гораздо более Болонцев, нежели сколько вмещает их теперь целый город.

[403] Примечания: 403

Бенвенуто да Имола, говоря о Болонцах, изображает их людьми придворными (curiales, courtois), от природы кроткого характера; он говорит, что жители Болоньи из всех Италианцев самые гостеприимные и приветливые для чужеземцев, не столько скупые, сколько расточительные и весьма склонные к удовольствиям. При этом он замечает, что Данте, учившийся в болонском университете, вероятно и сам имел случай убедиться в этом. Филалетес.

И вправо взяв, мы прочь пошли оттуда,
Покинув область вечного суда.[404]

73. Когда ж пришли, где каменная груда
Дает внизу бичуемым проход,
Мой вождь сказал: «Дождемся здесь, покуда

76. К нам обратит лицо проклятый род:
Сих грешников не мог ты видеть лица,
За тем, что вместе с ними шел вперед.[405]»

79. И с древних скал узрел я вереницы[406]

---

[404] Примечания: 404
Область вечного суда, т. е. седьмой круг насилователей.

[405] Примечания: 405
До сих пор поэты шли по боковой плотине или стене рва, а потому могли видеть в лице только один из строев грешников, именно тот, который бежал им на встречу; другой же видели они только взад. Теперь они всходят на утес, перекинутый в виде моста через ров, и отсюда могут смотреть прямо в лицо обоим строям, смотря потому, куда направят взор: на право, или на лево.

[406] Примечания: 406
Стоя на мосту, они оборачиваются на право и смотрят, прямо в лице обольстителям, на встречу которым, не без значения, бежит первый строй грешников: между ними та же противоположность, какая между скупыми и расточителями (Ада VII, 25 и д.). Копишь.

На встречу нам бежавших под утес,
Которых гнали демонов станицы.

82. И добрый вождь, предвидя мой вопрос,
Сказал: «Взгляни: вот призрак величавый!
Бичуемый, не льет он горьких слез.

85. О, как он горд величьем царской славы!
Сей дух – Язон, похитивший руно
Колхидское, вождь смелый и лукавый.

88. Пришед на остров Лемнос, где давно
Отвагой жен в ожесточенье рьяном
Убийство всех мужей их свершено, —

91. Приветной речью, красотой и саном
Он Изифилу в цвети лет прельстил,
Увлекшую подруг своих обманом.

94. Там, обольстив, ее он позабыл:
За этот грех казнится высшей властью,

И за Медею рок ему отмстил.[407]

97. С ним идут все, прельщающие страстью!

О первом рве довольно ты узнал

И о толпе, пожранной черной пастью.[408]» —

100. Мы были там, где узкий путь у скал

Крест на крест вал второй пересекает,

Ведя на мост через второй провал.

103. И в этом рве я слышал, как стенает[409]

Проклятый род и дышит тяжело

И сам себя разит и проклинает.[410]

---

[407] Примечания: 407

Язон, предводитель Аргонавтов, прибыл на остров Лемнос незадолго перед тем, как тамошние женщины умертвили в одну ночь всех мужчин; только Изифила, обманув подруг своих, спасла жизнь своему отцу царю Феанту. Аргонавты пробыли два года на Лемносе; в течении этого времени Язон обольстил Изифилу и потом, увлекаемый главною целью похода, оставил ее. В Колхиде он прельстил царскую дочь Медею и с ее помощью завладел руном; но вскоре изменил и ей, женившись на дочери Креона.

[408] Примечания: 408

В подлин.: e di color, ch'n se assanna. *Assanare,* глагол, составленный из sanne или zanne, клыки, как бы *оклыкать*, живописно рисует форму этого рва, скалы которого торчат как клыки адского чудовища.

[409] Примечания: 409

Во втором рве казнятся льстецы и прелестницы. Как презрителен в глазах поэта этот порок, видно из той казни, которую он присудил ему. Штрекфусс.

[410] Примечания: 410

Льстецы никому не вредны, но унизили самих себя, потому и поднимают на себя руки. Копишь.

106. Там плесенью брега обволокло[411]
Зловонье дна, сгущаемое бездной,
И брань со всеми чувствами вело.

109. Ров так глубок, что было б бесполезно
Смотреть на дно в зловонный сей овраг,
Не взлезши вверх, где свис утес железный.

112. Мы на него взобрались и сквозь мрак
Я рассмотрел народ, увязший в тине,
Извергнутой, казалось, из клоак.

115. И одного заметил я в пучине
Столь грязного, что рассмотреть нельзя:
Мирянин он, или в духовном чине.

118. Он мне кричал: «Что смотришь на меня

---

[411] Примечания: 411
Не без причины ров этот необыкновенно глубок; глубина его означает страшное падение человеческой натуры в лице льстецов; глубокое значение имеет и то, что низость лести можно видеть только тогда, когда смотрим на нее прямо сверху. Копишь.

Так пристально меж грязными тенями!»

А я: «За тем, что сколько помню, я

121. Тебя видал с сухими волосами:

Интерминеи мне давно знаком;[412]

За тем тебя преследую глазами.»

124. В башку ударив, он сказал с стыдом:[413]

«Лесть мерзкая нас свергла в ров вонючий!

Без устали болтал я языком.»

127. И вождь: «Впери сквозь сумрак взор летучий

И ров глубокий обозри вокруг;

Взгляни: вон там, среди бесчестной кучи,

130. Растрепанной развратницы злой

---

[412] Примечания: 412

Алессио Интерминеи, из фамилии Каструччио Кастракани, глава луккских Гибеллинов и Белых, изгнанный со всею своею партиею в 1301 г. Он ни слова не мог сказать без лести: omnes unguebat, omnes linguebat, etiam velissimos et mercenarios. Бенвенуто да Имола.

[413] Примечания: 413

В подлин.: baltendosi la zucca, ударив по тыкве — намек на водяную сладкоречивость льстецов.

дух

Скребет ногтями грудь в трясине скверной,

То вдруг присядет, то привстанет вдруг:

133. То тень Таиды, грешницы неверной,[414]

Что на вопрос: «Довольна ль мной?» в ответ

Любовнику сказала: «Ах, чрезмерно!»

136. И, с омерзеньем, прочь пошел поэт.

---

[414] Примечания: 414

Таида, возлюбленная Тразона в Теренциевой комедии: Эвнух. Разговор, здесь приведенный, происходил собственно не между Таидою и Тразоном, но между последним и Гнатоном, через которого Тразон послал в подарок Таиде прекрасную невольницу. «Magnas vero agere gratias Thais milii?» спрашивает Тразон; «inguentes,» отвечает Гнатон, — Здесь поэт приводит вымышленное лицо, так же точно, как он употребляет мифологические, баснословные лица и существа, ибо заботится не столько об исторической их верности, сколько о воплощении своих глубоких идей в одежду, по возможности близкую к натуре. Каннегиссер.

Песнь XIX

Содержание. Поэты приближаются к *третьему* рву, в котором казнится симония – святокупство, грех Симона волхва. Каменное дно этого рва пробито множеством круглых ям, в которые уткнуты головою и телом грешники: ноги их торчат к верху и сжигаются пламенем. Виргилий на руках несет Данта на дно рва и становится с ним подле одного грешника, над которым племя горит краснее: это папа Николай II. Грешник принимает Данта за папу Бонифация VIII; но, разуверенный в ошибке, повествует о грехе своем и намекает на других более важных симонистов, которые со временем займут в аду его место. Тогда Данте изливает в сильной речи свое негодование на унижение папского достоинства и алчность пап, от чего грешник в немощной злобе сильно потрясает ногами. Виргилий, с довольным видом слушавший эти слова, опять возносит Данта на крутой утес и по

мосту приближается к четвертому рву.

1. О Симон волхв, о род злосчастых братий![415]

Господень дар, с единым лишь добром

Вступающий в святой союз, как тати,

4. Вы осквернили златом и сребром!

Для вас должна греметь труба отныне,[416]

Для вас, на век пожранных третьим рвом!

7. Уж мы пришли к ближайшей к нам пучине,

Взобравшись там на горные хребты,

---

[415] Примечания: 415

О Симони волхве сказано, Actus Apostoi. VIII, 18–20: «Cum vidisset autem Simon, quia per impositionem manus Apobtolorum daretur Spiritus sanctus, obtulit eis pecuniam, dicens: Dateetmihi hanc potesfatem, ut cuicumque imposuero manus, accipiat Spiritum sauctum. Petrus autem dixit ad eum: Pecunia tua tecum sit in perditionem, quoniam donum Dei existimasti pecunia possideri.» По имени этого Симона, всякое приобретение и раздача должностей духовных за деньги названы симониею — грех, наказуемый в третьем рве. Казнь состоит в том, что грешники погружены головами в узкие дыры так, что только ноги их до икр торчат снаружи; подошвы же ног горят пламенем, скользящим по ним взад и вперед. Для пап-симонистов предназначена особая дыра, и грешники, в ней заключенные, наказуются сильнее прочих; в этой дыре всегда погружен только один грешник, который и остается в ней до тех пор, пока не придет на смену другой, виновный в том же (см. 76–78): тогда предшественник погружается на дно могилы. «Божественный

свет чистого учения, теперь, в пробудившейся совести грешников, в чувственном образе пламени пробегает взад и вперед по подошвам их ног; тогда как сами грешники только теперь начинают сознавать, как глубоко они пали, прилепившись к земному всем существом своим. Она знают, что их падение с каждою минутой все будет глубже и глубже: на совести предшественников грех последователей тяготеет все более и более, ибо одно злоупотребление неминуемо влечет за собою и другие.» Копишь.

[416] Примечания: 416

Т. е. труба поэзии.

Где, как отвес, падут они к средине.

10. О высший разум! как всесилен ты[417]

На небе, на земле и в злобном мире!

Твой строгий суд пучина правоты!

13. Я зрел, на дне и по бокам, в порфире

Багрово-синем, бездну круглых ям,

Все равной меры, не тесней, не шире

Купелей, ими ж славен дивный храм

Сан Джиованни, где для грешных братий

Крестильницы пробиты по стенам.

Одну из них, спасая жизнь дитяти,

[417] Примечания: 417

Не без значения Данте опять упоминает здесь о мудрости божественной: о ней упоминает он везде, где в аду проявляется пламя, символ божественной любви и истины (Ада VIII, 73 и XIV, 29).

Еще недавно сам я раздробил:[418]

О пусть же каждый верит сей печати![419]

22. Из каждой ямы грешник возносил

До икр стопы и голени, скрывая

Все остальное в глубине могил.

25. Подошвы ног, под пламенем пылая,

Так яростно рвались у мертвецов,

Что не сдержала б их и вервь льняная.

28. И как струится пламя у краев

Горючих тел, упитанных в элее:

Так огнь от пят стремился до перстов.

---

[418] Примечания: 418

17-18. В Флорентинской крестильнице (Battisterio San' Giovanni), на каменном помосте возле стен, были в прежние времена пробиты узкие углубления в виде купелей, снабжавшиеся водою из колодцев; в них священники крестили новорожденных. Эти углубления сверху прикрывались решетками, для того, чтобы защитить священника от натиска народа: ибо во Флоренции в первые времена крестили только в Battisterio San' Giovanni и притом два раза в году: на кануне Пасхи и Троицина Дня, а потому стечение народа бывало весьма велико. Это обыкновение и самые купели существовали до 1579 г.; впрочем, в пизанской крестильнице и до сих пор можно видеть эти каменные урны крещения.

[419] Примечания: 419

19-21. Однажды несколько детей играло в Battisterio около этих купелей; один ребенок упал в углубление и так в нем увяз, что не мог

вылезть и едва не утонул. На крик его сбежался народ; но никто не знал, как пособить утопающему, пока наконец не явился Данте, бывший тогда приором города, и собственными руками не разбил топором камень, окружавший углубление. Бенвенуто да Имола. — За этот поступок человеколюбия многие враги Данта обвиняли его в нечестьи; оправдываясь в несправедливом обвинении, Данте в ст. 21 говорит: спасенный да будет моею печатью, т. е. да будет свидетелем правоты моего поступка.

31. И я: «О вождь, кто это всех сильнее
Терзается? за что он осужден?
Почто над ним пылает огнь краснее?» —

34. «Когда желаешь,» отвечал мне он:
«Я понесу тебя к нему по склонам;[420]
Сам скажет, кто он и за что казнен?»

37. А я: «Твое желанье мне законом;
Мой господин, ты видишь мысль во мне,
И я с тобой готов ко всем препонам.»

40. Тогда пришли к четвертой мы стене
И очутились, влево в ров сбежавши,
На продырявленном и узком дне.[421]

43. И добрый вождь, меня до бедр под-

---

[420] Примечания: 420

Внутренняя стена этих рвов всегда ниже, чем наружная, ибо весь этот круг идет наклоном к Коциту.

[421] Примечания: 421

Т. е. они переходят мост и, придя к внутренней стене, лежащей между третьим и четвертым рвами, спускаются на дно третьего рва.

нявши,[422]

Дотоле шел, пока достиг дыры,

Где скрыт злодей, так ноги потрясавший.

46. «Злосчастный дух, ты, скрывший лик внутри!

Кто б ни был ты, уткнутый здесь как плаха,»

Так начал я: «коль можешь, говори.»

49. Имел я вид духовника-монаха,

К которому засыпанный злодей,

Чтоб жизнь продлить, взывает из-под праха.[423]

52. Но дух кричал: «Ага! уж в яме

---

[422] Примечания: 422

Ров этот так ужасен, что Данте может приблизиться к грешникам только при помощи разума, на руках Виргилия. Копишь.

[423] Примечания: 423

Это сравнение заимствовано от ужасной казни, производившейся во времена Данта над убийцами — так наз. *propaginare* (зарывать в землю как виноградную лозу), казни, состоявшей в том, что убийцу заживо зарывали в землю головою вниз. Нередко случалось при этом, что преступник, желая хоть несколько продлить жизнь, уже засыпаемый землею, неоднократно призывал духовника под предлогом открытия новых преступлении.

сей,[424]

Уж в яме сей стоишь ты, Бонифаций?[425]

Так я обманут хартией моей?

55. Ты ль пресыщен на лоне благодати

Стяжаньем благ, для коих смел нанесть

Жене прекрасной срам своих объятий?[426]*»*

58. Как человек, чей ум не мог прочесть

Слов сказанных, немеет без ответа:

Так я не мог мы слова произнесть.

61. Тогда поэт: «Скажи ему на это,

---

[424] Примечания: 424

Этот говорящий грешник есть папа Николай III (из фамилии дельи Орсини), папствовавший от 1276–1280 г. О нем говорит Виллани: «Пока он был простым монахом и потом кардиналом, он отличался честностью, доброю нравственностью и, как говорят, был девственник; сделавшись папою, он ревновал в пользу своих, сделал многое для их возвеличения и был первый из пап, при дворе которого открыто производилась симония в пользу папских родственников, от чего они обогатились владениями, замками и золотом» (Libr. VII, cap. 54). Николай был расположен в пользу Гибеллинов, потому Виллани, как Гвельфа, можно подозревать в пристрастии. Впрочем, нам достоверно известно, что этот папа возвел в кардинальское достоинство трех своих родственников, а племянника Бертольдо Орсини сделал графом Романьи; вообще его считают первым из пап, содействовавших развитию так наз. непотизма. Он замечателен, между прочим, и тем, что отправил своего племянника Кардинала Латино в Романью и

Тоскану для примирения партий, содействия возврату изгнанников и дарованию отпущения Гибеллинам. Филалетес.

[425] Примечания: 425

Грешник, слыша вопрос Дантов, но не видя вопрошающего, думает, что уже прибыл ожидаемый им и долженствующий сменить его папа Бонифаций VIII, что кажется ему несколько преждевременным, ибо, по его расчислению, Бонифаций должен явиться несколькими годами позже. Под именем «хартии» должно разуметь или письменное предсказание, или кабалистическое расчисление, в силу которого Николай III уже при жизни знал год смерти Бонифация VIII. Он умер в 1303.

[426] Примечания: 426

Прекрасная жена есть церковь, которую Николай III обесчестил симониею.

Что ты не тот, не тот, кого он ждал.»

И я сказал ему слова поэта.

64. Тогда ногами дух затрепетал

И рек, вздыхая, в горести жестокой:

«Скажи, чего ж ты от меня желал?

67. Но если ты спустился в ров глубокий,

Горя желаньем обо мне узнать,

Так знай: венчан тиарой я высокой.

70. И впрямь была медведица мне мать:

Для медвежат в мешок сгребал я злато,

А здесь и сам попал в мешок как тать.[427]

73. В провал скалы уже не мало взято

Пап-симонистов, бывших до меня:[428]

---

[427] Примечания: 427

Николай происходил из фамилии Орсини (orsa, медведица).

[428] Примечания: 428

Здесь должно разуметь вероятно папу Иннокентия IV, заклятого врага Швабского дома, Александра IV, Урбана IV, признавшего Карла Анжуйского в Италию, и Клемента IV.

Все подо мной исчезли без возврата.

76. И я за ними свергнусь в пыл огня,
Лишь придет тот, за коего ты принят,
Когда вопрос поспешный сделал я.

79. Однако ж он скорей, чем я, покинет
Провал, где я главою водружен:[429]
За ним придет (и нас собой задвинет)

82. От запада поправший весь закон
Верховный жрец. Всем миром проклинаем,[430]
Сей пастырь будет новый Иасон[431]

85. (У Маккавеев мы о нем читаем),
И как того сирийский царь ласкал,

---

[429] Примечания: 429

Николай умер в 1280 г., а потому в 1300, в год замогильного странствия Данта, свершилось 20 лет, как он водружен главою в ров; тогда как между смертью Бонифация (1308) и его приемника в аду Клемеита V (1307) протечет только 4 года.

[430] Примечания: 430

По смерти Бонифация VIII и кратковременного папствования Бенедикта XI (1303–1304), конклав разделился на две стороны: французская партия желала избрать Наполеона Орсини, противная ей Маттео Орсини. Наконец, после долгих прений, избран был, при содействии французского короля Филиппа Прекрасного, архиепископ бордоский Бертран под именем Клемента V, заключивший предварительно с королем самые позорные условия. Между другими условиями, он обещал королю осудить Темплиеров и разрешил ему право конфисковать

имущество Евреев во Франции. Папа Клемент V замечателен еще тем, что, вопреки вековому обычаю, венчан на папство не в Риме, а в Лионе, а также тем, что всеми зависевшими от него духовными средствами старался доставить престол Византийской Империи Карлу Валлуа, брату Филиппа. Он умер в один год с Филиппом Прекрасным, вскоре после того, как произнес неправедный приговор над Темплиерами (в 1307): таким образом, сбылось предсказанное им обоим на костре Иаковом Мони, гроссмейстером ордена. От приговора Дантова не спасло Клемента и то, что он был хорошо расположен к Гибеллинам и содействовал вступлению Генриха VII (любимца Дантова) в Италию. — Для лучшеаго обзора, прилагаем здесь список пап, о которых упоминается в поэме Дантовой.
Иннокентий IV 1243–1254, Александр IV 1254–1261, Урбан IV 1261–1265, Клемент IV 1365–1268 — вероятно под годовою Николая III в третьем рве.
Междуцарствие в течении 33 месяцев.
Григорий X 1272–1876.
Иннокентий V 1276.
Адриан V 1276, в кругу скупых в чистилище.
Иоанн XXI 1276–1277.
Николай III 1277–1280, уткнут головою в третьем рве.
Мартин IV 1281–1285.
Гонорий VI 1285–1287, в кругу сластолюбивых в чистилище.
Николай VI 1288–1292.
Междуцарствие от 1292–1294.
Целестин V 1294, в первом кругу ада.
Бонифаций VIII 1294–1303, заступит место Николая III в 3-м рве.
Бенедикт XI 1303–1304.
Клемент V 1305–1307, заступит место Бонифация в 3-м рве.
Филалетес.

[431] Примечания: 431

Иасон получил архиерейство от царя Антиоха Эпифана вместо брата своего Онии, дав царю золота и обещав ввести в Иудею языческие обычаи. Кн. II Маккав. гл. IV, 7-10.

Так королем французским он ласкаем.»

88. Быть может, слишком много я сказал,

Ему ответив с укоризной злою:

«Скажи ж ты мне: каких сокровищ ждал

91. Господь, когда вручил Своей рукою

Ключи Петру? поверь мне, ничего

Он

не желал, как лишь: иди за Мною.[432]

94. А Петр и ты, что вместо одного[433]

С душей коварной избрали Матфея,

Сребра ли, злата ль ждали от него?

97. Так стой же здесь и, вечно пламенея,

Блюди мешок с бесчестной мздой своей,

---

[432] Примечания: 432
Св. Еванг. от Иоанна XXI, 19.

[433] Примечания: 433
Вместо Иуды Искариотского. Деян. Апост. гл. I, 21–26.

Для коей шел на Карла, не робея:[434]

100. И если б я не уважал ключей,
Которыми, приняв свой сан высокий,
Ты в светлой жизни управлял, злодей,[435] —

103. Я б жесточей привел тебе упреки:
Ваш алчный дух всем в мире омерзел,
Топча добро и вознося пороки……..

106……
……
……

109……
……

---

[434] Примечания: 434

Горькая насмешка, ибо в аду Николай III уже не обладает теми сокровищами, которыми так гордился на земле. Эта гордость заставила его требовать у Карла I, короля сицилийского, чтобы он выдал свою племянницу за его племянника. Получив отказ, папа отнял у Карла тосканский викариат и звание римского сенатора. Сверх того, он дал, как уверяют, позволение Иоанну Прочиде сделать восстание в Сицилии против Карла, взяв у Прочиды деньги, которыми снабдил его греческий император Палеолог, желавший повредить врагу своему Карлу Анжуйскому. Это позволение в последствии, спустя полтора года по смерти Николая III, было причиною восстания Сицилийцев против власти Французов, известного в истории под именем Сицилийских Вечерен.

[435] Примечания: 435

Это место доказывает, что Данте глубоко уважал папское достоинство и карал только опозоривших его пап.

.....

112.....

.....

.....

115.....

.....

.....

118. Пока ему я это напевал,

Не знаю, гневом, совестью ль терзался,

Ногами сильно грешник потрясал.

121. Зато мой вождь, казалось, утешался:

С такой улыбкой слушал он слова,

В которых гнев правдивый выражался.

124. Тут, сжав меня в объятьях, мой глава

Стал восходить опять путем покатым,

По коему спустился он сперва.

127. Без устали, со мной, к груди прижатым,

Он шел, пока на мост меня не взнес,
Которым связан ров четвертый с пятым.

130. Здесь тихо, тихо на крутой утес
Спустил свое он бремя у стремнины,
Где был бы путь не легок и для коз.

133. Там мне открылось дно другой долины.

Песнь XX

Содержание. На дне *четвертого* рва Данте видит души прорицателей и чародеев: они повернуты лицами назад, борода у них упадает на плечи, слезы текут по спине; вперед они уже не видят и должны пятиться задом. При виде искажения человеческого образа, Данте плачет; но Виргилий укоряет его за скорбь перед судом Божьим. Он указывает ему на тень Амфиарая, поглощенного землею перед Фивами; на Терезия, волхва фивского; Аронте, этрусского птицегадателя; далее на тень Манто, дочери Терезия, при имени которой подробно говорит о происхождении родного своего города Мантуи; наконец, указав еще на тень Эврипилла, Михаила Скотта, Гвидо Бонатти, Асденте и других, Виргилий побуждает Данте спешить, ибо месяц уже закатился. Поэты идут далее.

1. Вновь должно петь о скорбях неутешных

И тем предмет двадцатой песне дать
Канзоны первой – о погибших грешных.[436]

4. Уже вполне готов я был взирать
В открытый ров, где грешники, в кручине,
Должны слезами путь свой орошать.

7. И видел я, как в круглой той долине
Они в слезах свершают молча путь,
Как на земле творят литии ныне.

10. Склонив лицо, чтоб глубже в ров взглянуть,
Я в страхе зрел, что шеи злой станицы
От подбородка свернуты по грудь.

13. У всех к плечам поворотились лица,
Так, что, вперед смотреть утратив дар,
Все пятились назад по дну темни-

---

[436] Примечания: 436
Первое канзоною Данте называет первую часть своей поэмы — Ад.

цы.[437]

16 Не думаю, чтоб мозговой удар[438]
Мог причинить такие искаженья,
Каким подверглись те ведомцы чар.
19. Коль Бог тебе, читатель, дал из чтенья
Извлечь твой плод, то сам вообрази,
Без слез я мог ли видеть их мученья,

22. Когда увидел образ наш вблизи
Столь извращенным, что слеза, рекою
Струясь меж плеч, кропила их стези?

25. О! верь, я плакал, прислонясь рукою
К одной из скал; тогда мне мой глава:

---

[437] Примечания: 437

Некоторые комментаторы находили эту казнь слишком низкою в художественном отношении; но не говоря уже о пластичной верности, с которою она представлена, какой глубокий смысл она в себе заключает? Смысл этот следующий: если хочешь проникнуть в будущее, смотри на прошедшее. Прошедшее научает народы из истории, отдельные личности из их личной опытности. Только этим путем Бог позволил человеку (сколько вообще могут проникнуть во мрак времен его недальнозоркие очи) с некоторою вероятностью прозревать в будущее. Стремление же проникнуть в будущее всяким другим путем есть стремление неестественное. Те, которые увлечены таким стремлением, вместо того, чтоб идти вперед, идут назад и не видят того, что при естественном своем направлении они могли бы видеть под ногами. Штрекфусс.

[438] Примечания: 438

В подлин.: parlasia (старинная флорент. форма от *παραλύσις),* паралич, следствие удара.

«Уже ль и ты безумствуешь с толпою?

28. Лишь мертвая любовь в аду жива![439]

Преступник тот, кто скорбью неразумной

Зовет на суд законы Божества!

31. Взгляни же вверх, взгляни: вот тот безумный,

Что свергнуть в ад в виду Фивнцев всех,

При криках их: «Куда из битвы шумной,

34. Амфиарай? куда стремишься в бег?[440]»

А он меж тем все падал в ад, доколе

Был схвачен тем, что судит каждый

---

[439] Примечания: 439

В подлин.: Qui vive la pietà, quand'e ben morta — игра слов, которую невозможно передать на русский язык. *Pietà* (лат. pielas, греческ. *εὐσέβια)* объемлет собою понятие благоговейного страха ко всему божественному, или находящемуся под непосредственным покровом Божества, начиная от страха Господня до благоговейного почитания родителей, как представителей Божества, а также почитания несчастия ближних — сострадания. В французском языке отсюда возникло «piete», благочестие, и «pitié», сострадание; у Италианцев и то и другое выражается одним словом. Согласно с этим, смысл этого стиха будет следующий: здесь в аду высшее благочестие (piete) и любовь к Богу умерщвляются, если мы предаемся благоговению (любви) низшему, т. е. состраданию (pitié). Придерживаясь этого объяснения, предложенного Филалетесом, я употребил здесь слово «любовь» в вышеприведенном значении.

[440] Примечания: 440

Амфиарай, сын Оикла и Ипермнестры, прорицатель, один из семи царей, осаждавших Фивы. Зная час своей кончины, он вначале не хотел участвовать в этой осаде; но потом, убежденный своею женою Эрифилою, подкупленною Аргией, женою Этеокла, решился выйти в сражение и, во время боя, был поглощен расступившеюся землею.

грех.[441]

37. Смотри: из плеч он сделал грудь в неволе!
За то, что вдаль пытливый взор стремил,
Идет назад, вперед не видя боли.

40. Вот и Терезий, тот, что изменил[442]
Свой вид и пол, которым для замены
Он в женщину себя преобразил,

43. Но вслед за тем, для новой перемены,
Жезлом ударив свившихся двух змей,
Вновь получил все мужеские члены.

46. Спиной к нему – этрурский чародей!
Средь Лунских гор, где рудокоп Карра-

---

[441] Примечания: 441
Т. е. к Миносу.

[442] Примечания: 442
Терезий, Фивский волхв, ударив волшебным жезлом двух вместе свившихся змей, превратился в женщин; но потом, по прошествии семи лет, найдя тех же змей, превратился тем же способом в мужчину. Ovid. Metam. III.

ры,[443]

Жилец скалы, ломает камень в ней,

49. Жил в мраморной пещере грешник старый;

Оттоль он зрел лазурный звезд чертог

И зыбь морей, свершая злые чары.

52. А эта тень, которая до ног

Спустила кос всклокоченную груду,

В ней скрывши грудь, чтоб видеть ты не мог,

55. Тень вещей Манто, что, прошед по-всюду,[444]

Там поселилась, где родился я.[445]

---

[443] Примечания: 443

Аронт (Арунс), этрурский гадатель, по словам Дукана, предсказал Римлянам гражданскую войну и победу Цезаря. Лукан говорят, что он обитал *deserta moenia* Lucae, или, как другие читают, Lunae. Последний способ чтения был, по-видимому, известен Данту: он под именем Luna разумел прежний город Luni, около устья Магры, по имени которого вся эта страна названа Луниджианою. Здесь поднимаются величественные горы, где ломают каррарский мрамор.

[444] Примечания: 444

Манто, дочь Терезия, от коего научилась искусству гадания. По смерти отца, она покинула родной свой город Фивы, спасаясь от тиранства Креона, завладевшего Фивами по смерти Этеокла и Полиника, долго блуждала по земле и наконец поселилась в Италии, где от речного бога Тиберина родила Окна, основателя Мантуи. Алипранд, в своем Chronicon Mantuanum, называет ее основательницею Мантуи.

[445] Примечания: 445

Виргилий родился собственно не в Мантуе, но недалеко от нее в местечке Андес (Ада I, 68 и прим.); не смотря на это, он всегда считался Мантуанцем. Все эти подробности об основании Мантуи Данте приводит для того собственно, чтобы воздать честь любимому своему поэту.

Внимай: о ней повествовать я буду.

58. Когда покинул жизнь отец ее
И вакхов град стонал под мощной дланью,[446]
Она все в мире обошла края.

61. Есть озеро над италийской гранью,
У самых Альп, связующих Тироль
С Германией, Бенако по прозванью.[447]

64. И тысяча и больше волн оттоль,
Меж Гарда и Комоники, чрез склоны Пеннинских
гор, сливаются в юдоль.[448]

67. Тут место есть, где могут без препоны
Три пастыря подать друг другу крест —

---

[446] Примечания: 446
Фивы, родина Вакха.

[447] Примечания: 447
Нынешнее Гардское озеро Римляне называли Вепасии.

[448] Примечания: 448
Пенинские горы — Alpes poenat древних.

Из Брешии, от Трента и Вероны.[449]

70. Хранит Пескьера, крепость этих мест,[450]

Меж Брешьи и Бергамо, доступ в горы,

Там, где страна покатее окрест.

73. Сюда бежит избыток вод, который

В себе вместить Бенако не могло,

И как поток, стремительный и скорый,

76. Шумит вдоль паств, и, лишь вступив в русло,

Уж Минчием зовется, мчась в раздолье

До стен Говерно, где впадает в По.[451]

79. Но вскоре, встретив на пути подолье,

Болотом топким ширится волна,

---

[449] Примечания: 449

Это место называется Prato della Fame, в 3 милях от Гарвьяно, где сходятся рубежи трех епархий. Леандро Альберти пишет: здесь могли бы три епископа, каждый стоя в своем владении, подать друг другу руду.

[450] Примечания: 450

Пескьера — горное укрепление.

[451] Примечания: 451

Говерно, крепость; ныне Говерноло.

Тлетворный смрад рождая в водополье.

82. Сюда проникнув, страшная жена
Среди болот край видит запустелый
И, дикостью страны привлечена,

85. С толпою слуг, для чар науки смелой,
В ней остается, бросив смертный род,
И, кончив жизнь, здесь покидает тело.

88. Когда ж окрест рассеянный народ
Пришел за нею в дикий край, объятый
Со всех сторон трясинами болот,

91. Он град построил на костях проклятой,
И, без других гаданий, в память ей,
Дал имя Мантуи стране богатой.

94. Град множество вмещал в себе людей,
Пока еще безумцу в обольщенье
Не сплел коварный Пинамонт се-

тей.[452]

97. Так говорю, чтоб сам ты в заблужденье

Не впал, когда родной моей стране

Начнут давать не то происхожденье.[453]*»*

100. А я: «Мой вождь, я убежден вполне

В твоих словах и речь других пред ними

Покажется погасшим углем мне.

103. Скажи ж мне кто достоин между сими

Идущими мой взор к себе привлечь?

Лишь к ним стремлюсь я мыслями своими.»

---

[452] Примечания: 452

Когда графы Казалоди сделались властителями Мантуи; тогда Пинамонте де Буонакосси, один из знатнейших жителей города, видя, как народ ненавидит вельмож, уговорил простоватого графа Альберто Казалоди, управлявшего тогда городом, удалить на время некоторых из знатнейших лиц Мантуи, уверив его, что это единственный способ снискать навсегда благосклонность народа и упрочить свою власть. Как скоро легкомысленный граф на это согласился, хитрый Пинамонте, удаливший таким образом своих противников, захватил, при содействии народа, верховную власть, изгнал Казалоди и, чтобы вполне упрочить власть свою, умертвил остальных вельмож и сжег их дома. Спасшиеся никогда уже не возвращались, вследствие чего город значительно опустел.

[453] Примечания: 453

Отсюда видно, что во времена Дантовы существовали различные мнения о происхождении Мантуи. Данте следует Виргилию, который, Aen. X, 198–201, рассказывает это же предание.

106. А он мне: «Тот с брадой до смуглых плеч, —
В те дни, когда Эллады край богатый
Так оскудел людьми для грозных сечь,

109. Что колыбели не были лишь взяты, —
Был волхв и дал с Колхасом злой совет
Перерубить в Авлиде все канаты.[454]

112. Он, Эврипил по имени, воспет
В стихах моей трагедии высокой,
В которую вникал ты столько лет.

115. А этот с ним, калека кривобокий —
Михаил Скотт, который, точно, быль
Во лжи волшебных игр знаток глубо-

---

[454] Примечания: 454

В своем послании к Кану Великому, которому посвящен Рай, Данте говорит: «Комедия отличается от трагедии по содержанию (in materia) тем, что трагедия вначале приятна и спокойна (admirabilii et quieta), под конец же или в развязке своей ужасна (foetida et boribilis). Точно так и в способе выражения (in modo loquendi), различаются они между собою тем, что трагедия высока и торжественна (elate et sublime), комедия же низка и смиренна (remisse et humiliter), при чем язык ее простой (vulgare), каким говорят и женщины (in qua et mulierculae communicant)». Вот причина, почему Данте называет Энеиду трагедией, а свою поэму, писанную простым (Италианским в отличие от латинского) языком — комедия.

кий.[455]

118. С Бонатти здесь Асдент себя сгубил:[456]

Он кается теперь, хотя уж поздно,

Зачем он с кожей дратву разлюбил.

121. Здесь множество волшебниц плачет слезно:

Забыв иглу, веретено и челн,

Они на зельях волхвовали грозно.

124. Но в путь! уж грани эмисфер и волн[457]

Коснулся с терном Каин за Сивиллой.

Еще вчера, в ночи, был месяц полн;

---

[455] Примечания: 455

Михаил Скотт, из Balweary, в Шотландии, врач и астролог императора Фридерика II, жил в средине XIII столетия и считался ученейшим человеком своего времени. Он написал комментарии на Аристотеля; писал также о философии, астрологии, алхимии, физиогномике и хиромантии. Еще до сих пор существует об этом чародее множество преданий в простом народе в южной Шотландии, где каждое сколько-нибудь значительное построение древности приписывается *старому* Михаилу, Уилльяму Уеллесу, или черту. Согласно с преданием, он погребен в знаменитом мельрозском аббатстве, а его сочинения, по тем же преданиям, хранятся частью в этом древнем монастыре, частью в его могиле (см. Walter Scott's Lay of the last minstrel, Canto II и прим.). Данте, по-видимому, разделяет мнение своих современников о Михаиле Скотте, назвав его глубоким знатоком магии.

[456] Примечания: 456

Гвидо Бонатти, из Форли, астролог графа Гвидо де Монтефельтро, написавший одно сочинение о своей науке.

Асденте, сапожник из Пармы, прославившийся своими предсказаниями также во времена Фридерика II. Его приводит Данте в своем Convito как пример того, что известность и истинное благородство не всегда совмещаются в одном и том же лице.

[457] Примечания: 457

Простой народ в Италии думал, что темные пятна на луне представляют Каина с связкою терний на спине — вероятно намек на жертву, принесенную Каином Богу от плодов земли и отвергнутую Богом. Это поверие о темных пятнах на луне опровергнуто Дантом как сказка (Рая II, 36). — Захождение месяца, который за день перед тем был полн, означает утро, именно утро, второго дня замогильного странствия. Обе эмисферы означают восточное и западное полушария, коим границею служит Атлантическое море позади Испании (город Сивилья (у Данта Sibilia) принимается здесь вместо всей Испании). По вычислению астрономов, если за начало замогильного странствия принять 9 Апреля, выходит, что теперь половина восьмого часа утра; а если 6 Апреля, то около 9 часов; если же принять 25 Марта за первый день Дантова странствия, то нельзя получить никаких верных результатов. См. у Филалетеса. Die Hölle, p. 151.

127. Ты не забыл, что он сквозь лес унылый

Тебе не раз светил в ночном пути

И прогонял из сердца страх постылый.[458]»

130. Так говоря, он продолжал идти.

[458] Примечания: 458

Мерцание месяца, слабый свет человеческой мудрости, служило Данту путеводным светом, при помощи которого он достиг через темный лес человеческих заблуждений к подошвам холма, к началу спасения. (Ада I, 14 и примеч.).

Песнь XXI

Содержание. Путники всходят на следующий мост и с его вершины глядят в весьма темный *пятый* ров. Светские симонисты, люди, торговавшие гражданскими местами, и взяточники погружены здесь в кипящее смоляное озеро, по берегам которого взад и вперед бегают демоны, вооруженные крючьями. Пока поэты смотрят в ров, дьявол приносит на плечах сенатора из Лукки, кидает его в смолу и бежит за другими подобными. Черти, скрытые под мостом, подхватывают грешника крючьями и погружают его в кипяток. Виргилий из предосторожности приказывает Данту спрятаться за скалою, а сам переходит мост. Дьяволы кидаются на него с яростью; но Виргилий, укротив их, вызывает одного из их толпы для переговоров. Бес Злой-Хвост выходит с дерзостью; но, узнав о причине замогильного странствий поэтов, в ужасе роняет багор из рук. Тогда, по

приказанию Виргилия, Данте выходит из своего убежища; демоны на него кидаются и один из них хочет разорвать его; но Злой-Хвост их удерживает. С притворною приветливостью он назначает поэтам провожатых, ложно объявив, что мост разрушен только в *шестом* рве, но что в следующем он невредим. Десять избранных в провожатые демонов, под предводительством Курчавой-Бороды, делают гримасу Злому-Хвосту.

1. Так с моста на мост шли мы, рассуждая[459]

О том, чего в комедии своей

Не передам, и, с высоты взирая,

---

[459] Примечания: 459

В *пятом* рве каются светские симонисты, люди, противозаконно торговавшие местами, раздававшие за деньги гражданские должности и всякого рода взяточники (barattieri). Они погружены в озеро кипящей смолы, из которого от времени до времени выплывают, желая прохладиться. Но демоны, бегающие по берегам и вооруженные крючьями, хватают выплывающих, сдирают с них кожу и опять кидают в озеро. — «Как перед совестью убийц кровь насильственно ими убиенных выступает кровавою рекою (Ада XII, 17–48 и прим.); так сознание черных, во мраке совершенных дел опутывает души этих грешников липкою, черною, смоляною массой. Захотят ли они выплыть из среды, в которую погрузли, их грехи, их гнусное крючкотворство, воплощенное в толпу отвратительно страшных демонов, являются перед их очами, как Кентавры перед очами насилователей ближних (Ада XII, 56 и прим.), и тем с большею яростью и тем глубже погружают их в

сознание своей греховности.» Во времена народных несогласий класс гражданских чиновников обыкновенно отличается продажностью; а как продажен он был во времена Дантовы, видно из того, что поэт посвящает две целые песни этим грешникам. Копишь. Штрекфусс.

4. Другую щель увидели под ней
И тщетный плач услышали в провале
В глубокой мгле, ужасной для очей.

7. Как вар кипит зимою в арсенале
В Венеции, для смазки тех судов,
Что, обветшав, уж плыть не могут, дале:

10. Кто конопатит там корабль с боков,
Терпевших долго бурных волн напасти;
Кто новый челн готовит из дубов;

13. Кто парус шьет, разорванный на части;
Кто у руля, кто рубит под кормой;
Кто тешет весла, кто свивает снасти:

16. Так, не огнем, но силой пресвя-

той[460]

Растоплена, смола там клокотала,

Отовсюду берег облепив корой.

19. Я в ров смотрел; но мгла в нем все скрывала:

Лишь хлябь, вздымая вслед за валом вал,

То дулася, то ямой оседала.

22. Пока я пристально глядел в провал, —

Мой вождь, вскричав: «Смотри! смотри!» нежданно

Увлек меня оттоль, где я стоял.

25. Я побежал, как тот, кто видит странный

Предмет и глаз с него не сводит прочь;

---

[460] Примечания: 460

Не без значения смола в пятом рве растоплена не огнем, а силою божественной (per divina arte). Мы уже неоднократно говорили, что огонь у Данта есть символ божественного учения, света вечной любви и истины. «Грешники, здесь наказуемые, до того погрузли в черной грязи своей греховности, что никогда уже не могут видеть божественное: в нечистой среде своей, в кипящем смоляном озере, они чувствуют одну только силу огня, но проявления его в свете уже не видят. Огонь любви и истины уже для содомитов светил очень слабо.» (Ада XV, 19 и примеч.)

Но, ужасом внезапным обуянный,

28. Бежит, не в силах страха превозмочь,
И видел я, как черный бес за нами,
Вдоль по утесу, мчался во всю мочь.

31. О, как ужасно он сверкал очами!
С какою злобой он бежал, стуча
Копытами и хлопая крылами!

34. Взвалив себе на острые плеча
И возле пят когтьми вцепившись в кости,
Он за ноги мчал грешника, крича:

37. «Вот анциан Святые Зиты! в гости[461]

[461] Примечания: 461

Зита, родом из Монте Саграто около Лукки, находясь в должности служанки в этом городе у некоего Фатинелли, отличалась своею благотворительностью и благочестием и, по смерти, причтена папою Николаем к лику святых. — *Анциани* (сенатор, старшина) *св. Зиты* означает стало быть старшину из Лукки. Древние комментаторы (Франческо де Бути) называют этого непоименованного грешника Мартино Боттало.

К вам, Злые-Лапы, он пришел сюда![462]

В смолу его! а я для вашей злости

40. Примчу других: там много их всегда![463]

Там каждый взяточник, кроме Бонтуры![464]

Из нет за деньги там выходит да[465]!»

43. Швырнув его, умчался бес понурый,

И никогда с такою быстротой

За вором пес не гнался из конуры.

46. Тот в глубь нырнул и всплыл облит смолой;

А демоны из-под скалы висячей

---

[462] Примечания: 462

Злые-Лапы (Malebranche): так названа адская стража этого рва в намек на алчность здесь казнящихся грешников; кажется, на каждом из мостов этого круга приставлена подобная стража.

[463] Примечания: 463

Отсюда видно, что Злым-Лапам дозволено выходить на свет и приносить оттуда грешников. Слич. Ада XXVII, 113.

[464] Примечания: 464

Очевидная ирония: Бонтуро Бонтури, из фамилии Дати, был именно один из самых продажных (archibarraterius, как говорит Бенвенуто да Имола) жителей города Лукки и отворил Пизанцам за деньги Пизанские ворота (di Porta di Pisa) 18 Ноябр. 1313 г. Подробнее о нем см. у Филалетеса. Die Hölle, p. 157.

[465] Примечания: 465

Из всего этого видим, что жители Лукки особенно отличались своею продажностью. Annales Lucensis urbis, Vol. I. p. 320, говорят, что уже в 1225 г. многие луккские дворяне продали за деньги неприятелям замки, коими повелевали, и за то были отрешены от своих должностей.

Вскричали: «Здесь иконы нет святой![466]

49. Не Серккьо здесь: тут плавают иначе![467]

Когда не хочешь наших крючьев злых,

Так не всплывай поверх смолы горячей!»

52. И сто багров в него всадили вмиг,

Вскричав: «Пляши, где вар сильней вскипает,

И, если можешь, надувай других![468]»

55. Так поваренков повар заставляет

Крючками мясо погружать в котлы,

Когда оно поверх воды всплывает.

---

[466] Примечания: 466

Святая икона (il Sahto Volto), собственно древняя статуя Христа, отличной, кажется византийской работы. Она стоит в особенной небольшой капелле посреди собора в Лукке. О прибытии этой статуи из Иерусалима в Лукку существует преудивительная легенда, которую рассказывает Бенвенуто да Имола, прибавляя: Tu de hoc crede quod vis, quia non est de articulis fidei. Этот образ и поныне находится в большом уважении у Луккийцев. Дьяволы, видя грешника, выплывшего из смолы скорчившимся и принявшим фигуру человека молящегося, с жестокою насмешкою намекают, что здесь уже не поможет ему никакое упование в чудотворный лик его города. Филалетес.

[467] Примечания: 467

Серккио, река, протекающая недалеко от Лукки.

[468] Примечания: 468

В подлин.: Si che, se puoi, nascosamente accaffi — намек на обыкновение этих грешников ловить в мутной воде.

58. Тут добрый вождь сказал: «Пока во мгле

Они тебя еще не увидали,

Пойди, прижмись к той рухнувшей скале.[469]

61. И чем бы мне они не угрожали,

Не бойся: с ними я давно знаком;

Они и прежде в спор со мной вступали.[470]»

64. И через мост он перешел потом;

Когда ж достигнул до шестого брега,

Он им предстал с бестрепетным челом.

67. С той яростью, с той быстротою бега,

С какою мчатся псы на бедняка,

Что под окном вдруг попросил ночлега, —

70. Вмиг вылетел их рой из-под мост-

---

[469] Примечания: 469
С грешниками этого рода необходима осторожность. Копишь.

[470] Примечания: 470
Намек на первое странствование Виргилия в аду (Ада IX, 22 и д.).

ка,
Подняв багры; но он в святой защите
Вскричал: «Ни чья не тронь меня рука!

73. Пусть прежде, чем крючки в меня вонзите,
Один из вас пред мой предстанет лик;
Потом меня терзайте, как хотите.»

76. «Ступай, Злой-Хвост!» тут подняли все крик,
И вышел Хвост (они ж за ним ни шагу),
И спрашивал: зачем он к ним проник?

79. «Проник ли б я, Злой-Хвост, в твою ватагу,
Когда бы мне,» учитель мой в ответ:
«Не подали на подвиг сей отвагу

82. Рок благотворный и святой завет!
Пусти ж меня: так небесам угодно,
Чтоб здесь живой за мною шел вослед.»

85. Вмиг сокрушил он в дерзком гнев

бесплодный,[471]

Так, что багор он уронил к ногам,

Вскричав к другим: «Пусть он идет свободно!»

88. Тогда мой вождь: «О ты, который там,

Припав к скале, укрылся от насилий,

Иди теперь без трепета к врагам.»

91. Я поспешил туда, где был Виргилий;

А дьяволы все бросились вперед,

Как будто бы свой договор забыли.

94. Так (видел я) был устрашен народ,

Когда с условьем выйдя из Капроны,

---

[471] Примечания: 471

Первое впечатление, произведенное Виргилием на демонов, равносильно тому, которое производит на какое-нибудь уличенное во взяточничестве судебное место известный своим бескорыстием неподкупимый ревизор, уполномоченный правительством открыть и строго карать злоупотребления. Но этот страх, как мы видим, быстро проходит, и в подсудимых вскоре опять оживает надежда избавиться от уполномоченного силою, или хитростью. Штрекфусс.

Толпу врагов он встретил у ворот.[472]

97. К вождю прижавшись, ждал я обороны

И не сводил очей с их страшных харь,

Где мог читать всю злость их без препоны.

100. Тогда один, поднявши свой косарь,

Сказал другим: «Ножем его… хотите ль?».

Другие: «Ладно! по спине ударь!»

103. Но бес, с которым говорил учитель,

Туда поспешно обратясь, сказал:

«Стой, Кутерьма! стой, дерзкий возму-

---

[472] Примечания: 472

Капрона, пизанская крепость, на берегу Арно. Жители Лукки, овладели ею; но вскоре, осажденные тосканскими Гвельфами, соединившимися с пизанскими изгнанниками по смерти графа Уголино, после 8 дневной осады принуждены были сдаться по недостатку воды (в Августе 1290 г.) на капитуляцию с условием пощады гарнизону. По повелению графа Гвидо де Монтефельтро, которому сдалась Капрона, все сдавшиеся были привязаны к канату и проведены до границы. Когда таким образом они проходили через лагерь, неприятель кричал: аррисеа! аррисса! (на виселицу их!), что естественно наводило страх на побежденных. Можно думать, что Данте был очевидцем этого события, которое он приводит для сравнения с своим страхом; ибо на 25 году он служил в войске Гвельфов, к партии которых принадлежал по своему происхождению (di nazzione), пока впоследствии политические

обстоятельства не склонили его более на сторону Гибеллинов.

титель!»

106. И нам потом: «Здесь по уступам скал

Вам нет дороги: в страшном том провале

Весь раздробленный свод шестой упал.

109. Но если вы идти хотите дале, —

Чрез этот грот ступайте в мрачный ад:

Вблизи есть путь такой же, как вначале.

112. Уж тысяча и двести шестьдесят

Шесть лет, поздней сего двумя часами,

Вчера свершилось, как здесь рухнул скат.[473]

115. Отряд моих туда пошлю я с вами

Взглянуть: не всплыл ли кто там над смолой?

Идите с ними смелыми стопами.

118. Марш, Криволет, Давило и Борзой!»

---

[473] Примечания: 473

Эта терцина есть самая важная для определения года и дня замогильного странствования Данта.

Он крикнул, ада огласив вертепы:

«Веди их, Черт с курчавой бородой!

121. Марш, марш, Драконье-Жало, Вихрь-Свирепый

И Вепрь-Клыкан и Душелов, злой дух,

И Адский-Сыч и Красный-Черт нелепый![474]

124. Кругом обшарьте пруд; а этих двух

Оберегайте до моста другого,

Что, уцелев, идет чрез этот круг.» —

127. «О ужас! вождь мой, что я вижу снова?

О, поспешим без спутников одни!

---

[474] Примечания: 474

Имена этих, равно и двух вышеупомянутых демонов, я старался заменять соответственными русскими, придерживаясь отчасти этимологического объяснения их значения, предложенного Ландино; и желал этим выразить тот фантастически-страшный характер этих существ, который так удивительно драматизировав в следующей песне. — «Здесь надобно сказать, что все эти демоны, как заметил Шлегель, собственно не падшие ангелы, но фантастические чудовища в человеческом образе, не имеющие впрочем в себе ничего человеческого, кроме хитрости и диких страстей, каковы гнев и мстительность. Они то же самое, что Минос, Цербер, Минотавр и др.: символы наказуемого порока и самой казни. Данте заимствует эти существа отовсюду, как из мира языческого, так и христианского, и пользуется всеми богатствами сказки и истории для олицетворения своих идей; но откуда бы ни почерпал он эти образы, он везде одушевляет их жизнью так, что его символы никогда не кажутся холодными, мертвыми

аллегориями.» Каннегиссер.

Коль знаешь путь, к чему вождя иного?

130. Когда ты мудр, как был ты искони;

То как не зришь, что зубы их скрежещут,

И что бровями нам грозят они?»

133. А вождь: «Не бойся! пусть глаза их блещут;

Пусть, как хотят, скрежещут их клыки:

От их угроз лишь грешники трепещут.»

136. Плотиной, влево, двинулись полки;

Но прежде все, взглянув на воеводу,

Вмиг стиснули зубами языки,[475] —

139.....

[475] Примечания: 475

Этой гримасою дьяволы дают знать Злому-Хвосту, что они смекнули обман, в который он вводить поэтов.

Песнь XXII

Содержание. Поэты идут по окраине рва в сопровождении демонов, которых характер, сообразно с их именами, развит в этой песни драматически. С появлением беса Курчавой-Бороды (которому не без умысла придана почтенная наружность), грешники выплывшие было к берегу, чтоб освежиться, с ужасом подаются назад. Но один из них предупрежден Душеловом: бес зацепил его крюком и вытаскивает на берег; Красный-Черт хочет содрать с него кожу. По желанию Данта Виргилий спрашивает грешника: кто он? и узнает, что это любимец наваррского короля Тебальда. Пока, они разговаривают, Вепрь-Клыкан рвет грешника зубом; но Курчавая-Борода, зацепив тень крюком, останавливает товарищей, грешник продолжает рассказывать о других собратьях Сардинцах; между тем Вихрь-Свирепый отрывает, у него от плеча кусок мяса, а Драконье-Жало метит в ногу; однако ж

начальник опять их удерживает. Грешник продолжает прерванный рассказ; но вдруг останавливается, увидев сверкание глаз Адского-Сыча, злобу которого едва может обуздать сам Курчавая-Борода. Тут грешная душа вызывается призвать на свое место нескольких Ломбардцев и Тосканцев с условием, чтобы Злые-Лапы наперед спрятались за скалою. Борзой подозревает хитрость; но Давило уговаривает товарищей удалиться. Они прячутся. Тогда Наваррец, прыгнув с берега, скрывается в смоле. Давило летит за ним; но, не догнав, возвращается; в досаде Криволет бросается на Давилу; они дерутся и оба падают в смолу. Четыре беса, посланные к ним на помощь, тащат их из смолы баграми. Между тем поэты, воспользовавшись тревогою, удаляются.

1. Видал и я; как всадники рядами
Идут на смотр и рубятся с врагом,
И как порой бегут перед врагами;

4. Наездников видал в краю твоем,

Ареццо; видел их набег удалый,[476]
В турнирах битвы, бег коня с конем,

7. Когда рога, колокола, кимвалы,[477]
Иль с крепостей дадут на бой сигнал,[478] —
Видал чужих и наших войск сигналы.

10. Но, думаю, никто не подавал
Таких сигналов пешим, или конным,
Иль
морякам при виде звезд и скал.[479] —

13. С десятком бесов шли мы к осужденным:
Ужасный строй! но – в церкви со святым,

---

[476] Примечания: 476

Данте обращается здесь особенно к Ареццо, потому что владения этого города в Дантовы времена всего более страдали от военных набегов (gualdane). Ландино.

[477] Примечания: 477

В средние века колокола (вечевые) служили для сигналов в военное время; таков в особенности был так наз. *Martinella* (Ада X, 31–93 и пр.) во Флоренции, при звуках которого собирались вооруженные цехи. Филалетес.

[478] Примечания: 478

Т. е. днем поднятием знамен или флагов, ночью зажиганием костров.

[479] Примечания: 479

Торжественный тон, которым поэт начинает эту песнь, близок к комическому. Из этих терцин можно также видеть, что Данте хорошо понимал и военное искусство, что служит дополнением многосторонних сведений этого всеобъемлющего поэта. Штрекфусс.

В гостинице с обжорой беззаконным.[480]

16. Я взор склонил к пучинам смоляным,

Желая знать устройство сей долины

И кто казнен под кипятком густым.

19. Как морякам изгибом спин дельфины

Дают намек, что время уж спасать

Их корабли от бури средь пучины:[481]

22. Так иногда, чтоб злую боль унять,

Мелькнет спина того, другого духа

И вдруг исчезнет молнией опять.

25. И как лягушки, скрыв с ногами брюхо

---

[480] Примечания: 480

В подлин.: ma nella chiesa Co'santi, e in taverna co'ghiottoni — пословица, сходная с нашей: с волками по волчьи выть.

[481] Примечания: 481

Здесь разумеется особенная порода китовидных (cetacea), часто-встречающаяся в Италии: Delphinus Delphis L. Млекопитающей это дышит легкими, именно через два носовые отверстия, помещенные на верхней части головы, а потому часто должно выплывать на поверхность моря, при чем выставляет изгибистую спину (l'arco della sehiena). О нем говорит Плиний: Praesagiunt et animalia. Delphini tranquillo mari lascivientes flatum, ex qua veniunt parte; item spargentea aquam turbato, tranqullitatem. Филалетес.

В воде канавы, по краям сидят,
Просунув морды на песок, где сухо:

28. Так грешники со всех сторон глядят;
Но адского при вид караула
Все подаются с ужасом назад.

31. Одна лишь тень – о страх! – не ускользнула,
Как иногда лягушка, всех смелей,
Сидит, когда другая уж спрыгнула.

34. И Душелов, подкравшись ближе к ней,
Крюк замотал в кудрях ее смолистых
И вытащил как выдру из зыбей.[482]

37. Уже я знал все имена нечистых,
Заметив их при выбор, когда
Их строи пошел к смоле с брегов скалистых,

---

[482] Примечания: 482
Выдра (Muttela Lutra L.) ловится и извлекается из воды крючьями, как рыба, ее длинная шерсть, гладко прилегающая к ее телу, когда с него стекает вода, служит прекрасным сравнением для грешника, политого растопленною смолой». Филалетес.

40. «Эй, Красный-Черт! скорей, скорей сюда!

Сдери когтями кожу с плеч безбожной!»

Воскликнула проклятая орда.

43. А я: «О вождь! разведай, если можно,

Кто сей несчастный здесь себя сгубил,

Врагам попавшись так неосторожно?»

46. Став близ него, учитель мой спросил:

«Где ты рожден?» – А он в ответ: «В Наварре:

Там при одном сеньоре я служил.

49. Отец же мой сгубил себя в пожар

Слепых страстей и разорил весь дом —

Известный мот! Потом при государе

52. Тебальде Добром я служил рабом.

Тогда-то я предался гнусной страсти,

В чем мы отчет под варом отдаем.»

55. Тут Вепрь-Клыкан – а у него из па-

сти,[483]

Как у свиньи, торчали по бокам

Клыки – одним стад рвать его на части.

58. Попал мышонок в лапы злым котам!

Но их капрал, обняв его руками,

Им крикнул: «Прочь, пока натешусь им!»

61. И, устремясь к учителю глазами:

«Спроси еще» сказал; «но поспеши:

Не то его мы разорвем баграми.»

64. Тогда мой вождь: «И так нам опиши,

Кто из Латинов здесь покрыт смо-

---

[483] Примечания: 483

Древние комментаторы называют этого грешника Чиамполо, или Джиамполо (Жан Поль). О нем известно, что он был сын одного мота, разорившего все свое имение; мать Чиамполо; из благородной фамилии, отдала его в услужение: одному барону короля Тебальдо или Тибо; вскоре он попал в любимцы самого короля и, употребив во зло доверие к себе государя, бессовестно торговал его милостями. Этот король есть, вероятно, Тибо II из Наварры, граф Шампаньи, получивший за доброту свою прозвание Доброго; он умер в 1238 г. Он ограничил права и привилегии церкви; отличался впрочем ревностью в завоевании Святой Земли, а также своими заслугами в поэзии и музыке.

лою?[484]»

А он: «Сейчас ушел я от души

67. Того, кто жил в соседстве с их страною.

О, если б с ним я скрылся в кипяток,

Не слышал бы когтей их за спиною![485]»

70. Тут Вихрь-Свирепый крикнул: «Кончен срок!»

И, крюк ему всадив в плечо, помчался,

Рванул и вырвал из него кусок.

73. Драконье-Жало тоже уж подкрался[486]

Ужалить ногу; но десятник их

Кругом, кругом злым оком озирался.

76. Тогда мой вождь – едва их гнев при-

---

[484] Примечания: 484

Латинский поэт Виргилий почти всегда называет Италианцев Латинами.

[485] Примечания: 485

Сопротивлением воле Божией он заслужил большее наказание (Ада XV, 37 и прям.). Копишь.

[486] Примечания: 486

Курчавая-Борода не может сохранить никакого порядка в своей орде: общая участь начальников беззаконных! Штрекфусс.

тих —

Спросил того, что с ужасом во взоре

Еще смотрел на кровь из ран своих:

79. «Кто ж этот дух, с кем ты расстался вскоре…

Не в добрый час покинул страшный пруд?» —

«То был Гомита,» отвечал он в горе,[487]

82. «Монах галлурский, всякой лжи сосуд:

Над пленными быв стражем у владыки,

Он честь себе снискал от них за труд.

85» Он их пускал за деньги без улики,

Как говорит, и в каждом ремесле

Был взяточник не малый, а великий.

88. Дон логодорский, Цанке, с ним в смо-

---

[487] Примечания: 487

Сардиния, принадлежавшая в то время Пизе, состояла из 4 округов: Логодоро, Каллари, Гамура и Альбореа. Округом Галлура управлял Нино Висконти ди Пиза, коего полное доверие умел снискать себе монах Гемита. Пользуясь милостями своего повелителя, он делал всякого рода злоупотребления, продавал места, брал взятки, отпускал за деньги пленников на волю и наконец был повешен.

ле;[488]

Их языки усталости не знают,
И все толкуют о родной земли.

91. Но посмотри, как там глаза сверкают!
Мешаются от ужаса слова....
Того и жду, что спину поласкают!»

91. Тогда взглянул бесовский голова
Туда, где Сыч таращил очи злобно,
И крикнул: «Прочь, зловещая сова!» —

97. «Хотите ль видеть, иль узнать подробно
Тосканцев, иль Ломбардцев,» молвил нам
Испуганный: «здесь их созвать удобно.

100. Пусть Злые-Лапы отойдут к скалам,
Чтоб грешники от них не ждали мести;

---

[488] Примечания: 488
Микеле Цанке, сенешаль короля Энцио, побочного сына Фридерика II, властителя Гаддуры и Торре в Сардинии. Цанке женился по смерти Энцио на его вдове Адалазии и завладел этою областью острова. Вероятно, он был в тайных сношениях с Гомитою.

А я, на этом сидя месте, к вам

103. Один, как есть, вмиг призову их двести,

Лишь свисну им: есть уговор у нас

Пред выходом давать друг другу вести.»

106. Борзой тут рыло поднял вверх, потряс

Башкой и молвил: «Он хитер! от муки

Задумал он в смоле исчезнуть с глаз.»

109. Но тот, который был богат на штуки:

«Хитер?!.. О, слишком буду я хитер,

Когда предам товарищей вам в руки!»

112. Тут Криволет другим наперекор

Сказал: «Попробуй прыгнуть: за тобою

Не побегу в погон во весь опор;

115. Но крыльями взмахну я над смолою.

Каков-то будет у тебя успех,

Увидим мы, укрывшись за скалою.» —

118. Послушайте, какой тут вышел смех! —

Все в сторону оборотили взоры

И тот всех прежде, кто был против всех[489]

121. Миг улучил тогда Наваррец скорый:

Встал на ноги и в смолу в тот же миг

Прыгнул, вести им предоставив ссоры.

124. Такой удар всех озадачил их;

Но бес, виновник шутки неприятной,

Помчался с криком: «Я тебя настиг!»

137. Напрасный труд! быстрее был стократно

Испуг, чем крылья: дух пошел ко дну,

А бес вернулся на лету обратно.

130. Так утка вмиг ныряет в глубину

От сокола; а он, обманут уткой,

Рассерженный несется в вышину.

133. Тогда Давило, разбешенный шут-

---

[489] Примечания: 489
Т. е. Криволет.

кой,

Помчался вихрем, рад, что есть предлог

Подраться с тем, пред кем обманщик чуткий

136. Исчез в смоле, и когти рук и ног

В товарища впустил, и так над ямой

Сцепился с ним. Но тот и сам не плох!

139. Как ястреб сам сцепился с ним упрямо[490]

Когтьми и драка страшная была,

Пока не пали в пруд кипящий прямо.

142. Смола обоих тотчас разняла;[491]

Но не было в них сил взлететь над лавой:

Так облепила крылья им смола!

145. Тут сжалился над ними Черт-Кур-

---

[490] Примечания: 490

В подлин.: Sparvier grifagno (от greifen); так называются те ловчие птицы, которые берутся не из гнезд, но приучаются к охоте уже взрослые. Немецкие сокольники их называют: Wildfangfperber. Они смелее всех прочих ловчих птиц. Филалетес.

[491] Примечания: 491

Ибо смола растоплена божественною силой — per divina arte (Ада XXI, 16 и прим.). Копишь.

чавый:

На помощь им велит тащить багры,
И четверо, налево и направо,

148. Спустились в ров с обрывистой горы
И, крючьями их зацепив во мраке,
Вмиг извлекли из смоляной коры.

151. И мы пошли, чертей оставив в драке.

Песнь XXIII

Содержание. Пока демоны заняты спасением товарищей, поэты идут далее. Данте опасается погони демонов и, действительно, они гонятся за ними. Тогда Виргилий, схватив Данте и опрокинувшись спиною на склон горы, скатывается в следующий *шестой* ров. Здесь лицемеры, окутанные в монашеские рясы, снаружи вызолоченные, а внутри свинцовые, с капюшонами, свисшими над глазами, молча и плача ходят тихими шагами как в процессии. Между ними Данте встречает двух монахов из Болоньи, бывших подестами во Флоренции; с одним из них, Катахано, он разговаривает. Здесь же он видит пригвожденного к земле архиерея Каиафу, тестя его Анну и весь еврейский синедрион, по телам которых ходят лицемеры. Виргилий расспрашивает Катахано о дороге в ад и, узнав, что Злой-Хвост обманул его (Ада XXИ, 109–111), разгневанный, уходит ско-

рыми шагами.

1. Мы молча шли, одни, без адской свиты, —
Вождь впереди с угрюмостью чела,
А я во след, как ходят миноpиты.[492]

4. Брань демонов на память привела
Мне баснь Езопову с нравоученьем
О том, как мышь с лягушкою плыла.[493]

7. Теперь и днесь не так сходны значеньем,[494]
Как баснь с той дракой, если в них сравнить

---

[492] Примечания: 492

Монахи францисканского ордена, называемые миноритами (frati minori), из действительного, или притворного смирения, ходят обыкновенно с поникшею головою: точно так идут теперь и поэты, задумавшись по поводу приключения, которого они были свидетелями.

[493] Примечания: 493

В этой басне Езоп рассказывает про мышь, заключившую дружбу с лягушкою. Лягушка, желая погубить мышь, вызвалась путешествовать с нею вместе и для того привязала ее к себе. Прибыв к болоту, лягушка прыгнула в воду и утопила мышь. Пролетавший мимо коршун, заметив мертвую мышь в воде, схватил ее; но вместе с нею вытащил и привязанную к ней лягушку и проглотил обеих. Последнее приключение сходно с этою баснею тем, что два демона, желая повредить друг другу, оба попали в кипящую смолу, которая поглотила их, как коршун мышь и лягушку.

[494] Примечания: 494
В подлин.: mo ed issa — два областные слова, обозначающие *теперь*.

Внимательней начало с заключеньем.

10. И как от дум исходит мыслей нить,
Так эта мысль иную городила,
Чтоб больший страх мне в сердце поселить.

13. Я думал так: за нас происходила
У них борьба на хлябях смоляных
И им она конечно досадила

16. И если гнев сольется с злостью их,
За нами сволочь яростней помчится,
Чем гонит зайца стая псов борзых

19. Я чувствовал, что уж по мне струится
Холодный пот, и, озираясь вспять,
Сказал: «Учитель, если мы укрыться

22. Не поспешим, Злых-Лап не миновать!
Уже за нами рой их устремился;
Мне чудится, я слышу их опять,» —

25. «Будь я стеклом, не так бы отра-

зился,[495]»

Он отвечал: «наружный образ твой
Как внутренний во мне изобразился

28. Так мыслями я сходствую с тобой,
Что оба мы теперь одно и тоже
Задумали в опасности такой.

31. Но если здесь направо склон отложе,
Мы убежим от мстительных врагов,
Лишь бы успеть сойти в другое ложе.»

34. Не досказал еще учитель слов,
Как я увидел их отряд крылатый
Так близко к нам, что нас схватить готов,

37. Тогда прижал меня к груди вожатый,
Как мать, когда, услышав крик: горим!
И видя дом весь пламенем объятый,

40. Хватает сына и в просоньи с них,

---

[495] Примечания: 495

В подлин.: S'io fossi d'impiombato retro — будь я стекло, обложенное свинцом, т. е. зеркало.

В одной сорочке (помня лишь о сыне,
Не о себе) бежит в огонь и дым.

43. Он вниз скользил по каменной стремнине,[496]
Повергшись навзничь на крутой гранить,
Которым заперт вход к другой долине.

46. По желобу так быстро не бежит
Ручей в колеса мельницы селенья,
Когда вблизи лопаток уж гремит, —

49. Как вождь скользил по склону чрез каменья,
Держа меня в объятьях как отец,
Не как вожатый, полный треволненья.

52. Едва стопой коснулся дна певец,
Как из-за скал мелькнули их станицы
Над нами; но тут страху был конец:

---

[496] Примечания: 496

Мост через шестой ров разрушен землетрясением в минуту кончины Спасителя (Ада XII, 45 и прим.); между тем поэты были уверены Злым-Хвостом (Ада XXI, 106–111) в целости этого моста и для того, чтобы найти его, идут по внешней ограде шестого рва. По склону этой ограды, лежащей между пятым и шестым рвами, скатывается теперь Виргилий, не найдя моста и видя близкую погоню демонов.

55. Поставив их на страже той темницы,

Святый закон лишил их власти всей

Переступать через свои границы.

58. Тут зрел я сонм повапленных теней,

Ходивших вкруг тяжелыми шагами

И плакавших в истоме от скорбей.

61. Все в капюшонах, свисших над глазами,[497]

И в мантиях, какие до сих пор[498]

Еще кроятся кёльнскими отцами.

64. Снаружи златом ослепляли взор;

Внутри ж – свинец, столь грузный, что

---

[497] Примечания: 497

Древний комментатор Франческо де Бути рассказывает, что один из кельнских аббатов до того был высокомерен, что просил у папы дозволения братии своего монастыря носить рясы алого цвета, а шпоры и стремена иметь серебреные. Чтобы смирить высокомерие аббата, папа повелел ему и его братии одеваться в черные рясы плохого покроя и употреблять деревянные стремена. По другим, капюшоны кёльнских монахов отличались только значительною величиною. Некоторые вместо Кёльна читают Клюньи, знаменитое бенедиктинское аббатство.

[498] Примечания: 498

Смысл этой казни понятен каждому. О лицемерах сказано: «vae vobis Scribae et Oharisei hypocritae! quis similes estis sepulcris deslbatis, quae aforis parent hominibus speciosa, intus vero plena sunt ossibus mortuorum et omni spurcitia.» Vulg. Matth. XXIII, 27.

солома

В сравненьи с ним был, Фридрих, твой убор.[499]

67. О тяжкий плащ! о вечная истома! —

Мы шли с толпой, налево обратясь

И внемля плачу грешного содома.

70. Но жалкий сонм под тяжестью ряс

Там тихо брел, что с новым все народом

Наш каждый шаг в пути знакомил нас.

73. И я: «О вождь! не замедляя ходом,

Окинь очами эту область мук:

Кто славен здесь иль подвигом, или родом?»

76. И кто-то, слов тосканских слыша звук,

Кричал нам вслед: «Сдержите нот

---

[499] Примечания: 499

Согласно с преданием, император Фридерик II приказывал надевать на государственных изгнанников свинцовые рясы и в этой одежде сжигать их в котлах на костре — факт, исторически недоказанный и, вероятно, пущенный в народ врагами императора, подобно многим баснословным сведениям об этом замечательном муже средних веков. Филалетес.

стремленье!

Куда вы мчитесь через мрачный круг?

79. Быть может, а решу твое сомненье.» —

«Так подожди!» сказал учитель мне:

«И с шагом их соразмеряй движенье.» —

82. И я двоих увидел в стороне:

Они душой, казалось, к нам парили;

Но замедлял их груз на тесном дне.

86. Догнав меня, они, косясь, впереди

Безмолвный взор в мое лицо; потом,

Оборотясь друг к другу, говорили:

88. «Ведь он живой! смотри, как дышит ртом![500]

А если мертвы, то, скажи, где столы[501]

---

[500] Примечания: 500

По представлению Данта, тени только отражение души на окружающей их среде; они имеют все способности чувствовать, но не имеют дыхания, этого существенного признака жизни. Потому тени узнают в Данте живого, видя движения его рта (в подлин. гортани — gola) вследствие дыхания.

[501] Примечания: 501

Стола — богослужебное облачение католических священников.

Тяжелые на этом и на том?»

91. И мне: «Тосканец, ты, пришедший в школы,

Где лицемеры, льют потоки слез,

Сказать: кто ты, в труд не вмени тяжелый.»

94. А я в ответь: «Родился я и взрос

На славном Арно в городе великом;

В сей мир с собою тело я принес.

97. Но кто же вы, по чьим печальным ликам

Струится дождь столь горестной росы?

К чему сей блеск при вашем горе диком?»

100. И мне, один: «Наш блеск не для красы!

Под ним свинец, столь тегостный, что кости

У нас трещат, как грузные весы.[502]

---

[502] Примечания: 502

Вздохи и плач теней, отягченных свинцовыми мантиями, Данте сравнивает с весами, которых коромысло трещит под тяжестью груза.

103. Веселые болонские мы гости:[503]
Я Катален; Лодринго – мой сосед.[504]
Нас, как людей без зависти и злости,

106. Твой город призвал в нем блюсти совет;
Но что мы были с нашим богомольем,
Пускай Гардинго даст тебе ответ![505]*»*

109. Я начал: «Братья, вашим своеволье...»
И вдруг замолк! глазам моим предстал
Во прахе грешник, к трем прибитый кольям.[506]

---

[503] Примечания: 503
В папствование Урбана IV, многие дворяне из Болоньи просили у папы дозволение учредить орден, в котором они могли бы весть жизнь благочестивую, не отрекаясь впрочем от своих богатств и не подчиняя себя монашеским обетам. Урбан дал им устав, не дозволивший братии иметь золотые шпоры и узды, запрещавший вступать в какие либо гражданские должности, разве только с миротворною целью, позволявший подымать оружие только на неверных и врагов церкви. Монахи, этого полусветского ордена носили красный крест с звездою на правом боку и назывались, milites Mariae. Они обладали огромным богатством, пользовались полною свободой и вели разгульную жизнь, за что получили в насмешку от народа, прозвание *веселого братства* (frati godenti). Боккаччио.

[504] Примечания: 504
Когда граф Гвидо Новелло и его партия (Ада X, 31–33 и прим.), после

падения Минофради, почувствовали всю шаткость своего положения, они призвали в подесты Флоренции Катилано Каталани или де Малавольти и Лодеринго дель Андало, двух монахов из упомянутого выше ордена, из которых последний был одним из его основателей. Первый из них был Гвельф, второй Гибеллин: выбором представителей двух партий надеялись водворить спокойствие в городе. Между тем Гвидо Новелло поссорился с 26 buon'uomini из цехов города и, так как попытка его распустить эту корпорацию встретила сопротивление со стороны народа, то он, по проискам двух монахов, вынужден был оставить город. Следствием этого было изгнание Гибеллинов и отрешение обоих монахов от занимаемой ими должности. Виллани говорит: «Народ призвал этих двух людей и дал им помещение во дворце, в полной уверенности, что они, как обещала их почтенная одежда, останутся честными и избавят общину от неумеренных расходов. Однако ж, не смотря на то что они принадлежали различным партиям, на деле оказалось, что оба они под монашескою рясою были хитрые лицемеры, заботившиеся более о своей, нежели об общей пользе.» Villani, Lib.VII, cap. 3.

[505] Примечания: 505

Гардинго — часть города во Флоренции; здесь находились дворцы Уберти, вождей гибеллинской партии, сожженные этими двумя подестами, подкупленными от Гвельфов. В последствии тут находился: Palazzo di Signoria (теперь Palazzo vecchio).

[506] Примечания: 506

Этот пригвожденный к трем кольям грешник, лежащий поперек дороги: так, что по его телу переходят прочие лицемеры; есть первосвященник иудейский Каиафа, который говорил Фарисеям: «Vos nescitis quidquam, nec cogitatis, quia expedit vobis, ut unus moriatur homo pro populo, et non tela gens pereat.» Joan. 'XI, 50. Он помещен вместе с тестем своим Анною (Ioan. XVIII, 3) и всем еврейским синедрионом в число лицемеров за то, что личиною усердия к вере скрывал ненависть и зависть.

112. Узрев меня, он весь затрепетал,
Браду, как ветром, вздохами развеяв:
А Каталан, заметив то, сказал:

115. «Преступник сей в собраньи Фарисеев
Советовал на муку принести
Единого за весь народ Евреев.

118. За то, ты видишь, поперек пути
Лежит ногой, да сам он взвесит бремя
Всех проходивших на своей груди.

121. И тесть его низринут в тоже время
На туже казнь и весь синедрион,
Что был Евреям всех их бедствий семя.»
124. Тут видел я, как был ты изумлен,
Виргилий, тем, который так позорно[507]
В изгнанье вечном к плахе пригвож-

[507] Примечания: 507
Намек на разрушение Иерусалима Титом.

ден.[508]

127. Потом спросил учитель благотворный:

«Скажите мне, коль то известно вам,

Направо нет ли здесь дороги торной,

130. Которой бы отсюда выйти нам

И не просить у дьявольской дружины

Проводника по горным сим местам?»

133. И брат в ответ: «Вблизи от сей пучины,

От главных стен Злых-Рвов отделена,

Идет скала чрез лютые долины.

136. Лишь здесь была разрушена она:[509]

Там вверх взойти вам по обломкам можно,

---

[508] Примечания: 508

Виргилий изумляется, потому что в первое его странствование по аду (Ада XII, 34 и прим.) Каиафа еще не был казнен.

[509] Примечания: 509

О причине, почему мост разрушен над рвом лицемеров, сказано выше (Ада XII, 45 и пр). Может быть также он разрушен и потому, чтобы проходящим необходимо было спускаться в самый ров, и, подошев ближе к лицемерам, видеть, что блестящая их одежда внутри свинец; ибо, смотря на лицемеров издали, наверное, ошибешься. Штрекфусс.

Которыми завален скат до дна.»

139. Мой вождь на миг потупил взор тревожно

И рек: «И так солгал лукавый лжец,

Который там цепляет род безбожный.» —

141. «В Болонье я слыхал» сказал чернец:

«Грехов бесовских много; между ними

Слыхал и то, что дьявол – лжи отец.[510]*»*

145. Тогда пошел шагами вождь большими,

Разгневанный, с смущением лица;

А я, расставшись с грешниками злыми,

148. Шел по стопам бесценного певца.

---

[510] Примечания: 510

Каталано вероятно учился в болонском университете и там слыхал эти слова св. Евангелия (Іоан. VIII, 44).

Песнь XXIV

Содержание. Мгновенное смущение Виргилия устрашает, Данте, но он снова ободряется нежным взором своего учителя. Поэтам предстоит выйти из седьмого рва по страшному обвалу, происшедшему от падения моста над этим рвом. С помощью Виргилия, Данте наконец восходит с большим трудом на следующий мост, перекинутый через седьмой ров; а так как ров этот необыкновенно темен, то поэты, перейдя мост, восходят на внутреннюю ограду рва. *Седьмой* ров весь кипит змеями; между которыми бегают в ужасе взад и вперед грешники: это тати. Руки у них связаны змеями за спиною; змеи впиваются им в чресла, клубятся у них на груди и подвергают их разновидным превращениям. Так, в глазах Данта, змея кидается на одного из грешников, язвит его в шею, и тать, запылав, рассыпается пеплом; но пепел собирается сам собою и грешник опять получает свой прежний вид: кто

тень пистойского святотатца из партии Черных Ванни Фуччи. Он предсказывает Данту будущую судьбу Белых и Черных, причем, желая опечалить поэта, говорит в особенности о предстоящем поражении его партии.

1. В том месяце, как солнце в Водолее
Златит власы на пламенном челе
И снова день становится длиннее;

4. Когда, как снег, белея на земле,
Подобится седому брату иней,[511]
Хоть краток срок пера в его крыле:[512]

7. Пастух, свой корм потративший в пустыне,
Встает, глядит и, видя по полям
Сребристый снег, по бедрам бьет в кручине;[513]

---

[511] Примечания: 511
Седому брату, т. е. снегу. В подлин.: sua sorella bianca: снег, в Италиан. женского рода, как и иней (brioa).

[512] Примечания: 512
В подлин: Ma poco dura alla aua peona tempra — слово в слово: но мало длится раскеп его пера.

[513] Примечания: 513
Естественное движение человека в отчаянии. Портирелли.

10. Идет домой, тоскует здесь и там
И, как несчастный, что начать, не знает;
Потом опять выходит и очам

13. Не верит, видя, как лицо меняет
Весь Божий мир, и на зеленый луг,
Взяв посох свой, овечек выгоняет.[514]

16. Так мой поэт, в лицо встревожен вдруг,
Смутил меня; но с той же быстротою.
Уврачевал бальзамом мой недуг:[515]

19. Пришед к мосту с обрушенной скалою,

---

[514] Примечания: 514

В последней трети Января солнце вступает в созвездие Водолея, в котором оно и остается в первые две трети следующего месяца. И там время, о котором здесь говорится, есть половина февраля, когда ночи, за исключением утренних и вечерних сумерек, длятся почти 12 часов. В эту пору солнце в Италии пригревает уже так сильно, что снег составляет большую редкость: потому-то так и удивился бедный пастух, глядя на нивы, побелевшие от утреннего инея; но удивление его быстро проходит, ибо с восхождением солнца исчезает иней. Эта прелестная картина из сельской жизни отлично выражает состояние души поэта. Привыкнув видеть Виргилий всегда невозмутимо-спокойным, Данте вдруг замечает смущение в его лице (Ада XXIII, 146), и, полагая, что оно происходит от невозможности взойти на страшный обвал горы, приходит в состояние того пастуха, который, ожидая с нетерпением

возврата весны, вдруг видеть побелевшие от инея, как от снега, нивы. Но смущение Виргилия не продолжительнее существования инея, и вскоре светлые лик его успокаивает тревогу Данта. Штрекфусс.

[515] Примечания: 515

Т. е. целительным бальзамом своего приветного взора.

Ко мне склонил он тот приветный взор,

С каким предстал впервые под горою.[516]

22. Потом, подумав, руки распростер,

И, обозрев обвал и торопливо

Схватив меня, пошел на темя гор,

25. И как мудрец, который терпеливо

Обдумывать умеет подвиг свой, —

Мой вождь, подняв меня наверх обрыва,

28. Мне указал над ним утес другой,

Сказав: «Взберись на этот камень голый;

Но испытай, чтоб он не пал с тобой.»

31. Нет, то был путь не для одетых в столы!

За тем, что мы – он тень, я им подъят —

Едва тут шли по камням в путь тяже-

---

[516] Примечания: 516
У подошвы холма в темном лесу (Ада I, 64).

лый.[517]

34. И если б здесь высок был так же скат,
Как с той страны: не знаю, до вершины
Достиг ли б вождь; но я б низвергся в ад.

37. Но как к вратам колодезя в пучины
Идет сей круг наклоном: то одно
Окружие у каждой в нем долины

40. Возвышено,
другое ж склонено.[518] —
Мы наконец взошли на верх обвала,
Отколь последний камень пал на дно.

43. Но грудь моя так тяжело дышала,
Что я не мог уж далее всходить

---

[517] Примечания: 517

Путь этот до того был труден, что не только лицемеры, одетые в свинцовые рясы, не могли бы идти по нем; но даже мы — Виргилий, легкая тень, и я, им влекомый и поддерживаемый — едва могли по нем двигаться.

[518] Примечания: 518

Восьмой круг (Злые-Рвы) идет наклоненною плоскостью к окраине колодезя; потому внешняя ограда каждого рва всегда ниже, нежели ограда внутренняя (Ада XVIII, 1 и прим.). Такое устройство Злых-Рвов имеет значение и нравственное: путь к худшему всегда легче, нежели путь к лучшему (Ада I, 26–30 и прим.) Копишь.

И тут же сел у первого привала.

46. А вождь: «Теперь лень должно победить!

Кто на пуху в житейском дремлет пире,

Не может тот путь к славе проложить.

49. А без нее кто губит жизнь, тот в мире

Слабей оставит за собой следы,

Чем пена на волнах, чем дым в эфире.[519]

52. И так, восстав, преодолей труды:

В ком бодрствует над слабостью отвага,

Тот победите все скорби и беды.

55. Не кончен путь, хоть выйдем из оврага:

Еще длиннейший нам сужден в удел;

---

[519] Примечания: 519

«Quoniam spes impii tamquam lanugo est, quae a vento tollitur; et tamquam spuma gracilis, quae a procella dispergitur; et tamquam fumus, quia vento diffusus est; et tamquam memoria hospitis unius diei praeterountis.» Vulg. Sapient. Cap. V, 15.

Коль понял ты, последуй мне во бла-го.[520]»

58. Тогда я встал и боле, чем имел,

Явил в себе и твердости и воли

И говорил: «Идем, я бодр и смел!»

61. И мы пошли; но тут гораздо бо-ле[521]

Был крут, утесист, тесен и тяжел

Наш горный путь, чем был он нам до-толе:

64. Чтоб скрыть усталость, я беседу вел,

Ползя по камням; вдруг из ближней ямы

Исторгся крик – бессмысленный гла-гол.

67. Не понял я, что значит он, хотя мы

Шли по мосту уже над рвом седьмым;

---

[520] Примечания: 520

Намек на будущее восхождение Данта от Люцифера (Ада XXXIV, 82) на вершину горы чистилища (Чист. XXVII 124).

[521] Примечания: 521

Поэты восходят на утес, который образуя мост, ведет через седьмой ров и коего продолжение разрушено над шестым рвом (Ада XXIII. 136).

Но, мнилось, был то гнева крике упрямый.

70. Я наклонился; но очам живым
Непроницаем был туман над бездной.»
И я сказал: «Учитель, поспешим

73. На том краю сойти с стены железной:
Как, слушая, не в силах я понять;
Так, в ров глядя; не вижу в мгле беззвездной.» —

76. «Не иначе могу я отвечать,
Как делом: должно» возразил учитель:
«Прошенья мудрых молча исполнять.»

79. Тогда со мной нисшел путеводитель
С скалы, где мост примкнут к восьмой стене:
Тут мне открылась лютая обитель.

82. Я в ней узрел все виды змей на

дне,[522]

Крутившихся столь страшными клубами,

Что мысль о них кровь леденит во мне.

85. Да не гордится Ливия песками!

Пусть в ней кишат хелидры, кенкры, тмы

И амфисбен и якулей с ужами;[523]

88. Но змей таких, столь гибельной чумы

Мы в ней, мы там, в отчизне Эфиопов,

При Чермном море, не узрели б мы.[524]

91. В средине рва, между свирепых скопов,

---

[522] Примечания: 522

«В седьмом рве казнятся тати: одни из них превращены в змеи, другие еще носят человеческий образ; от взаимного столкновения они подвергаются бесконечно-разнообразным превращениям, переходят из одного вида в другой, сливаются в необыкновенные образы, спутывают, ненавидят и губят од другого. Читая эту и следующую песни, с одной стороны, изумляешься необыкновенной ясности, с которою выражено одно из причудливейших созданий воображения; с другой, при рассматривании более внимательном, убеждаешься, что и эта картина, дивная и вместе ужасная, не есть пустая игра фантазии, но что, напротив того, изображает с поразительною верностью природу здесь наказуемого порока и людей, ему преданных. Кому не известно, какое сильное влияние имеют один на другого воры, действующие за одно шайками? как ловко передают они друг другу свой язык, свои приемы

и хитрости, переменяют свои роли и, так сказать, превращаются один в другого? как в самых тесных взаимных связях, необходимых для своего преступления, презирают, не завидят и даже, в случае нужды, выдают, губят один другого? Хитрые змеиные извилины пути, на котором действуют тати, их внезапное исчезание и потом столько же неожиданное появление, их беспрестанный страх быть открытыми — одним словом, все, чем отличается это ремесло постыдное, представлено с неподражаемым искусством в этой и в особенности в следующей песнях. Не менее глубокий смысл имеет и то, что осужденные в этом рве взаимно служат орудием своей собственной казни.» Штрекфусс.

[523] Примечания: 523

Исчисленные здесь породы змей заимствованы у Лукана и большею частью принадлежат баснословию: *хелидры* — водяные змеи; *кеньры* (cenchris) — испещренные змеи; *якули* — змеи, бросающиеся на добычу в виде стрел или дротиков; *амфисбены.* (от *ἀμφί* и *βαίνω)* — змеи одинаково толстыя к голове и хвосту, почему и думали в древности, что они могут ползать и вперед и назад. В подлиннике упомянуты еще *фареи:* вероятно, так наз. очковые змеи, приучаемые нынешними Индусами к пляске.

[524] Примечания: 524

Здесь приведены три пустыни, окружающие Египет: Ливийская на лево от Нила; Аравийская за Чермным морем (где, по словам Геродота, водились летучие змеи) и к югу Эфиопская. Филалетес.

В испуге рыскал рой теней нагих,
Ища норы, ища гелиотропов.[525]

94. Опутаны змеями руки их;
Впиваясь в тыл и пастью пламенея,
Клубятся гады на груди у них.

97. И вот, пред нами, в одного злодея
Метнулся змей и уязвил его
В том месте, где с плечом слилася шея.

100. Не пишется так скоро И иль О,[526]
Как вспыхнул он, я так горел жестоко,
Что пеплом весь рассыпался на дно.

103. И, по земле развеянный далеко,
Собрался пепел сам собой и вновь
Свой прежний вид приял в мгновенье ока.

106. Так, по словам великих мудрецов,

---

[525] Примечания: 525

Гелиотроп, камень из породы ясписов, темно-зеленого цвета, имевший, согласно с верованием простого народа в средние века, свойство делать обладателя им невидимым. Тати не надеются уже найти какого-нибудь потаенного места, или другого средства, чтобы скрыться от змей.

[526] Примечания: 526

Буквы самые легкие для написания.

Кончается я вновь из пепелища
Родится Феникс, живший пять веков.

109. Не злак полей, ему цвет нарда пища;
А слезы мирры и аммом ему[527]
Дают костер последнего жилища.[528]

112. И как больной, Бог знает, почему,
Вдруг падает, иль бесом сокрушенный,
Иль омраком, в очах разлившим тьму;

115. Потом встает, бросает взор, смущенный[529]
Злой немощью, от коей так страдал,
И переводит вздох в груди стесненной:

---

[527] Примечания: 527
Подражание Овидию, Metam. XV, 393–400.

Non fruge, neque herbis,
Sed turis lacrimis, et aueco vivit amomi.
Haec ubi quinque suae complevit saeeula vitae,
Ilicis in ramis, tremulaeve cacumine palmae,
Unguibus et aando nidum sibi construit ore,
Quo simul ac casias, et nardi lenis ariatas,
Quassaque cum fulva substravit cinnama myrrha;
Se super iroponit, finitque in oduribus aevum.

[528] Примечания: 528
Нард (andropagon nardus) — ароматное растение; аммом — эфиопский тмин; мирра — смолистый сок душистого дерева.

[529] Примечания: 529

Сравнение с больным, страждущим падучею болезнью, которую в древности и в средние века приписывали силе демона.

118. Так грешник сей в смятений восстал.[530] —

О Господи! как строго Твой правдивый,

Предвечный суд злодея покарал![531]

121. Мой вождь спросил: кто был он нечестивые?

И дух: «Недавно, волею судеб,

В сей лютый зев я пал с тосканской нивы.

124. Как зверь я был между людьми свиреп;

А Ванни Фуччи, мул и скот! Пистойя

Была меж вас достойный мой вертеп.[532]

---

[530] Примечания: 530

Мы неоднократно говорили, что у Данта все грешники, согрешившие непосредственно перед Богом, наказуются проявлением Его божественного света. Мысли этих грешников невольно обращаются к Богу, и вместе с тем мучат, или внезапно уничтожают их. Последнее мы видим на этом святотатце. Он похитил принадлежащее Богу; потому мысль о Боге отнимает у него последнюю его собственность — его образ. Мысль о Боге мгновенно уничтожила его в собственном сознании: он сгорает и рассыпается пеплом; но пепел опять собирается (ст. 105), грешник опять получает прежний образ, как феникс, и получает для того, чтобы снова богохульствовать (Ада XXV, 1–3). Копишь.

[531] Примечания: 531

Опять обращение к правосудию Божественному, как при всех проявлениях пламени в аду (Ада XIX, 10 и примеч.).

[532] Примечания: 532

Ванни Фуччи де' Ладзери, побочный сын Фуччио Ладзери из Пиетойи (почему Данте и называет его *мулом),* один из самых свирепых приверженцев партии Черных (о происхождении партии Черных и Белых см. Ада VI, 64, примеч.). Согласившись с двумя молодыми людьми, он вызвался убить Фоккаччиа Канчелиери из белой линии; но как этот скрылся, то они умертвили рыцаря Бертино, за что Фоккаччиа с своей партией и племянником Бертино умертвил Детто из черных Канчелиери. Тогда начальство Пистойи, желая положить конец этому душегубству, изгнало из города обе партии, кроме Бертакки, отца Фоккаччии; то Фреди, один им Черных, успел пробраться в город и заколол Бертакку, после чего изгнанникам дозволено было возвратиться. Началась явная борьба между партиями; при малейшем поводе происходили кровавые драки; каждое убийство влекло за собою ряд новых. Так, по случаю одной такой стычки, Ванни Фуччи отравил дом Царино де' Ладзери, перешедшего к партии Белых, и завладел его боевою лошадью. В другой раз солдаты подесты города хотели разогнать толпу вооруженных людей, собравшихся в дом Ладзери: узнав об этом, Ванни Фуччи ворвался в толпу, разогнал солдат и при этом убил одного из лучших рыцарей подесты, который, видя невозможность обуздать неистовство партий, принужден был после этого события сложить с себя достоинство градоначальника. Мы нарочно привели все эти подробности, чтобы, с одной стороны, показать, какими страшными смутами волновались в то время города Италии; а с другой, чтобы оправдать перед читателем Данта, присудившего такую лютую казнь человеку, причинившему столько бедствий Тоскане. Филалетес.

127. И я: «О вождь! пусть он, пред нами стоя,

Поведает, за что он пал сюда,

Жив на земли средь крови и разбоя?[533]*»*

130. Услышав то, не скрылся он тогда;

Но взор пытливый на меня уставил

И покраснел от горького стыда.

133. «О том грущу,» он речь ко мне направил:

«Что в этом срам ты меня узрел;

А не о том, что я твой мир оставил.[534]

136. Так ведай же, о чем ты знать хотел;

Я здесь за то, что с алтаря святого

Прекрасную похитить утварь смел.

---

[533] Примечания: 533

Данте, зная Ванни Фуччи как человека кровожадного и грабителя, удивляется, почему он помещен между татями, а не в седьмом кругу между насильователями ближних — разбойниками (Ада XII).

[534] Примечания: 534

Он стыдится не своих убийств, но того, что уличен в унизительной краже.

139. И обвинил коварно в том другого.[535]

А чтоб не в радость был тебе мой стыд,

Когда придешь из мрачных стран ты снова,

142. То эта весть пусть слух твой изумит:

Сперва Пистойя Черных всех разгонит,

Потом граждан твой город обновит.

145. Из Вальдимагры, что в туманах тонет,

Поднимет Марс грозы кровавый пар[536]

---

[535] Примечания: 535

Вот рассказ древних комментаторов об этом событии: однажды, во время карнавала, после шумной пирушки в доме честного нотариуса Ванни делла Моны или Новы, Ванни Фуччи, сговорившись с двумя товарищами, пробрался в ризницу собора Св. Иакова, похитил оттуда знаменитую церковную утварь и спрятал ее в доме Ванви делла Моны. Подеста города, узнав о покраже, велел схватить многих молодых людей, имевших худую репутацию, хотя и невинных в этом деле, и для получения сознания подвергнул их столь страшной пытке, что один из истязуемых, Рамппо Форезе, умер среди истязания. Между тем Ванни Фуччи, удалившийся в это время из города, известил письмом, где скрывается утварь. Ванни делла Мону схватили и без дальнейшего суда повесили. Бенвенуто да Имола.

[536] Примечания: 536

Данте сравнивает маркиза Малеспину, коего владения находились в

Вальдимагре, с паром, скопившимся в этой долине в грозовые тучи, разразившиеся наконец бурею в поле Пичено около Фачеккио, где Белые окончательно были разбиты, и это поражение было причиною изгнания этой партии из Флоренции (Villani, Iib. VIII, cap. 44). Может быть, под кровавым паром Данте разумеет Черных. Замечательно также, что Виллани упоминает о комете, явившейся в 1301 и сопровождавшейся черным дымом, что принимали за дурное предзнаменование, тем более, что она явилась в том месяце, когда Марс и Сатурн сходились в созвездии Льва. Не на это ли явление природы намекает Данте? Филалетес.

И на поле Пичено вновь застонет

148. Бурь яростных неистовый разгар

И весь туман с полей рассеет вскоре

И Белым страшный нанесет удар.

151. Так говорю, чтоб ты изведал горе![537]*» —*

---

[537] Примечания: 537

Считаем нужным привести здесь краткий перечень событий, на которые намекает Данте. Когда смуты в Пистойе достигли высшей степени (см. выше), одна партия, называвшаяся умеренною (posati) и более склонная к Белым, принудила старшин пистойских передать управление городом Флоренции, где в то время перевес был на стороне Белых. Присланные флорентинцами подеста и capitano действовали сначала в духе умеренных; но вскоре передали все места в городе Белым и наконец, в 1301, поставили Андрея Герарднви в подесты Пистойи с условием выгнать окончательно всех Черных, что и успел он вскоре исполнить при содействии народа. И так в это время «Пистоия разогнала всех Черных» (ст. 143). Между тем в самой Флоренции произошел переворот в пользу Черных (Ада VI, 64, примеч.), на что намекает след. стих. Однако ж Пистоия все еще оставалась во власти Белых; но вскоре принуждена была начать войну с флорентинцами, которые, соединившись с Луккийцами, начали отнимать у нее крепости одну за другою. Особенно долго защищался замок Серравалле против соединенных войск луккских и флорентинских под предводительством маркиза Мороелло Малеспины. Наконец, в 1305, осаждена была и самая Пистоия; Луккийцами предводительствовал опять маркиз Малеспина. После долгой обороны, голод наконец заставил Пистойцев сдаться с условием, чтоб Белым были оставлены два замка в горах (в так наз. Montagna). Вслед за тем были изгнаны все Белые как из Пистойи, так и Флоренции; дома их разрушены, а имущество конфисковано. Филалетес.

Песнь XXV

Содержание. Пока Ванни Фуччи страшно богохульствует, на него кидаются змеи: одна стягивает ему шею, другая скручивает руки. Он бежит, преследуемый кентавром Какусом, на спине которого распростерт дракон огнедышащий. Между, тем перед Дантом восстают три другие тени: Авьедо, Буозо и Пуччио Шианкато. Тень первого сливается с шестиногим драконом, внутри которого обитает душа Чианфы, и оба превращаются в одно страшное чудовище. Вторая тень узнается червою змеею, в коей поселен дух грешника Кавальканте: тогда перед глазами Данта совершается дивно-страшное событие – человек превращается в змею, змея в человека. Третья тень, Шианкато, только одна остается непревращенною.

1. При сих словах, поднявши обе руки,
Шиши просунул меж перстов зло-

дей[538]

И проклинал весь ад и адски муки.

4. Но тут змея – с тех пор люблю я змей![539] —

Ему стянула будто петлей шею,

Как бы сказавши: продолжать не смей!

7. Другая, кинувшись на грудь злодею,

Так сжала руки, так впилась в него,

Что двинуть он не мог рукой своею.

10. Пистойя! о Пистойя! для чего

Не обратишься в пепел, коль пороком

Ты превзошла и предка своего?[540]

13. Я не встречал во всем аду глубоком

---

[538] Примечания: 538

Шиш — fico — жест самый обидный в Италии. Sozomenes, в своей Истории Пистойи, рассказывает, что однажды Пистойцы, в обиду флорентинцам, поставили при Карминьяно столбы с изображением руки, указывающей на Флоренцию и имевшей большой палец просунутый между указательным и средним, и прибавляет: Nam vulgus vocat eas ficas. Филалетес.

[539] Примечания: 539

С этого времени Данте, вместо отвращения к змеям, почувствовал уважение, видя, как они наказали богохулителя.

[540] Примечания: 540

Мы выше видели (Ада XXIV, 143 и примеч.), что ожесточение партий достигло в Пистойи высшей степени; ст. 12 намекает, по-видимому, на предков Пистойцев, ибо город с издавна много терпел от междоусо-

бий; или, может быть, на тот остаток рассеянного войска Катилины, который, по разбитии возмутителей, поселился в Писториуме (лат. Pistjojas) и состоял из самой безнравственной сволочи. Каннегиссер.

Нигде стол дерзких пред Творцом теней;

Не так был горд у Фив сраженный роком![541]

16. Он в ужасе помчался без речей.

И видел я: Кентавр рассвирепелый

Бежал, крича: «Где дерзкий? где злодей?»

19. Не думаю, чтоб столько змеи шипело

В Маремме, сколько он в хребте носил[542]

До плеч, где наше начиналось тело.

22. На раменах его, вцепившись в тыл,

Лежал дракон с разверстыми крылами

И полымем встречавшихся палил.[543]

---

[541] Примечания: 541
Капаней (Ада XIV, 63 и прим.).

[542] Примечания: 542
Маремма (Ада XIII,).

[543] Примечания: 543
Тати вечно бегут как содомиты и трусы (Ада XV, 37 и III, 82 и д.), а потому каждый останавливающийся наказуется Какусом как супротивник воле Божьей. Теперь он гонится за Ванни Фуччи.

25. И вождь сказал: «Вот Какус перед вами!

Под камнями у Авентинских гор

Как часто кровь он проливал реками![544]

28. К своим он братьям не причтен в собор,

За тем, что там, в соседстве, свел из вида

Большое стадо как искусный вор.

31. За то издох под булавой Алкида,

Который, верь мне, сто ударов дал,

Хоть десятью отмстилася обида.[545]»

34. Он говорил; меж тем Кентавр бе-

---

[544] Примечания: 544

Какус, сын Вулканов, живший в пещере под Авентинским холмом около Рима и занимавшийся разбоем, похитил четыре пары волов у Геркулеса, когда этот, отняв стада у Гериона (Ада XVII, 1 и пр.), прогонял их по Италии. Для того, чтобы скрыть свое похищение, Какус прибегнул к хитрости: втащил волов в свою пещеру за хвост с той целью, чтобы направление следов похищенных животных обмануло Геркулеса; но быки ревом своим открыли Геркулесу похитителя, который за то и погиб под его булавою. Данте придал этому разбойнику вид Кентавра, вероятно не поняв выражения Виргилиева; semihomo; огнедышащего же дракона он, вероятно, поместил на плечи Какуса потому, что Виргилий придает ему способность извергать из себя пламя и дым (atros vomens ore ignos): извергая из себя черный дым, он затемнял свою пещеру. — Какус, символ татьбы, а вместе с тем и

символ казни татей, подобно Церберу, Минотавру и др., за эту хитрую кражу, отделен от прочих Кентавров, помещенных в первом отделе седьмого круга (Ада XII, 56).

[545] Примечания: 545

Прекрасная картина гнева: Геркулес, символ силы, так разгневан хитростью, что в ярости еще наносит удары, хотя похититель погиб уже от первых ударов. Копишь.

жал,
Тогда предстали нам три тени новы;
Но их ни я, ни вождь не замечал,

37. Пока они не закричали: «Кто вы?»
И потому, рассказ прервавши свой,
Внимать словам их были мы готовы.

40. Я их не знал; однако ж, как порой
случается, случилось в эту пору,
Что одного из них назвал другой,

43. Сказав: «Чианфа, где ты скрылся в нору?»
А потому я перст прижал к губам,
Чтоб вождь прислушался к их разговору.

46. Читатель! если ты моим словам
Не вдруг поверишь, не дивлюсь: очами
Все видел я, но им не верю сам!

49. Гляжу на них с поднятыми бровями:

Вдруг бросился на одного из трех,[546]
И сросся с ним дракон с шестью ногами.

52. Живот облапив средней парой ног,
Передние он на руки накинул
И, в щеки впившись, на него падет;

55. Потом по бедрам задние раздвинул
О, между ног огромный хвост продев,
По чреслам сзади вверх его закинул.

58. Так плотно плющ не вьется вкруг дерев,
Как вкруг души ужасный гад обвился
И наконец, вполне рассвирепев,
61. Как с воском воск, с ней членами слепился,
И их цвета в один смешались цвет;
Тогда их вид внезапно изменился.

---

[546] Примечания: 546

Чианфа Донати (по др. Абати), из партии Черных, превращен уже в шестиногого дракона (см. ниже ст. 50.). Спрашивающий о нем — флорентинец Аньелло или Анджелло Брунелески. Вероятно, они делились кражею при жизни: по этой причине они теперь сливают свою последнюю принадлежность — наружный образ — в одно целое, в такое чудовище, что не один из них не знает, что кому принадлежит. Оба были флорентинцы, из партии Гвельфов (Черных); более о них ничего неизвестно. Копишь.

64. Так пред огнем ложится темный след
В папирусе, где черного нет цвета,
Но между тем и белого уж нет.

67. На них глядят другие два клеврета,
Клича: «Аньель! как изменился ты!
Ты не один теперь, ни два предмета!»

70. Две головы уже в одну слиты;
Два призрака в один преобразились;
В одном лицо исчезли двух черты.

73. Из четырех две лапы появились;
Живот и грудь и бедра и глава[547]
В неслыханные члены превратились.

76. Уж вид их был не тот, что был сперва:
И вот явился страшный образ взору,
И образ тот был ни один, ни два. —

---

[547] Примечания: 547
По словам Пиер Крешенцио, современника Дантова, в средние века нередко употребляли для светилен в лампадах и свечах волокна папируса (papyrus), особенного тростника, из которого древние приготовляли бумагу. Даниелло полагает, что Данте употребил здесь галлицисм, сказав *papiro* (papier) вместо *carta;* но это едва ли справедливо, потому что во времена Данта еще не приготовлялась ваша бумага из тряпья.

79. Как в знойный день, в каникульную пору,

Нам прерывает ящерица путь,

Как молния с забора мчась к забо-

ру:[548]

82. Так бросился к двум грешникам на грудь

Змей огненный, с хвостом чернее перца,

Столь яростный, что страшно и взглянуть.

85. И там, где мы кровь матернего сердца[549]

Впервые пьем, пронзил он одного

И, протянувшись, пал к ногам лжевер-

---

[548] Примечания: 548

К числу многочисленных сравнений, верно схваченных Дантом с природы, принадлежит без сомнения и кто уподобление. Красивое животное, о котором здесь говорится и коего быстрые, как молния, движения в жаркие летние месяцы вероятно памятны каждому, бывавшему летом в Италии, есть обыкновенная ящерица, Lacerta agilis L. Она живет под камнями у стен и заборов и, согретая солнцем, с поразительною быстротою кидается за жучками и др. насекомыми, которыми питается. Едва ли можно изобразить короче и живописнее движения этого животного, чем в этих стихах. Фидалетес.

[549] Примечания: 549

Т. е. в том месте, где зародыш в утробе матери получает кровь через пуповину.

ца.

88. Пронзенный зрит злодея своего
И, недвижим, безмолвствуя, зевает,
Как если б зноб, иль сон томил его.

91. Он на змею, та на него взирает;
Он раною, она дымится ртом,
И черный дым, сшибаясь, их скрывает.

94. Молчи теперь и ты, Лукан, о том,
Как был сожжен Сабел змеей-медузой,
И выслушав, что видел я потом.[550]

97. Молчи, Назон, о Кадме с Аретузой:
Пусть он в змею, она в живой поток
Превращены твоей волшебной музой;[551]

---

[550] Примечания: 550

Лукан в своей Фарсалии (IX, 763–804) повествует, что во время похода Катона младшего (Ада XIV, 15 и прим.) один солдат из его войска, по имени Сабел, был уязвлен змеею, по прозванию sepa, и тут же от внутреннего жара рассыпался пеплом. В подлиннике упоминается и о другом солдате, Нассидие, который, по словам того же поэта, был ужален в то же время змеею prester, и распух до того, что на нем лопнули железные латы.

[551] Примечания: 551

О превращении Кадма в дракона см. Ovid. Metamph. VI, 563–602; о превращении Аретузы в ручей V, 572.

100. Но изменить ты никогда б не мог
Так двух существ, чтоб оба превратились
Одно в другое с головы до ног! —

103. Змея и дух так видом обменились,
Что хвост у ней рассекся, раздвоясь;
А у него стопы соединились.

106. И голени, между собой слиясь,
Срослися так, что вскоре не имела
Уж и следов слиянных членов связь.

109. Двурогий хвост стал тою частью тела,
Что скрылась там, и кожа у змеи
Смягчалася, а у него твердела.

112. Я зрел, как руки прятались в свои
Плеча, насколько ж руки уменьшились,
Настолько лапы у нее росли.

115. .....
.....
.....

118. Пока их дым в цвет новый облекал,

Пока дракон власами покрывался,
А раненый их с головы ронял, —

121. Один восстал, другой же пресмыкался,
Друг с друга страшных не сводя очей,
От коих в каждом образ изменился.

124. К вискам надвинул лик восставший змей;
А из того, что здесь излишним стало,
Явились уши сзади челюстей;

127. И что назад с лица не убежало,
Слилося в нос и, ряд покрыв зубов,
Раздулось в губы, сколько надлежало.

130. У падшего вытягивался клёв;
Уж след ушей в его главе сокрылся,
Как прячутся рога у слизняков.

133. Язык, сперва столь дерзкий, раздвоился;
А у змеи двойное лезвие
Слилось в язык и – дым остановился.

136. Душа, приняв иное бытие,

Как гад шипящий, уползла в долину;
А тот с проклятьем плюнул на нее.

139. И, новую к ней обративши спину,
Сказал: «Пусть там, где ползал я сперва,
Ползет Буозо в адскую пучину.[552]» —

142. Так превращался рой седьмого рва
Из вида в вид, и мне да извинится,
Что ясностью не блещут здесь слова.

145. Хоть было тут чему очам дивиться,
Хотя мой ум от страха изнемог:
Все ж не могли три тени так укрыться,

148. Чтоб распознать я Пуччюио не мог:
Из трех теней, подвластных чудной

---

[552] Примечания: 552
Буозо (Буоссо) де' Донати (по Петру Данте, дельи Аббати).

силе,[553]

Лишь он один свой образ уберег;

151. Другой оплакан был тобой, Гавилле!

[553] Примечания: 553

Эти три тени суть Авьелло Брунелески, Буозо Донати и Пуччио Шианкато де' Галигаи; дракон в шестью ногами — Чианфа Донати или Абати (ст. 47–50), черная змея — Франческо или Гвельфо Гверчио Кавальканте: этот последний, принявший теперь вид человека и передавший свою змеиную натуру Буозо Донати, был умерщвлен жителями местечка Гавилле, в Вадь д' Арно ди Сопра; родственники убитого страшно отмстили за него жителям этого города, почему и сказано, что он был оплакан Гавилле. Вообще о всех этих пяти флорентинцах мы имеем мало сведений; известно только, что двое из них: Чианфа Донати и Брунелески были Черные, а Буозо Абати и Кавальканте — Белые.

Песнь XXVI

Содержание. Предсказав Флоренции грядущие бедствия за испорченность нравов ее жителей, Данте, поддерживаемый Виргилием, восходит с великим трудом с внутренней ограды седьмого рва на мост, перекинутый через *восьмой* ров. Повиснув над бездною, поэт глядит на дно и видит бесчисленное множество летающих огненных куп, в которых заключены души злых советников. Один из этих пламенников к верху раздвоен, и Данте, спросив о нем Виргилия, узнает, что в пламени казнятся Улисс и Диомед, как люди, заодно действовавшие и словом и делом на погибель Трои. Первый, на вопрос Виргилия, ответствует, как он убедил товарищей проникнуть за столпы Геркулесовы; как, пустившись в открытый океан, достиг высокой горы (чистилища), и как восставший от горы жестокий вихрь разрушим его корабль, и потопил его со всеми товарищами.

1. Гордись, Флоренция, своей державой!

Весь мир дрожит под сенью крыл твоих[554]

И целый ад гремит твоею славой!

4. В числе татей я встретил пять таких

Твоих граждан, что должен их стыдиться;

Честь и тебе не велика от них.

7. Но если нам пред утром правда снится,[555]

Почувствуешь ты скоро то, чему[556]

Не только мир, сам Прат возвеселится.[557]

---

[554] Примечания: 554

В подлин.: poi che se' si grande, Che per mare e per terra batti l'ali. Так как Флоренция, могущественный оплот Гвельфов, не имела морских сил, даже в самое цветущее свое состояние; то стих этот надобно принимать только как выражение ее могущества и славы вообще. Каннегиссер.

[555] Примечания: 555

Утренние сны, согласно с древним преданием, бывают обыкновенно правдивы. Овидий говорить:

«Namque sub Aurora jam dormita nte lucerna

Tempore quo cerni somnia vera solent.»

Один старинный комментатор правдивость утренних снов объясняет так; «Обманчивые сновидения зависят большею частью от внешних влияний, преимущественно от обременения желудка, которое к утру

обыкновенно проходить; но когда душа ваша, от таких уз освобожденная, как бы отторгается от своего тела и так сказать, возвращается к родному ей естеству божественному, тогда сны ваши становятся правдивыми.» Филалетес.

[556] Примечания: 556

Предчувствие бедствий родного города Данте приводит в форме сновидения. Несчастия Флоренции, на которые намекает поэт, были: во-первых, падение моста Caraja через Арно, в 1304, во время представления на реке адских мучений грешников, при чем погибло множество народа; во-вторых, страшный пожар, произведенный Черными и истребивший 1700 домов, принадлежавших Белым; наконец, раздор между Черными, разделившимися на партию народа (под начальством Россо делла Феза) и партию вельмож (под начальством Корсо Доната), раздор, кончившийся убиением последнего.

[557] Примечания: 557

Соседние города Италии ненавидели Флоренцию за ее притеснения. Так упоминаемый здесь Прато, маленькая крепостца, принадлежавшая Флоренции, была принуждена заплатить в 1292 г. флорентинцам 10,000 флоринов пени за то, что не выдала им скрывшегося в ней убийцу. — Смысл этого стиха: не только отдаленные, но и ближайшие места, каков Прато, желают твоей погибели. Другие разумеют здесь кардинала Николая ди Прато, который, после тщетных стараний примирить враждующие партии, вынужден был наложить в 1304 церковное запрещение на Флоренцию.

10. Теперь настал приличный час тому:

Коль быт бедам, пускай приходят скоро!

Поздней, мне их не вынесть самому![558] —

13. Тут мы пошли: по лестнице, с которой,

Как по зубцам, спускались мы сперва,

Взбирался вождь и мне служил опорой.[559]

16. И ноги наши, по обломкам рва

Путем пустынным восходя к вершине,

Без силы рук вверх двигались едва.

19. Смутился я, смущаюсь и доныне,

Лишь только вспомню, что я там

---

[558] Примечания: 558

Все эти бедствия действительно заслужила Флоренция; они будут своевременны, если наступят теперь же; явясь позже, они сильно опечалили бы самого Данта: ибо, по мере того, кат человек стареет, сильнее пробуждается в нем любовь к отечеству. Веллутелло.

[559] Примечания: 559

В предыдущей песне (Ада XXIV, 72), поэты спустились по обрывам утеса на внутреннюю ограду седьмого рва: теперь Данте, поддерживаемый Виргилием, опять взбирается как по лестнице, по этим зубцам (в подлин.: *borni,* собственно те камни, которые в стенах неоконченных выдаются из здания), чтобы по ним взойти на мост, идущий через восьмой ров. Портирелли.

узрел;

Но дух сильней смирил я в сей пустыне,

22. Чтоб мудрости не выйти за предел

И не утратить, что благой звездою,[560]

Иль высшим благом мне дано в удел.[561]

25. Как селянин, покоясь под горою, —

В том месяце, в котором свет и жар

Светило дня льет дольше над землею,

28. В тот час, когда сменяет мух комар, —

Зрит червячков светящих рой в долине,

---

[560] Примечания: 560

В этой терцине выражено омерзение, которое питает поэт к грешникам, здесь наказуемым (злым советникам), употребившим разум, дар божественный, на злые дела.

[561] Примечания: 561

Высшее благо есть божественная воля, которую Данте всегда противопоставляет случаю или влиянию звезд (Ада XX, 46 и XXI, 72 и др.). От Бога истекает свет разума, которые, будучи употреблен во зло, всегда влечет гибель. Филалетес. Копишь.

Где сад его, иль нивы рыхлый пар:[562]

31. Столь много светов двигалось в пучине
Восьмого рва, как я увидел сам,
Когда стоял на каменной стремнине.

34. ……
……
……

37. ……
……
……

40. Так здесь огни носились между скал,
Добыч своих для глаз не обнажая;
Но понял я, что каждый тень скры-

---

[562] Примечания: 562

В этом уподоблении приведены с величайшею точностью все свойства очаровательного Италианского вечера: во-первых, время года, изобильное светящими ивановыми червячками (lucciole), именно летнее солнцестояние, когда солнце всего долее светить; во-вторых, время дня — приближение ночи, когда беспокойные дневные мухи угомонятся и вместо их жужжат водяные мошки и комары (zansara). В это время крестьянин, отдыхая под горою, чтобы защититься от вечерних испарений плодородной, но вредной для здоровья долины, где он занимался сельскими работами, увеселяет зрение бесчисленным множеством светящихся насекомых. Филалетес.

вал.[563]

43. Я на мосту стоял, на дно взирая,
И, не держась за ближний камень, в ров
Я б мог упасть, не бывши столкнут с края.

46. И вождь, узрев, что я упасть готов,
Сказал: «Сей огнь проклятый род скрывает;
Он облечен в пылающий покров.»

49. А я: «Твое мне слово подтверждает
Вполне все то, в чем был я убежден;
Но я желал бы ведать: кто блуждает

52. В том пламени, что к верху раздво-

---

[563] Примечания: 563

В этом рве казнятся злые советники, которые, будучи облечены в пламенные купы и, носясь в них взад и вперед, вечно чувствуют жгучую его силу. — «Смысл этой казни следующий: кто подает злой совет другому, тот согрешает перед светом (разумом), данным ему в избытке сравнительно с другими Богом: они, так сказать, похищают его у Бога. Святые советователи обращали свет своего разума к Богу, а потому, облеченные им как ризою, в единении с Богом, восходят на небо; напротив свет (разум) злых советников, уклонившись от Бога, низводит их в ад, и чем более они от него уклоняются, тем жесточе им наказание. Они, по словам поэта, служат добычею огня, который похищает их души, «ut scirent, quia per quae peccat quis, per haec et torquetur.» Vulg. Sapient. Cap. XI, 17. Эти духовные тати совершенно укрыты от нашего взора, тогда как тати чужих имуществ лишены только внешней своей принадлежности — наружного вида (Ада XXIV

и XV).» Копишь.

ен,

Как столб огня, поднявшийся высоко

С костра, где с братом Этеокл сожжен?»

55. И вождь в ответ: «В нем мучатся жестоко

Улисс и Диомед: как на Троян

Шли вместе в злобе, так ты в ад глубокий

53. Низвергнуты за гнусный свой обман,

Отверзший вход коню в врата градские,[564]

Откуда вышед славный род Римлян; —

61. За хитрый ков, который Дейда-

---

[564] Примечания: 564

Этеокл и брат его Полиник, дети Эдипа, долго споривше, кому должны принадлежат Фивы, умертвили наконец друг друга в поединке. Тела братьев положили на один костер; но поднявшееся с костра пламя раздвоилось, как бы в доказательство того, что безумная ненависть братьев не замолкла и по смерти.

«Tremuere rogi et novus adrena busto

Pellitur, exundan diviso vertice flammae.»

Statius, Theb. XIII, 430.

мие[565]

Судил и мертвой горьки слезы лить;

Здесь за Паллалий терпят муки злые![566]*» —*

64. «Коль из огня им можно говорить,

Молю тебя» сказал я с состраданьем:

«И, вновь моля, готов сто раз молить!

67. Дозволь дождаться мне, пока с сиянъем

Двурогий пламень вступит в устье скал:

Смотри, как я склонен к нему желаньем!» —

70. «Твоя мольба достойна всех похвал,

---

[565] Примечания: 565

Деидамия, дочь Ликомеда, царя скиросского. При дворе Ликомеда Фетида скрыла сына своего Ахилла, переодев его в женское платье, для того, чтобы спасти от опасностей, угрожавших ему, согласно с оракулом, при осаде Трои. Но Улисс скоро открыл Ахилла, явившись ко двору Никомеда купцом с разными товарами, состоявшими из женских украшений и ратного доспеха: первые раскупили женщины, Ахилл же схватил оружие. Тогда Улисс уговорил будущего героя покинуть свою возлюбленную Деидамию и идти вместе с ним под Трою.

[566] Примечания: 566

Улисс и Диомед заключены в одну огненную купу как неразлучные строители хитроумных ковов на погибель Трои. Сюда принадлежат: во-первых, похищение Палладия или Палладиума, статуи богини мудрости, упавшей с Олимпа и хранившейся в Трое в храме ее замка;

от обладании этой статуей зависела, согласно с оракулом Аполлона, судьба Трои, почему Уллисс и Диомед согласились похитить ее и действительно похитили, пробравшись в замок Трои в одежде нищих (ст. 63). — Далее, по совету Улисса, Греки построили деревянного коня, внутри которого спрятались сам Улисс и другие героя; Трояне, поверив Синону, уверявшему, что конь построен как примирительное приношение Палладе, втащили громаду в Трою и, для удобнейшего прохождения ее, сломали даже часть стены; ночью Греки вышли из коня, отперли ворота и впустили приближавшиеся к тому времени войска Греков; тогда Эней, спасаясь из погибавшей Трои, бежал с немногими Троянами и, прибыв в Италию, положил основание будущей Римской Империи.

И я согласен с мыслями твоими;

Но не тебе,» учитель отвечал:

73. «Мне надлежит вести беседу с ними:

Быть может, их, как Греков, дать ответ

Ты не преклонишь просьбами своими.[567]*»*

76. Когда блеснул пред нами яркий свет, —

В приличный час и в надлежащем месте

В таких словах к ним начал мой поэт:

79. «О вы, вдвоем пылающие вместе!

Коль в жизни той я заслужил не раз

Хоть слабую от вас награду чести,

82. Когда писал высокий свой рассказ, —

Не двигайтесь и, если непротивно,

---

[567] Примечания: 567

Греки не стали бы отвечать Данту или по своей гордости, или из ненависти к Латинам, потомкам Троян. — Замечательно, что Данте нигде в своей поэме не вступает в разговор с лицами из древней греческой истории: не есть ли это намек на его незнание греческого языка? Филалетес.

Скажите, где погиб один из вас?»

85. И древний огнь, пророкотав унывно,
Восколебал свой больший рог тогда,[568]
Как светоч, если дунет ветр порывно.

88. И как язык лепечет от стыда,
Так, острием трепещущим взволнован,
Изверг он голос и сказал: «Когда[569]

91. Расстался я с Цирцеей, быв прикован
К ней слишком год в Гаэте, прежде чем
Энеем град был так наименован,[570] —

94. Я остановлен не был уж ни кем:
Ни милым сыном, ни отцом почтен-

---

[568] Примечания: 568

Больший рог заключает в себе душу более разумного Улисса, во зло употребившего более света, т. е. разума, а потому и объятого большим пламенем. *Древним* назван огонь потому, что протекло много веков с тех пор, как в нем заключены эти души.

[569] Примечания: 569

Мысль глубокая! как трудно человеку лжи облечь в слово истину, которая, как огонь, его уничтожающий, объемлет его душу! Это явление еще разительнее выражено в след. песне (Ада XXVII, 4-18). Нельзя не подивиться также глубокомыслию поэта, превратившего этих людей в огненные языки, — людей, которых язык, по слову Апостола, быль огнь, воспаляющий круг жизни. «Et lingua ignis est, universitas iniquitatia. Lingua constituitur in membris nostris, quae maculat totum corpus, et inflammat rotam nativitatis nostrae Inflammata a gehenna.» Vulg.

Jacob. III, 6. Копиш. Филалетес.

[570] Примечания: 570

Следуя Виргилию, Данте принимает местопребывание волшебницы Цирцеи, превратившей спутников Улисса в свиней, не далеко от мыса Монте Чирчелло, между Террачиной и Гаэтой, — городом, так названным Энеем в честь его кормилицы Каэты.

ным,
Ни доброю супругой, чей ярем[571]

97. Мой краткий век соделать мог блаженным:
Дабы узнать добро и горе стран,
Неведомых народам современным,

100. Пустился я в открытый океан,[572]
В одной ладье, с дружиной небольшою,
Которую совет мой ввел в обман.

103. Испанский берег был уж предо мною;
Сардинию, Марокко я узрел
И острова, омытые волною.[573]

---

[571] Примечания: 571

Т. е. ни нежностью к сыну Телемаху, ни преданностью к отцу моему престарелому Лаэрту, ни любовью к супруге Пенелопе.

[572] Примечания: 572

Этот неподражаемый рассказ о гибели Улисса, ни сколько несогласный с повествованием Гомеровым, служит новым доказательством тому, что Данте не знал греческого языка и не читал «Одиссея» в подлиннике. Правда, в его время существовал уже перевод ее, сделанный Пиндаром Тебанусом; но так как этот перевод отличался варварским языком, то и остался почти незамеченным современниками; только по смерти Данта, перевод Одиссеи, исполненный под иждивением Боккаччио и Петрарки Леонтием Пилатом, вошел во всеобщее употребление. Впрочем, если бы даже и была известна Данту Одиссея, он, вероятно, все-таки позволил бы себе это отступление, потому что, прибегая к мифологии и самой истории, поэт, как мы сказали, пользовался ими

по столько, по сколько они могли служить ему для олицетворения его идей. До сих пор неизвестно, откуда заимствовал Данте этот рассказ об Улиссе: есть ли он его изобретение, или основан на средневековых преданиях? Об Улиссе было множество преданий уже в древности: так еще Плиний и Солин называли Улисса основателем Лиссабона; так у Тацита (De Germ. cap. III) сказано, что Улисс посещал берега северного Немецкого моря, где основал город Asciburgium. Наконец, даже в средние века, вероятно, ходило в народе много сказаний как об Улиссе, так и о неведомых странах другого полушария: ибо мы знаем, что еще за долго до открытия Колумба отважные моряки Скандинавии и Исландии посещали уже берега нынешней Америки.

[573] Примечания: 573

Корсика, Болеарские и др. острова, омываемые Тирренским морем.

106. Уж я с своей дружиной постарел,

Когда достиг до узкого пролива,

Где Геркулес поставил свой предел,

109. Чтоб вдаль никто не простирал порыва;[574]

Исчез направо уж Севильи след,

Налево Септа скрылась вглубь залива.[575]

112. «Друзья!» я рек: «изведав столько бед

«В пути своем на запад отдаленный,

«Уже ли мы остаток ветхих лет

115. «Не посвятим на подвиг дерзновенный?

«Вослед за солнцем, по равнинам

---

[574] Примечания: 574

Т. е. до так наз. Геркулесовых столбов (Гибралтарского пролива), образуемых двумя горами, Абидой и Кальпой, где Геркулес поставил свой знаменитый девиз: nec plus ultra. Другими словами: Улисс достиг той границы, которая поставлена человеку (по понятиям того времени) самою силою божественной; перейти этот предел значит идти против воли Бога. Копишь.

[575] Примечания: 575

Севилья город в Испании (Ада XX, 124. и пр.); Септа (Setta), древнее название африканского города Сеута.

вод,[576]

«Проникнем смело в мир ненаселенный!

118. «О вспомните свой знаменитый род!

«Должны ль мы жить как звери? Нет! познанья

«И добродетель – цель земных забот![577]*»*

121. И силою столь краткого воззванья

Я так возжег на подвиг их умы,

Что сам едва в них обуздал желанья.

124. И, обратя к востоку руль кормы,

В безумный путь на веслах, как крылами,

---

[576] Примечания: 576

По понятиям того времени, другая половина земного шара была покрыта морем.

[577] Примечания: 577

Эти-то слова и составляют главное преступление Улисса как злого советника: ими он прикрывает греховность своего дерзкого предприятия, представляя его подвигом добродетели, подобно тому как лжепророки (Ierem. XXIII, см. выше) выдавали свои мечтания за что-то божественное, а потому и погибли, как Улисс, от вихря Господня. Копишь.

Держась все влево, понеслися мы.[578]

127. Уж ночь являлась с чуждыми звездами

Других небес, а наши каждый раз[579]

Все ниже, ниже зрелись над волнами.

130. Пять раз пылал и столько ж снова гас[580]

Испод луны, с тих пор, как в океан[581]

Путь роковой манил все дали нас.

133. Тогда гора явилась нам в тумане:[582]

Во век не зрел я столь высоких гор!

Мы восклицаем в радости заране;

---

[578] Примечания: 578

Обратив руль к востоку, они плыли на Ю. З. влево от прямой линии, проведенной на запад, пока достигли острова чистилища помещенного Дантом на другом полушарии прямо противоположно Иерусалиму, стало быть, под 32° Ю. широты и 158° З. долготы по Гринвичскому меридиану, или почти в 450 немец. миль от северной оконечности Новозеландии. Филалетес.

[579] Примечания: 579

Других небес, т. е. южного полюса.

[580] Примечания: 580

Значит, они плыли 5 месяцев. Гора чистилища отстоит от Кадикса почти на 2050 миль; если принять месяц ровно в 30 дней, выйдет, что в день они плыли около 13 миль, что не должно казаться слишком малым, принимая в расчет несовершенство мореплавания во времена Улисса. Филалетес.

[581] Примечания: 581

Испод луны, т. е. ее нижняя поверхность, которою луна постоянно обращена к земле.

[582] Примечания: 582

Гора Чистилища (см. 124–126, прим.).

136. Но вмиг померк от страха светлый взор:[583]

Внезапно вихрь от новых стран родился

И прямо в борт ударил вам в отпор.

139. Три краты чёлн с волнами закружился;

Вверх поднялась корма в четвертый раз,

И, как хотел Всесильный, киль сломился

142. И море с шумом поглотило нас.[584]»

---

[583] Примечания: 583

«Ecce! turbo Dominicae indignationis egredietur, et tempestas erumpens super caput impiorum veniet.» Vulg Jerem. XXIII, 19.

[584] Примечания: 584

«И так в основе этого дивного рассказа об Улиссе лежит порицание человеческого высокомерия, тех хитросплетений ума, той изобретательности и предприимчивости, которые устремляют деятельность человека за пределы возможного: так то что уже Гораций в третьей Оде Второй Книги изобразил нам мореплавание вообще как дерзкое нарушение воли богов. Потому Улисса, как он выведен здесь, можно сравнить с древними Титанами или Кентаврами, дерзнувшими на брань с самыми богами, или с знаменитым Фаустом средних веков, который для того, что бы утолить жажду к познаниям и удовольствиям, осмелился пожертвовать и жизнью и вечным блаженством. — Кроме того, повествование о гибели Улисса имеет тесную связь и с самою местностью Divina Commedia. Гора, от которой восстал вихрь, погубивший корабль Улиссов, есть гора Чистилища. К этой цели Данте не

мог привести Улисса без того, чтобы некоторым образом не нарушить единства плана своей поэмы, а еще более потому, что этим совершенно опровергалась бы идея о недосягаемости цели, лежащей вне пределов сил человеческих. Следственно прекрасным этим эпизодом поэт заранее приготовляет читателя к скорому переходу во второй отдел замогильного мира — Чистилище.» Каннегиссер.

Песнь XXVII

Содержание. Вослед за удалившимся пламенником Улисса и Диомеда, является пред очами поэтов другой пламень, содержащий в себе душу графа Гвидо де Монтефельтро. Привлеченный ломбардским наречием Виргилия, грешник спрашивает древнего поэта о состоянии Романьи, своей родины. Данте, по приказанию Виргилия, описывает графу в кратких, но резких чертах политический быть этой области Италии и в награду за то просит грешника сказать: я-то он. Тогда душа Гвидо, в полной уверенности, что Данте никогда уже не возвратится в мир и, стало быть, не расскажет о его бесславии, повествует, как подал он злой совет папе Бонифацию VIII; как в минуту его смерти пришел Св. Франциск за его душою и как один из черных херувимов вступил с Франциском в спор о том, кому должна принадлежать она; нам наконец Минос осудил его вечно носиться в огне

восьмого рва. По удалении пламенника Монтефельтро, странники оставляют восьмой и приходят в девятый ров.

1. Уж пламень смолк и, выпрямясь, ответа
Не издавал и отлетел от нас
С соизволенья сладкого поэта.

4. Тогда другой, вослед за ним явясь,
Меня заставил устремиться взором
К его вершине, издававшей глас.

7. Как сицилийский медный бык, в котором
Его творец впервые поднял вой
(Был он казнен правдивым приговором!), —

10. Ревел так сильно стоном муки злой;
Что истукан, хоть вылит из металла,
Казалось, весь проникнут был тос-

кой:[585]

13. Так скорбь души, пока не обретала
Речам своим пути из тайника,
В треск пламени свой говор превращала.

16. Когда же с воплем прорвалась тоска
Сквозь острие, вдруг огнь заколыхался,
Волнуемый движеньем языка,[586]

19. И начал: «Ты, к кому мой глас раздался,
Ты, по Ломбардски молвивший царю
Улиссу: «Сгинь! с тобой уж я расстался![587]

---

[585] Примечания: 585

Перилл, афинянин, подарил Фалариду, тирану аргентскому, медную статую быка, устроенную таким образом, что когда сажали в нее человека и разогревали ее медленным огнем, то стоны несчастного совершенно походили на рев живого быка. Фаларид, приняв подарок, немедленно хотел испытать свойство статуи и для того употребил самого изобретателя, подвергнув его первого жестокой казни, им же изобретенной. Это уподобление намекает на то, что души, наказуемые здесь пламенем, похищенным ими у Бога, сами приготовили себе собственную муку.

[586] Примечания: 586

Эта картина говорящего пламени превосходно задумана как в акустическом, так и нравственном отношениях. Слова говорящей души, не находя выхода из среды окружающего ее пламени, сперва производят

только треск и рокот, какой издает разгорающееся пламя; но как скоро слова проложили себе дорогу сквозь острие пламени, тогда волны звука, возбужденные движением говорящего языка, сообщали колебание острию огня и в след за тем послышались вразумительные звуки речи (слич. также Ада XIII, 40 и д.). Филалетес.

[587] Примечания: 587

В подлин.: Issa ten'va, più non t'aizzo; *issa* и *aizzo:* слова ломбардского наречия, которым говорит Виргилий, будучи ломбардского происхождения (Ада 1,68 и прим.). Этими словами Виргилий дозволил Улиссу удалиться (ст. 3); они-то и подали повод явившемуся теперь духу спросить о политическом состоянии Романьи, страны соседней с Ломбардиею.

22. Хоть, может быть, я тщетно говорю, —

Не откажись помедлить здесь со мною;

Смотри: я медлю, а меж тем горю!

25. И если ты сейчас сведен судьбою

В сей мрачный мир из сладостной страны

Римлян, где я в грехах погряз душою,

28. Скажи: в Романье мир, иль гром войны?

Я сам из гор, идущих от Урбино

До скал, где Тибр бежит из глубины.[588]*»*

31. Еще мой взор влекла к себе пучина,

Когда, толкнув меня, сказал поэт:

«Сам говори: ты слышишь речь Латина,»

34. И я, имев готовый уж ответ,

---

[588] Примечания: 588

Дух говорящий есть граф Гвидо де Монтефельтро. Монтефельтро, родина графа, есть возвышенная горная страна между Романьей и Тосканою; она простирается от г. Урбино до Монте-Коронаро, откуда берет начало Тибр.

Не медля начал так свои воззванья:
«О дух, одетый в вечно-жгущий свет!

37. Без войн когда ж была твоя Романья?
В сердцах тиранов там всегда раздор,
Хоть явного и нет теперь восстанья.[589]

40. Как и была, Равенна до сих пор:
Орел Поленты в граде воцарился
И к Червии сень крыл своих простер.[590]

43. Но город твой, что так упорно бился
И кровь французов проливал рекой,[591]

---

[589] Примечания: 589

Весною 1300 г., когда Данте предпринял свое поэтическое странствование в замогильном мире (Ада I, 1 и прим.), в Италии действительно не было войны; за то искры ее повсюду тлели под пеплом.

[590] Примечания: 590

Равенна находилась в это время под управлением Гвидо Поленты, покровителя Данта, который и умер при его дворе. В гербе фамилии Полента был орел, в половину белый на синем, в половину красный на золотом поде. Ей же принадлежала и Червия, маленький городок в 12 Милях от Равенны, где в 1291 подестою был Бернардино Полента, брат несчастной Франчески. Филалетес.

[591] Примечания: 591

Этот город есть Форли, принадлежавший некогда тоже графу Гвидо де Монтефельтро, тому самому, с которым разговаривает теперь Данте. Еще в 1281 г. этот город неоднократно был осаждаем без успеха фран-

цузским генералом каким-то Иоанном Аппиа или де Па, по повелению папы Мартина IV; город защищал граф Гвидо де Монтефельтро. В следующем году Аппиа вошел в тайные сношения с некоторыми жителями города; но Гвидо, сведав от этом, велел казнить изменников. Между тем Аппиа подступил к городу с многочисленным войском, состоявшим большею частью из наемных французов. Чувствуя невозможность долго защищаться, Гвидо решился прибегнуть к военной хитрости. Утром 1-го Мая 1282, он тихомолком вышел в ворота (Porta Rotta) с войском и жителями; оставив в городе только стариков и женщин. Аппиа немедленно вступил в город и, не подозревая обмана, оставил только слабый резерв под одним дубом вне города. Между тем Гвидо был не далеко и, воспользовавшись минутою вступления французов в город, напал на резерв, уничтожил его и стал на его место. Узнав, что французы предались в городе грабежу и пьянству, он ворвался в Форли и произвел страшное убийство; часть французского войска бежала к дубу, полагая найти там своих; но встретила резерв, оставленный графом, и тут же была уничтожена. Одним словом: поражение французов было всеобщее. Многие приписывали эту невинную хитрость астрологу графа Гвидо Бонатти (Ада XX, 118). Таким образом, Форли, как город преданный Гибеллинам, упрочил себе свободу на довольно долгое время. Филалетес.

Теперь когтям зеленым покорился.[592]

46. А Псы Верруккьо, старый и младой,
Казнившие Монтанью беспримерно,
Буравят там, где зуб вонзили свой.[593]

49. Не города Ламона и Сантерно,
Что год, то к новой партии ведет
На белом поле львенок лицемерный.[594]

52. И тот, под коим Савио течет,
Как прилежит к горе он и долинам,
Так меж тиранств и вольности живет.[595]

55. Теперь, кто ты, прошу тебя, скажи

---

[592] Примечания: 592

Это герб фамилия Орделаффи, член которой Синибальдо дельи Орделаффи управлял в 1300 городом Форли. В ее гербе находился зеленый лев; верхняя половина герба была золотая, а нижняя имела три зеленые и три золотые полосы. Из членов этой фамилиия особенно был известен в свое время Скарпетта дельи Орделаффи, у которого, согласно с преданием, жил несколько лет Данте во время своего изгнания и который позднее, в 1302 г. предводительствовал Белыми против Флоренции. Бенвенуто да Имола.

[593] Примечания: 593

Здесь разумеются Малатеста и сын его Малатестино, прозванный *del occhio* (он был кривой), владетели замка Верруккио, недалеко от г. Римини, жесточайшие из мелких тиранов в Романье и потому прозванные *Псами.* Братьями Малатестино были Джиованнии или Джианчиотто хромой, супруг несчастной Франчески, Паоло, ее возлюбленный (Ада

V, 74 и прим.) и Пандольфо; к которому в последствии перешла власть этого дома. Малатеста был избран в предводители гвельфской партии города Римини, тогда как Гибеллинская часть жителей находилась под управлением фамилии Парчитати, во главе которой стоял в то время Монтанья. Обе партии, находились в беспрестанной борьбе между собою, так что Парчитати наконец вынуждены была призвать на помощь упомянутого выше графа Гвидо де Монтефельтро. Опасаясь Гвидо, Малатеста прибегнул к хитрости. Он примирился с Монтаньей под тем условием, чтобы обе партии вывели войска из города, на что неосторожный Монтанья охотно согласился и даже отказался от помощи графа Монтефельтро. С своей стороны хитрый Малатеста первый нарушил условие договора: часть своих солдат тайно разместил по домам, а другую, выведенную из города, в ту же ночь ввел в Римини и при криках: да здравствуют Малатеста и Гвельфы! смерть Парчитати и Гибеллинам! напал на противную партию. Парчитати были изгнаны, а Монтанья схвачен и посажен в темницу, где Малатестино, по повелению отца, после жестоких истязании умертвил несчастного. Бенвевуто да Имола.

[594] Примечания: 594

Имола, город на р. Сантерно, и Фаэнца, за р. Ламони, находились в 1300 под управлением Макинардо Пагани, властителя Имоий, Фаэнцы и Форли, прозванного Дьяволом. Герб его был голубой лев на белом поле. Происходя от гибеллинской фамилии и в Романье даже усердный поборник этой партии, он тем не менее служил с такой же верностью и флорентинским Гвельфам по ту сторону Аппенин, в благодарность за то, что отец его Пиетро Пагани вручил ему управление общиною Флоренции. В Флоренции, где климат сравнительно теплее, чем в Романье, он был Гвельф, и Гибеллин — в более холодной Романье, потому в подлин. сказано: che muta parie dalla state al verno.

[595] Примечания: 595

Чезена, на р. Савио, принадлежала то к той, то к другой партии, именно то дому Малатеста, то Монтефельтро. Предместие Чезены, называвшееся *Мурата,* стояло на горе.

нам;

Не откажись открыться, чтоб ты мог
Со славою предстать твоим Латинам.» —

58. И, пророптав опять, свой острый рог
Взад и вперед тут пламя покачало
И издало в ответ тяжелый вздох:

61. «Когда б я знал, что дать мне надлежало
Ответ тому, кто возвратится в свет,
Поверь, ничто б огня не взволновало.

64. Но если верить, что из царства бед
Живой никто в мир не являлся прежде,
То, не страшась бесславья, дам ответ.

67. Я воин был; потом в святой одеж-

де[596]

Отшельника мечтал вознесться в рай,
И обмануться я б не мог в надежде,

70. Когда б не жрец верховный – покарай[597]
Его Господь! – вовлек меня в грех новый;
А как вовлек и почему, внимай.

73. Пока носил я бренные оковы
Костей и плоти, все мои дела
Не львиные, но лисьи были ковы.

76. Все хитрости, все козни без числа
Я знал и так поработил им страсти,
Что обо мне повсюду весть про-

---

[596] Примечания: 596

В историческом очерке политического состояния городов Романьи в конце XIII столетия, приложенном в конце книги, изложены подвиги этого замечательного мужа; здесь мы доскажем его остальную историю. После того, как Гвидо принужден был покориться церкви (в 1282 или 1283), он удалился в Пьемонт. В 1288 Пизанцы, угнетенные Гвельфами, по смерти Уголино в темнице, призвали Монтефельтро в Пизу и избрали его в подесты и capitano города. Гвидо, не смотря на отлучение его и его семейства от церкви, храбро оборонял этот город и успел заключить честный мир (в 1293). Вскоре он возвратился опять в Урбино и в 1294, при Целестине V, окончательно примирился с церковью и получил отпущение грехов, при чем были возвращены ему права и отданы дети, долго содержавшиеся в заточении. Наконец, соскучившись треволнениями бурной жизни, в Ноябре 1296, Гвидо постригся в францисканском монастыре в Анкони, где часто видали его на пло-

щади вымаливающего себе насущный хлеб. Он умер в 1298 г. — Папа Бонифаций VIII ненавидел знаменитую римскую фамилию Колонна, два члена которой, кардиналы Иакопо и Пиетро, противились его избранию в папы, а Шиарра Колонна завладел папским имуществом. В 1296–1298 г. был объявлен папою крестовый поход против этой фамилии; кардиналы были лишены своих достоинств, отлучены от церкви; дворцы их, находившиеся в Латеранском квартале Рима, разрушены; имущество конфисковано и часть его отдана фамилии Орсини. Не смотря на это, кардиналы не повиновались и, по взятии города их Непи, нашли последнее себе убежище в неприступной почти крепости Пенестрино, ныне Палестрино (древ. Praeneste). Бонифаций, видя невозможность одолеть врага в стенах его твердыни, вызвал Гвидо де Монтефельтро из монастыря, наперед отпустил ему грехи прошедшие и будущие и требовал совета, как завладеть крепостью. Монтефельтро советовал много обещать и ничего не исполнить. Согласно с этим, папа обещал кардиналам полное прощение и возвращение им прежних их достоинств. Бросившись к ногам папы, кардиналы сдали Пенестрино; тогда Бонифаций повелел немедленно срыть до основания ненавистную крепость, и на месте ее построил новую, под именем *Città Papale.* Фамилия Колонна, опасаясь за жизнь свою, рассеялась тогда по всем странам Европы. Один летописец присовокупляет к этому, что Гвидо вскоре потом впал в тяжкую болезнь, от которой и умер.

[597] Примечания: 597

Бонифаций VIII.

шла.[598]

79. Когда же я достиг уже той части
Стези своей, где время нам спускать
Уж паруса и убирать все снасти, —

82. Что я любил, о том я стал рыдать
И каяться, надежду возлелеяв,
Что тем снищу, увы мне! благодать.

85. Но гордый князь новейших фарисеев,[599]
Воздвигнувший войну на Латеран,[600]
Не на войска Срацин, иль Иудеев, —

88. (Он был врагом для тех из христиан,[601]

---

[598] Примечания: 598

По словам всех летописцев, Гвидо отличался как храбростью, так в особенности уменьем прибегать в военным хитростям: «in consiliis calliditate et artibus, per jam gestas vtctorias adeptas.»

[599] Примечания: 599

Бонифаций VIII. *Фарисеями* Данте называет тогдашнее римское духовенство по сходству его действий с хитрыми действиями этого иудейского ордена.

[600] Примечания: 600

Латеран, дворец и храм в Риме, вблизи которых находились дворцы фамилии Колонна, разрушенные Бонифацием VIII (см. выше).

[601] Примечания: 601

Жестокая насмешка над современными событиями: за несколько лет

до объявления крестового похода против Колонны, пала Акра (St Jean d'Acre), город в Сирии, последний оплот христиан на Востоке, при чем в осаде города помогали Сарацинам христианские изменники.

Кто не брал Акры с скопищем презренных,[602]

Иль торг не вел среди султанских стран) —

91. Высокий долг о подвигах священных

Забыл в себе, во мне ж унизил чин,

Смиряющий молитвой посвященных.

94. И как призвал Сильвестра Константин,

Чтоб излечить проказу, из пустыни;[603]

Так думал он: как врач, лишь я один

97. В нем излечу горячку злой гордыни:

Безмолствуя, я слушал речь его,

---

[602] Примечания: 602

Торговля с Сарацинами воспрещалась во время войны церковными законами, ослабленными, впрочем, Иннокентием III. Этот стих относится к христианским купцам, нарушавшим сказанный закон из торговых интересов.

[603] Примечания: 603

Согласно с преданием, бывшем в общем ходу во времена Данта, император Константин вызвал папу Сильвесрта из пустыни при горе Сирате (лат. Soracte, ныне Sant' Oreste), недалеко от Рима, чтобы он своими молитвами очистил его от проказы. «Dicunt quidem adhuc, quod Constantinus iroperator, mundatus a lepra interceasione Sylvestri, tunc summi pontifieis, imperii sedem, seilicet Romam, donavit ecclesiae, cum mulus aliis imperii dignitatibus.» Dante de Monarch. 3.

Речь пьяного, не слово благостыни.

100. Но он: «В душе не бойся ничего:
Я отпущу твой грех; но вместе жду я,
Как взять Пренест, совета твоего.

103. Рай запирать и отпирать могу я:
Ты знаешь: два ключа в моих руках,
Что Целестин отвергнул, слепотствуя.[604]*»*

106. И столько истин изложил в речах,
Что я, сочтя за худшее молчанье,
Ответил: «Отче! если смоешь прах

109. Грехов моих, творимых без желанья,
То ведай: чтоб престол возвысить свой,
Все обещай, не помня обещанья.»

112. Франциск пришел, как умер я, за мной;
Тогда один из херувимов черных
Вскричал: «Оставь! по всем правам он

---

[604] Примечания: 604
Папа Целестин V, по происками Бонифация VIII, добровольно сложил с себя папское достоинство (Ада III, 58–60 и пр.).

мой.

115. Принадлежит он к сонму мне покорных:
В моих когтях с тех пор его глава,
Как подал он совет для дел позорных.

118. Кто хочет в рай, покайся тот сперва;
Но, каясь, зла желать – то несогласно
Одно с другим!» – сказав сии слова,

121. Увы! схватил, потряс меня ужасно
И возопил: «Ты думал ли, чтоб я
Мог рассуждать логически так ясно?»

124. Тогда отнес к Миносу он меня,
И, восемь раз вкруг жестких чресл свивая,
Свой хвост от злости укусил судья,[605]

127. Сказав: «Иди в корысть огня, тень злая!»

---

[605] Примечания: 605

Минос, восемь раз обвиваясь хвостом, определяет место казни для грешника — восьмой круг ада (Ада V, 4 и примеч.). «Угрызение совести, символом которой служит Минос, выражено здесь особенно сильно, ибо духовная скорбь в грешнике, наделенном столь высоким духом, должна быть весьма мучительна.» Копишь.

С тих пор, как видишь, я объят огнем
И сетую, в одежде сей блуждая.» —

130. Тут глас замолк, и бедственным путем
Помчался пламень с ропотом и стоном,
Крутясь, волнуясь зыбким острием.

133. Мы прочь пошли, мой вождь и я, по склонам
Громад туда, где свод кремнистых груд
Лежит над ямой, в ней же дань законом

136. Возложена на сеятелей смут.

Песнь XXVIII

Содержание. В *девятом* рве наказуются сеятели расколов и несогласий, как религиозных, так и политических, а также нарушителя семейного счастья. Дьявол, вооруженный острым мечем, наносит им бесконечно-разнообразные раны, которые заживают прежде, чем грешники успеют обойти круглую долину; когда же опять приблизятся к дьяволу, он снова приводит раны в их прежний вид. Данте, желая дать понятие об этой казни, вспоминает все войны, с древнейшим времен опустошавшие Италию. – Сперва являются виновники расколов религиозных. Между ними Данте видит Могомета, рассеченного от подбородка до ног: внутренность его висит между ногами; он сам отверзает грудь свою. Перед ним идет Али с разрубленным лицом. Могомет предсказывает скорое прибытие в ад сектатора времен Дантовых фра Дольчано. Затем являются сеятели смут и

несогласий политических: Петр из Медичины с отсеченными носом и ухом; Курион, у которого вырезан язык; наконец флорентинец Моска дельи Ламберти с отрубленными руками, начавший в Тоскане раздор Гвельфов и Гибеллинов. В последней толпе, между нарушителями семейного спокойствия, является тень трубадура Бертрама даль Борнио, возмутившего юного принца Генриха против его отца: голову, отделенную от тела и говорящую, он несет за волосы как фонарь и, поднося ее к лицу Данта, спрашивает: чья казнь ужаснее?

1. О кто бы мог, хотя б свободным словом,[606]

И много раз вещая, описать

Весь ужас ран, что зрел во рву я новом.

4. Ни чей язык не может то сказать,

И нашего на то не станет слова,

И разум наш не в силах то понять.

7. И если бы собрать те рати снова,

---

[606] Примечания: 606

. *Свободным словом,* con parole sciolte, т. е. не стихами, а прозою.

Которые на роковых полях

Апулии погибли так сурово[607]

10. От рук Римлям, иль в страшных тех боях,

Когда – как пишет Ливий без обмана —

Так много колец снял с убитых враг;[608]

13. Собрать и тех, которых сын Нормана

Роберт Гвискар так грозно сокрушил,[609]

И тех, чей прах истлел у Чеперана,

16. Где Апулиец долгу изменил,[610]

И тех, чью мощь Алар, старик лука-

---

[607] Примечания: 607

I. Кровопролитные войны в Апулии до начала пунических войн, особенно избиение 9000 Апулийцев консулом П. Децием Муром в 455 р. u. c. (Tit. Liv. X, 15, 1).

[608] Примечания: 608

II. Вторая пуническая война, продолжавшаяся 17 лет; здесь намекается особенно на битву при Каннах, в Апулии, где убито до 50,000 Римлян, так, что Аннибал отправил в Карфаген 3 меры колец, взятых с убитых римских всадников (Tit. Liv. XXIII, 12, 3).

[609] Примечания: 609

III. Войны Роберта Гвискара. Танкред де Готвилль, из Нормандии, имел 5 детей от первого и 7 от второго брака. Первые, и между ними в особенности Гунфрид, уже в начале XI века прочно утвердились в Апулии.

В половине этого столетия явился в Италию старший сын от второго брака, Робарт Гвискар, по прозванию Хитрый, женился на Сигесгуте, дочери ломбардского принца Гуаймара салернского, и вскоре завладел властью, особенно после того, как он победил сына и наследника своего тестя, юного Гизульфа, в 1070, и разбил жителей Амальфи. В мае 1084 он освободил папу Григория VII, осажденного в крепости св. Ангела войсками императора Генриха IV и, разорив Рим, отправился с Григорием в Салерно, где он вскоре и умер. Гвискара не должно смешивать с младшим его братом Рожером, завоевавшим Сицилию.

[610] Примечания: 610

IV. Война Карла Анжуйского с Манфредом. Начало поражения Манфреда произошло при Чеперано, на границе Компаньи, в нынешней провинции Терра ди Лаворо. Все историки согласны в том, что оборона переправы чрез Гирильяно при Чеперано была вверена Манфредом графу Джиордано и графу Казерате: первый намерен был защищать ее; но Казерата отказался под предлогом, что войско Карла удобнее уничтожить, когда часть его, перешедшая через мост, будет отрезана Эта измена Апулийцев повлекла за собою гибельную битву при Беневенто, где Манфред был побежден и убит. Кажется, Данте смешал два эти события, ибо при Чеперано собственно битвы не было; хотя Пиетро ди Данте, в своем комментарии, и говорит, что сражение произошло как при Беневенто, так и Чеперано. Далее он пишет, что Манфред, сведав об измене Апулийцев при Чеперано, заставил их вторично принести ему присягу в верности; но они все-таки оставили его при Беневенто.

вый,

Близ
Тальякоццо, без меча разбил:[611][612]

19. И если б всяк, кто в ранах, кто безглавый,

Предстал: и то едва ль их страшный вид

Изобразит
девятый ров кровавый![613] —

22. Утратив дно, так бочка не сквозит,

Как раной здесь зиял один пред нами,

Рассеченный от чресел до ланит.

25. Его кишки висели меж ногами;

Открыт желудок и мешок, ...

---

[611] Примечания: 611

Здесь Данте намекает на пять великих войн, опустошивших Италию со времен Римлян до начала XIV века, а именно:

[612] Примечания: 612

V. Война того же Карла с Конрадином. На равнине при Санкт Валентино, между Тальякоццо и Альбою, правильнее при Скуркола (Raumer's Geschichte der Hohenstaufen, 4, 597), произошло сражение, в котором юный Конрадин был разбит и взят в плен, чему наиболее содействовал только что возвратившийся из Палестины старый французский рыцарь Алар де Валлери, давший совет Каолу напасть на неприятелей в ту минуту, когда они, разбив часть войск Анжуйского, займутся грабежом. Каннегиссер.

[613] Примечания: 613

Отношение ужасной казни к греху, здесь наказуемому, очевидно само собою. Неоспоримо также, что Данте, рассекая тела этих грешников, хотел чрез это выразить противоположность словам: «Etenim in uno Spiritu omnes nos in unum corpus baptizati fumus, sive Iudaei, sive gentiles, sive servi, sive liberi; et omnes in uno Spiritu polati sumus.» Epist. Pauli ad Corinth. II, XII, 13. Копишь.

.....
....[614]

28. Я на него, он на меня взирал
И, грудь руками растворив широко,
Сказал: «Смотри, как я себя раздрал!

31. Смотри, как здесь увечат лжепророка![615]
Вот предо мной в слезах идет Али,
Разрубленный от бороды до ока.[616]

34. И все, кого здесь видишь, на земли
При жизни сеяли раскол и смуты;
За то и казнь достойную нашли.

37. Там, позади, нас рубит дьявол лю-

[Примечания: 614

В верхней части рассеченного живота представляется желудок, внизу так наз. слепая кишка, где совершается окончательная переработка пищи; остальные кишки выпали из своей полости — картина, анатомически совершенно верная.

[615] Примечания: 615

Лжепророк Могомет рассечен от головы до ног по причине важности произведенного им раскола. «Есть высокое нравственное значение в этой казни, как и во всех других: лжепророк как будто *обличен* телесно». Шевырев.

[616] Примечания: 616

Али, ученик могометов, возбудил раскол между последователями самого Могомета.

тый

И каждого из грешной сей толпы

В наш прежний вид приводит в те минуты,

40. Когда свершим круг горестной тропы:

За тем, что раны снова заживают,

Когда к нему направим мы стопы.

43. Но кто ж ты сам, чьи взоры мглу пронзают?

Иль думаешь укрыться там от зол,

Которые тебя здесь ожидают!» —

46. «Не мертвый он, не грех его привел

Сюда на казнь;» рек вождь мой, негодуя:

«Но, чтоб вполне он знанье приобрел,

49. Мне суждено, да мертвый с ним иду я

В бездонный ад, сходя из круг в круг,

И верно то, как то, что говорю

я.[617]» —

52. Тут более, чем сотня грешных, вдруг

Остановясь, в меня вперили взоры,

От дивных слов забыл жестокость мук,

55. «Скажи ж ты фра Дольчино, ты, который,

Быть может, вскоре узришь солнца свет, —

Чтоб он, пока в снег не оделись горы

58. И если мне идти не хочет вслед,

Запасся хлебом: а не то в берлогу[618]

К нему найдет Новарец тайный след.»

---

[617] Примечания: 617

В подлин.: E quest' è ver cosl com' i' ti parlo.

[618] Примечания: 618

Еще в 1260 г. некто Герардо Сегарелли из Пармы основал секту, нечто в роде Вальденской ереси. Со смерти Сегарелии, сожженного на костре, явился на его место другой сектатор, Дольчино, из епархии Новары; он называл себя фра Дольчино (брат Дольчино), хотя не был монахом. Дольчино воспитывался у одного монаха в Верчелли и обнаружил большие дарования, в особенности увлекательное красноречие; но, обокрав учителя, принужден был бежать в Тридент, откуда начал распространять свое учение, сходное с учением Сегарелли (Подробности о его догматах см. у Филалетеса, Die Hölle, 228). В начале XIV века преследуемый инквизицией, он со многими приверженцами бежал из Тридента в горы между Новарою и Верчелли. Отсюда про-

изводил он частые набеги на окрестные селения, грабил церкви, захватывал людей и брал за них большие выкупы. К этому вынуждал его в особенности недостаток в провианте, который нередко бывал так велик, что сектаторы принуждены были есть мышей, крыс и лошадиное мясо, «etiam in quadragesima,» с ужасом прибавляет его летописец. Вначале он с успехом защищал свой притон на г. Монте Себелло, близ Верчелли, от нападения войск верчелльского епископа Раниери Педзано (1306); при помощи одной военной хитрости, он успел даже одержать важную победу над неприятелем, так, что Раниери принужден был требовать у папы Клемента VI объявление крестового похода против еретика. Дольчино продолжал защищаться, не смотря на то, что зимою 1306–1307 нужда в провианте достигла до того, что сектаторы вынуждены были питаться мясом мертвых; к довершению бедствия, выпад глубокий снег, препятствовавший делать набеги. Наконец в 1307 гора была взята штурмом, после отчаянной обороны; Дольчино вместе с своей женою прекрасною Маргаритою взят в плен и казнен с Верчелли варварскою казнью: тело его и жены его Маргариты, медленно разрывали по частям раскаленными щипцами! Не смотря на это, оба с непоколебимым мужеством вынесли казнь, продолжая излагать свое учение народу до самой смерти. На г. Себелло построили часовню св. Бернарда, куда ежегодно был крестный ход, при чем раздавали хлеб бедным. Бенвеннуто да Имола.

61. Так, к шествию одну поднявши ногу,
Мне Могомет сказал; потом скорей
Встал на ногу и вновь пошел в дорогу. —

64. Другой, чей нос был срезан до бровей,
С проктнутым горлом, с отсеченным ухом,
Глядя на нас, стоял в толпе теней,

67. Необычайным изумленный слухом,
И, отворив кровавую гортань,
Проговорил всех прежде с скорбным духом:

70, «О ты, что здесь не казнь приемлешь в дань,
Кого видал я, где живут Латины,
Коль не обманут сходством я, – вспомянь

73. Ты и меня: я Петр из Медичины![619]

---

[619] Примечания: 619

Петр из фамилии Катанни, владелец Медичины, городка недалеко от Болоньи, ревностно поддерживал несогласие между Гвидо полентским и Малатестою из Римини, так, что когда доходило до него, что они готовы примириться, он тотчас поселял сомнение в том или другом. Данте часто останавливался в доме Катанни в Медичине, а потому вероятно был знаком с Петром. Бенвенуто да Имола.

И если ты узришь когда-нибудь
Меж Верчелли и Маркобо равнины,[620] —

76. Сказать двум лучшим в Фано не забудь:
Мессеру Гвидо и мессер Каньяно,
Что если нас не может обманут

79. Предвиденье, то в безднах океана,
Вблизи Каттолики, утопят их
Изменою коварного тирана.[621]

82. Меж Кипром и Малоркой дел таких
Нептун не зрел в владении широком
От Греков, иль разбойников мор-

---

[620] Примечания: 620

Маркабо, венецианская крепость при устье По, разрушенная Полентами. Верчелли город в Пьемонте. Между ними легким наклоном идет равнина Ломбардии.

[621] Примечания: 621

Малатестино, властитель Римини, жесточайший тиран, названный в предыдущей песне псом Верруккио (Ада XXVII; 46–48 и прим.), пригласил однажды сеньоров Гвидо дель Кассеро и Анджиолелло ди Каньяно, двух лучших граждан г. Фано, в Каттолику, между Фано и Римини: по одним, на пир, по другим, на совещание; но на пути, матросы, подкупленные Малатестино, посадили их в мешок и утопили с камнем в море: злодеяние, какого не слыхано между Кипром, на восточном, и Малоркой, на западном конце Средиземного моря, т. е. на всем Средиземном море.

ских.[622]

85. Предатель сей, одним глядящий оком,[623]

Владелец стен, которых спутник мой

В век не желал бы видеть вновь с упреком,[624]

88. Их к договору пригласит с собой

И то свершит, что будет труд напрасен

Вновь заклинать Фокары ветер злой.[625]»

91. А я ему: «Чтоб твой рассказ был ясен

И чтоб наверх слух о тебе проник,

---

[622] Примечания: 622

Греки во все времена славились морскими разбоями.

[623] Примечания: 623

Малатестино был крив и потому прозван del occhio (Ада XXVII, 46–48 и прим.). В подл.: che vede pur con uno, который видит только одним — сказано в насмешку.

[624] Примечания: 624

Г. Римини, в древ. Ariminium, в виду которого Курион (см. ниже) дал совет Цезарю перейти через Рубикон, что повлекло впоследствии гражданскую войну.

[625] Примечания: 625

Фокара, гора между Фано и Каттоликою, с которой подымается весьма опасный для мореплавателей ветер, почему тут обыкновенно делали

обеты для счастливого плавания; была даже поговорка: Custadiat te Deus a rento Focariensi.

Скажи, кому вид стен тех так ужасен?»

94. Тогда рукой он челюсти раздвиг
Товарищу и рот раскрыл в мгновенье,
Вскричав: «Вот он, но нем его язык!

97. Изгнанник сей рассеять смел сомненье
У Цезаря, с злым умыслом сказав:
«Где все готово, там вредит медленье.»

100. Как Курион был страшен и кровав!
Язык его был вырван из гортани,
Язык, что был так некогда лукав.[626]

103. И вот, подняв обрубленные длани
И кровь из них струя себе за грудь,
Другая тень явилась нам в тумане,

106. Крича: «Увы! и Моску не забудь!

---

[626] Примечания: 626

Курион, трибун, изгнанный из Рима, явившийся к Цезарю у Ariminium (Римини). Лукан (Phars. I, 281) заставляет его сказать Цезарю, стоявшему в раздумье:

Tolle moras! semper nocuit differre paratis.

Посеял я в Тоскане злое семя,[627]
Сказав: «Всему свое начало будь![628]» —

109. «И тем сгубил» прибавил я: «все племя![629]»
Тут, как безумный, он пошел от нас
И скорбью умножил скорби бремя.

112. Но с душ меж тем не отвращал я глаз,
И видел то, о чем бы не решился
Без доказательств продолжать рассказ,

115. Когда б я совестью не укрепился,
Подругой доброй, с ней же каждый смел,

---

[627] Примечания: 627

Буондельмонте де Буондельмонти, молодой флорентинец, был обручен с дочерью Амидеи из знаменитой фамилии (по Дино-Компаньи, отец ее был Одериго Джиантруфетти). Однажды проезжал он мимо дома Фортегверры Донати; в это время жена Донати, Альдруда, вышла на балкон с двумя дочерями и, показав на одну из них, сказала: «Что за девицу выбрал ты себе в жены? я прочила за тебя вот эту.» — Буондельмонте взглянул на девушку, и она ему понравилась; однако ж он отвечал: «Не могу нарушить данного слова.» — «Можешь, возразила Альдруда; «я плачу за тебя пеню.» Тогда он решился изменить слову. Пылая мщением, родственники отверженной собрались и рассуждали, что им делать: убить ли Буондельмонте, или ограничиться одними побоями. Тогда Моска Ламберти (о нем осведомлялся Данте у Чиамсо, Ада VI, 80) выступил вперед и сказал: «Cosa fatta capo ba» — всякое

дело имеет свое начало. — Решено было убить клятвопреступника. Когда, в первое утро Пасхи, Буондельмонте в белом платье проезжал на белом кони из Sesto oltre Arno через Ponte vecchio, заговорщики напали на него и умертвили у подножия статуи Марса, языческого патрона Флоренции, стоявшего на мосту через Арно. В числе убийц находился и Моска. С этой минуты начинается длинный ряд гибельных раздоров, волновавших так долго Флоренцию и даже всю Тоскану; отсюда же берут свое начало партии Гвельфов и Гибеллинов во Флоренции. Виллани (lib. V, cap. 37).

[628] Примечания: 628

Кери, знаменитый английский переводчик Данта, переводит эти слова: The deed once done there is an end.

[629] Примечания: 629

Виллани, говоря о фамилиях, принадлежавших к партиям. Бедых и Черных, вовсе не упоминает о фамилии Ламберти, принадлежавшей к Гибеллинам, из чего заключить должно, что она, вероятно, была совершенно уничтожена во время смут, ею же возбужденных. Филалетес.

Кто правоты бронью облачился.

118. Досель я вижу то, что там узрел;
Безглавый труп я видел в том соборе
И, ужасом объятый, обомлел!

121. Он голову с отчаяньем во взоре
В руке за кудри как фонарь носил,
И голова кричала мне: о горе!

124. Он сам себе светильником служил:
В едином теле двое терпят муки,
А как – то знает тот, кто так судил!

127. Став под мостом, высоко обе руки
Ко мне он Поднял с головой своей,
И слов ее ко мне достигли звуки:

130. «Смотри, вот казнь и ужаснись пред ней!
О ты, живой скиталец в царстве этом,
Скажи: чья казнь ужаснее моей?

133. А чтоб о мне поведал ты пред светом,
Узнай: я тень Даль-Борнио, певца,
Кем Иоанн подвигнут злым сове-

том.[630]

136. В отце и сыне я возжег сердца:

Не столько средств нашел в Ахитофеле

Авессалом к восстанью на отца![631]

139. Я разлучил столь близких в страшном дыме:[632]

За то мой мозг, о ужас! отделен

От своего начала в этом теле!

142. Свершен на мне возмездия закон.[633]»

---

[630] Примечания: 630

Бертрам или Бертранд Борнио (де Борн), виконт Готфордский, воинственный трубадур, который своими воспламеняющими сервентами везде возбуждал войну и возмущение. Он заключил тесную дружбу с Генрихом, братом короля Ричарда Львиного Сердца, и побудил его восстать на отца своего Генриха II. По смерти своего друга (в 1183), он был осажден королем Генрихом II в своем замке Готфорде и после храброй защиты принужден был сдаться. Впрочем, он вскоре примирился с королем, который возвратил ему все его конфискованные владения. После того, скитаясь по Европе, в качестве странствующего рыцаря и менестреля, он своими песнями возбудил Аррогонцев против короля их Альфонса II; сверх того, он принимал участие в войне Ричарда Львиного Сердца с Филиппом Августом. Он умер в монастыре. Из вышесказанного видно, что сын, которого Бертрам возбудил против отца, назывался не Иоанном, а Генрихом; но так как Виллани, современник Дантов, впадает в ту же ошибку (Vill. libr. V, cap. 4), то очень вероятно, что в Италии в то время из Re giovane (юного короля), как обыкновенно назывался Генрих, сделали Re Giovanni, и это тем вероятнее, что младший брат Генриха назывался Иоагном (так наз. Иоанн Безземельный). Филалетес.

[631] Примечания: 631

Ахитофел, наперсник царя Давида, тайно поддерживал возмутившегося его сына Авессалома; но вскоре впал в немилость и в отчаянии повесился.

[632] Примечания: 632

Бертрам, возбудив сына против отца, возбудил члены против главы семейства; за то у него голова отделена от тела. Он несет ее в руке как фонарь: она служит ему светильником в аду так точно, как бы должна была служить на земле, чтобы показать ему все страшные следствия его преступления. Штрекфусс.

[633] Примечания: 633

Закон возмездия (lex talionis), т. е. «душу за душу, око за око, зуб за зуб.» Кн. Исход. XXI, 33.

Песнь XXIX

Содержание. Данте, готовый плакать при виде ужасного зрелища, медлит над девятым рвом, заметив в числе грешников тень своего родственника Джери дель Белло; но Виргилий побуждает его торопиться. Затем они приходят к последнему рву восьмого круга. В *десятом* рве, в зловонном воздухе, совершается казнь над подделывателями всякого рода – над подделывателями металлов (алхимиками и делателями фальшивой монеты), подделывателями чужих речей и личностей: они поражены бесчисленными болезнями и язвами. Из числа алхимиков Данте видит двоих, подпирающих один другого и покрытых струпьями. Один из них, Гриффолино, говорит о себе; другой флорентинец Капоккио порицает Сиенну за легкомыслие и высчитывает знаменитых обжор этого города.

1. Вид страшных ран и тьма теней под нами

Так отравили свет моих очей,

Что был готов залиться я слезами.

4. Тогда Виргилий: «Что в душе твоей?

В кого вперил ты взор с такой тревогой

Меж этих злых, изрубленных теней?

7. У прочих рвов не медлил ты так много.

Иль хочешь всех сосчесть их? не забудь,

Что двадцать миль вкруг рва идти дорогой.[634]

10. Луна под нами уж свершает путь,[635]

И краток срок, нам данный для обзо-

---

[634] Примечания: 634

В подлин.: двадцать две мили. Здесь Данте в первый раз определяет размер одной части ада: по этому масштабу можно вычислить с некоторою вероятностью и другие размеры Злых-Рвов и глубокого колодезя. Впрочем, слишком прозаичны попытки некоторых толкователей-архитекторов (Ландино, Манетти, Джиамбуллари, Веллутелло и др.), старавшихся вычислить поэтому и еще другому (Ада XXX 85–66) размеру объем и величину всего ада.

[635] Примечания: 635

Этим определяется полдень 6 Апреля, или 1/2 2 часа 9 Апреля; для 29 Марта это положение месяца не имеет значения, ибо в это число сказанное положение месяца приходится 4 или 5 часами позже настоящего, что несогласно с Ада XXI, 112. Филалетес. — Замечательно, что время определяется в аду всегда положением месяца, или созвездиями

зодиака, а не солнцем: кто потому, что грешникам в течение их жизни никогда не светила истина (солнце); месяц же, согласно с Ада I, 14 апр., есть символ слабого света человеческой мудрости. Бер.

ру;[636]

А нам еще на многое взглянуть.» —

13. «Когда б ты знал, что моему там взору
Представилось,» был мой ему ответ:
«Я б не подвергся твоему укору.» —

13. Учитель шел и я за ним во след;
Но я, пред ним желая оправдаться,
Прибавил: «Там, в пещере лютых бед,

19. Куда на дно глаза мои стремятся,
Мне кровный дух – и я то слышал въявь —
Оплакивал грехи, что здесь казнятся.»

22. А вождь: «Не думай впредь о нем; направь
Свой ум к иному: он за злое дело
Наказан здесь, и ты его оставь.

25. Он на тебя указывал и смело
Из-под моста грозился нам перстом

---

[636] Примечания: 636
Им остается только 4 или 6 часов так, что поэту на все странствование по аду дан только один (астрономический) день в 24 часа.

И называл себя Джери дель Белло.[637]

28. Твой взор тогда прикован был на том,[638]

Кто защищал Готфор с своей дружиной,

И он, неузнан, прочь пошел потом.»

31. И я: «О вождь! насильственной кончиной,[639]

Которой срам из сродников его

Не отомстил доселе ни единый, —

34. Разгневан он: конечно, от того

Он и ушел, мне не сказав ни слова,

И тем сильней скорблю я за него.[640]»

---

[637] Примечания: 637

Джери дель Белло, брат Чиони дельи Алигиери, кровный родственник Дантов, ибо отец его Белло был дед поэта. Он был алхимик и вместе с тем человек беспокойного характера, за что и был убить одним из Саккетти. Anonimo. По другим, он был только дерзок на язык и убит одним из фам. Джеремеи.

[638] Примечания: 638

Ада XXVIII, 134 и пр. — Готфор (Altaforte), замок в Гасконии, принадлежавший Бертраму даль Борнио, где он был осажден войсками Генриха II.

[639] Примечания: 639

Спустя 30 лет, действительно один из родственников Джери, сын Мессера Чиони, отмстил его смерть, заколов одного из Саккетти. Ландино.

[640] Примечания: 640

Данте, по-видимому, разделяет мнение своих современников Итальянцев о справедливости мщения кровь за кровь.

37. Так говоря, мы шли до рва другого:

Будь он светлей, я мог бы, взор вперя,

В нем видеть дно с утеса векового.[641]

40. Когда ж я был у стен монастыря[642]

Последнего, в котором взор мой смелый

Зрел братию подземного царя, —

43. Мой слух пронзили разных воплей стрелы,

Заостренные жалостью с концов;

Зажавши уши, шел я в те пределы.

46. Когда б собрать с сардинских берегов

Все немощи во дни жаров гнетущих,

Иль

---

[641] Примечания: 641

Поэты стоят теперь на высшей точке моста, перекинутого через десятый ров: отсюда всю эту долину, если бы она была светлее, можно было бы видеть до самого два.

[642] Примечания: 642

Данте сравнивает десятый ров с кельями монастыря.

из больниц Вальдикианы в ров,[643] —

49. Так много здесь я видел вопиющих,

И смрад столь гнусный восходил от всех,

Какой исходит лишь от тел гниющих.

52. Тут мы спустились на последний брег

Скалы огромной, все идя на лево,[644]

И я ясней увидел в ямах тех,

55. Как праведный служитель Божья гнева —

Ужасный суд – обманщиков казнит,

Погрязших в мглу отчаянного зева.

58. Не думаю, чтоб был печальней вид

---

[643] Примечания: 643

Здесь разумеется в особенности госпиталь в Альтопассо, в Вальдикиане, долине близ Ареццо, теперь, по словам Ампера, плодороднейшей и богатейшей области Тосканы; во времена Данта тут особенно свирепствовали перемежающиеся лихорадки. Тоже должно сказать и о берегах Сарднии, где воздух весьма вреден для здоровья, особенно в летнюю пору, tra 'l laglio e'l settembre, как сказано в подлиннике. В оригинале еще упомянута Маремма, около Сиенны (есть еще Маремма около Рима, Ада XIII, 9 и XXV, 20).

[644] Примечания: 644

Огромная скала есть утес, идущий от стены восьмого круга в виде мостов через рвы и разбитый только над рвом лицемеров (Ада XVIII, 14–18).

Людей, в Эгине язвою гнетомых,
Где до того был воздух ядовит,

61. Что твари все до малых насекомых
Погибли вдруг и, по словам певцов,
Весь род людей с стадами и скотом их

64. Зевс возродил из кучи муравьев:[645]
Как было грустно видеть в мраке круга
На грудах груды страждущих духов.

67. Кто на груди, кто боком друг близ друга,
Кто на спине валялся на земли,
Кто полз ползком под бременем недуга.[646]

70. Мы с грустью молча шаг за шагом

---

[645] Примечания: 645

Язва, истребившая на остр. Эгине всех жителей в царствование Эака, сына Юпитера, и баснословное происхождение Мирмидонов (от *μύρμηξ)* из оставшихся вживе муравьев прекрасно описана у Овидия, Metamor. VII, 118 et seq.

[646] Примечания: 646

Тут совершается проклятие, произнесенное Моисеем над тем, кто не исполняют закона: «Percutiat te Dominus egestate, febri et frigore, ardore et aestu, et ardore corrupto ac rubigine…. amentia, et caecitate ac furore mentis…. augebit Domiqus plagas tuas, et plagas seminis tui, plagas magnas, et perseverantes, infirmitates pessimas et perpeluas.» Vulg. Deuteron. XXVIII. Копишь.

шли

И созерцали сонм больных стонавших,

Которые подняться не могли.

73. Там зрел я двух, друг друга подпиравших,

Как два горшка у печного огня,

И струпьями с главы до ног страдавших.

76. Не чистит конюх щеткою коня,

Чтоб весть его скорее к господину;

Бессонный так не чешется, стеня,

79. Как эти два скребли ногтями спину

И с бешенством сдирали струпья с ней;

Но не могли тем утолить кручину.

82. И струпья сыпались из-под ногтей,

Как чешую дерут со щук ножами,

Иль с рыб других с широкой чешуей.

85. «О ты, скребущий гной с себя ногтями,»

Так одному мой вождь сказал то-

гда:[647]

«И рвущий ими тело как клещами!

88. Кто из Латинов, о скажи, сюда
Низринулся? тебе ж да служат пальцы
Во век веков для этого труда!» —

91. «Ах! оба мы Латины, мы, страдальцы!»
В слезах, один ответил на вопрос:
«Но кто ж вы сами, чудные скитальцы?» —

94. И вождь: «Я, дух, спускаюсь в царство слез,
Чтоб показать ваш ад сему живому,
И с ним иду с утеса на утес.»

97. Тут, перестав служить один другому,
Они, дрожа, взглянули на меня:
До всех достигла весть подобно грому.

---

[647] Примечания: 647

Этими словами дорисовывается картина болезни, известной в патологии вод именем ichtyosia, люди, одержимые этою болезнью, бывают покрыты широкими пластинками на подобие рыбьей чешуи и, страдая невыносимым зудом, чешут и даже до крови рвут ногтями тело как щипцами.

100. Тогда учитель, взор ко мне склоня,
Сказал: «Беседуй с ними с сожаленьем!»
И, как желал он, тотчас начал я:

103. «Коль ваше имя не должно забвеньем
Изгладиться из памяти людской,
Но да живет в ней с каждым поколеньем,

106. Скажите: кто вы? из страны какой?
Откройте мне, почто все ваши члены
Истерзаны болезнью такой?» —

109. «Я, Аретинец, Альбером из Сьясны[648]*»*
Сказал один: «сожжен был; но тому
Виной не грех, ведущий в эти стены.

112. Однажды в шутку я сказал ему:

---

[648] Примечания: 648

Этот грешник есть алхимик Гриффолино из Ареццо. Однажды он сказал глуповатому Альберо, незаконнорожденному сыну епископа сиеннского: «Если захочу, могу летать как птица.» Альберо просил научить его этому искусству Дедала; но узнав, что Гриффолино подшутил над ним, предал его суду инквизиции как патаринца (весьма распространенной в то время секты) и заклинателя, за что Гриффолино и был сожжен на костре. Anonimo.

По воздуху умею я носиться;
А он, дитя по смыслу и уму,

115. Тому искусству вздумал поучиться,
И сжечь меня отца он убедил,
Сил не имев в Дедала превратиться.

118. Но в ров меня десятый осудил
Минос правдивый, потому что свету
Я как алхимик много повредил.»

121. «О был ли в мире» я сказал поэту:
«Народ пустей Сиеннцев? даже им
И Франция уступит славу эту.»

124. Тогда другой проказный, вняв моим[649]
Словам, прибавил: «Исключи лишь

[649] Примечания: 649

«Всему миру известно, что нет народа суетнее Французов: они изобретатели пустых и разорительных мод по суетности своего характера и недостатку в постоянстве и добродетели. Потому-то поэт и сравнивает Сиеннцев с Французами: ибо Polycratet говорить, что первые произошли от последних и что Сиенна построена Французами; вот и причина почему Сиеннцы похожи на Французов.» Боккаччио.

Стрикка,[650]

Он жить умел доходом небольшим;

127. И Никколо, кем введена гвоздика,

Обжорства роскошь, в тот веселый сад,

Где это семя принялось так дико,[651]

130. И клуб, в котором отдал на разврат[652]

Свой виноградник с замком д'Ашиано[653]

И был душой веселья Аббальят.[654]

133. А хочешь знать, кто так с тобою рьяно

Клянет Сиенцев, загляни в провал

---

[650] Примечания: 650

Очевидно ирония. Стрикка, о котором ничего неизвестно, был, вероятно, членом знаменитого сиеннского клуба гастрономов, о котором будет сказано ниже (ст. 130).

[651] Примечания: 651

Никколо де Буонсеньори, сиеннец, ввел в обыкновение жарить фазанов на угольях гвоздики: способ этот назывался *богатым обычаем* (la costuma ricca). Кроме того, в Сиенне введены были и другие весьма разорительные блюда, почему Данте и называет этот город *веселым садом.* Бенвенуто да Имола.

[652] Примечания: 652

Двенадцать молодых сиеннцев, сложившись по 18,000 флоринов, купили дворец, в котором каждый из них имел роскошные покой, и где они

два раза в месяц задавали пиры, и притом так, что всегда накрывались три стола: один стол со всею посудою и блюдами выкидывали за окно, за вторым они пировали, за третьим мыли руки. В 10 месяцев они промотались до того, что некоторые из них умерли в госпитале. Бенвенуто да Имола. — До сих пор сохранилась цепь сонетов, обращенная, вероятно, к этому клубу: поэт придумывает для каждого месяца особое удовольствие и упоминает о Никколо, вероятно Буонсеньори:

jn queeto regno Nicolo corono,
Perch' egl' è fior della città Sienoese.

Филалетес.

[653] Примечания: 653

Каччиа д'Ашиано промотал в этом клубе свои богатые сады и замок.

[654] Примечания: 654

Аббадьято был, вероятно, душою этого общества.

И рассмотри мой образ в мгле тумана:

136. Я тень Капоккво; в мире я сплавлял[655]

Алхимией состав металлов ковкий,

И вспомня, если ты меня узнал:

139. Я был природы обезьяной ловкой.»

[655] Примечания: 655

Капоккио, флорентинец, или, по другим, сиеннец, согласно с преданием, изучал вместе с Дантом натуральную философию, что очень вероятно, ибо он узнает поэта. Он занимался тоже алхимией, подделывал металлы и за то был сожжен в Сиенне: потому-то там и нападает он с поэтом на Сиеннцев.

Песнь XXX

Содержание. Далее Данте видит тени двух подделывателей чужой личности, людей, разыгравших чужую роль с целью обмана: они одержимы исступлением. Одна из них, тень древней Мирры, пробегает мимо; другая, Джианни Скикки, набегает на алхимика Капоккио, хватает его за горло зубами и волочит по дну рва. За тем очам поэта представляется тень мастера Адама, делателя фальшивой монеты, страждущего жестокой водянкой. Он повествует Данту о своем преступлении и называет по имени двух рядом с ним лежащих грешников, одержимых гнилой горячкой: жену Пентефрия, оклеветавшую Иосифа, и грека Синона. Последний, оскорбленный обидным намеком мастера Адама, бьет его по животу, а этот отвечает ему по уху, от чего возникают у них ссора и взаимные обвинения в том, кто кого грешнее. Данте, заслушавшийся их речей, получает строгий

выговор от Виргилия и со стыдом удаляется оттуда.

1. В тот век, когда, прогневана Семелой
На племя Фив, Юнона столько раз
Его губила в злобе закоснелой,[656] —

4. Так обезумел лютый Атамас,
Что, чад своих узрев в руках супруги,
Вскричал рабам, от бешенства ярясь:

7. «Расставим сети здесь у брода, други,
Чтоб львицу с львятами поймать в сетях!»
Потом, Леарха вырвав у подруги,

---

[656] Примечания: 656

Кадм имел четырех дочерей от Гермионы: Семелу, Агаву, Автоною и Ино. От Юпитера родила Семела Бахуса. Юнона, раздраженная неверностью Зевса, возненавидела все кадмово племя в Фивах до того, что многократно изливала на него свое мщение. Прежде всего, она погубила Семеду, побудив ее просить Юпитера явиться к ней в громе и молнии. На пиршестве Бахуса она навела такое исступление на прочих дочерей Кадма, что они, приняв сына Агавы за вепря, умертвили его. Она выслала к Ино и мужу ее Атамасу фурию Тизифону, которая до того помрачила в них рассудок, что Атамас одного из своих сыновей, Леарха, раздробил о камень, а с другим, Меликертом, Ино кинулась в море, где, по просьбе Венеры, Нептун превратил их в морских богов: Ино в Левкатею, Меликерта в Палемона. Наконец и сам Кадм с своей женою был превращен в змей.

10. И, злобно сжав в безжалостных когтях,

Разбил его о груду скал с размаха;

С другой же ношей мать спаслась в волнах.[657]

13. Или когда унизил рок до праха

Величье Трои в брани роковой

И с царством царь погиб в годину страха,

16. Гекуба, мать, убитая тоской,

Вотще с врагом за Поликсену споря

И Полидоров видя труп ногой,

19. Повергнутый на шумном бреге моря,

---

[657] Примечания: 657
Подражание Овидию. Metam. IV, 371 et seq.

Вдруг обезумела, как пес завыв:[658]
Так ум ее расстроился от горя!

22. Но никого ни в Трое, ни средь Фив,
Во время оно до такого гнева
Не доводил безумия порыв,

25. Как здесь, я видел, две души налево,
Нагие, мчались, грешников грызя,
Как две свинья, бежавшие из хлева.

28 Одна из них, в Капоккио вонзя
Под горлом зубы, повлекла злодея,
По камням дна терзая и разя»

31. Тут Аретинец, в ужасе бледня,[659]
Сказал: «То Скикки! зол, неукро-

---

[658] Примечания: 658

Когда, по взятии Трои, суда Греков стояли на якоре у берегов Фракийских, тень Ахиллеса потребовала принесения ему в жертву Поликсены, дочери Приама и Гекубы; по совершении жертвоприношения, труп ее отдали несчастной матери. Но это было только началом ее бедствий: в то время, когда она шла к морскому берегу за водою для омовения ран дочери, внезапно увидела она труп Полидора, единого оставшегося у ней сына: желая спасти Полидора, она поручила его Полимнестору, царю Фракийскому; но коварный царь, подкупленный Греками, умертвил Полидора и бросил труп его на взморье. Тогда Гекуба, вдруг обезумев, кинулась с толпою Троянок на Полимнестора и, превращенная в псицу, вырвала у него глаза. Ovid. Metam. XIII, 400 et seq.

[659] Примечания: 659

Другой алхимик — Гриффолино из Ареццо (Ада XXIX, 109 и прим.).

тим,[660]

Он нас грызет, безумной тенью вея.» —

34. «О если хочешь, чтоб бегущий с ним

В тебя не мог» я рек «зубами впиться,

Скажи: кто он, пока еще он зрим!» —

37. Я он в ответ: «То дух преступный мчится,

Дух Мирры древней, вздумавшей с отцом

Не должною любовью насладиться.

40. К отцу явившись в образе чужом,

С ним предалась она любви греховной![661]

---

[660] Примечания: 660

Флорентинец Джианни Скикки славился уменьем изменять черты своего лица и принимать желаемую физиогномию. Комментаторы рассказывают, что Симони Донати убил своего дядю Буозо Донати (того самого, которого мы видели выше (Ада XXV, 141 и пр.), за то, что тот завещал не в его пользу свое огромное имение, нажитое самыми беззаконными средствами. Симони уговорился с Скикки составить подложное завещание: для того спрятали труп Буозо, и в постель на его место подложили Скикки, которые так хорошо разыграл роль покойника и подражал его голосу, что совершенно обманул свидетелей и нотариуса. Таким образом, была составлена и подписана духовная вместо настоящей, отдававшей все имущество Буозо в пользу монастырей. За это Скикки получил кобылицу, стоившую 10,000 флоринов. Пиетро ди Данте.

[661] Примечания: 661

Мирра, дочь Цинира, царя пафосского. О преступной ее любви см. в Мифологие. Проклятая отцом своим, она бежала в Аранию, родила там Адониса и так долго оплакивала свое преступление, что наконец боги, сострадая ей, превратили ее в бальзамическое дерево — мирру.

Бегущий с ней подобен ей во всем:

43. Честь табуна прияв ценой условной,
Он род Донати взялся разыграть.
И приложил печать к его духовной.»

46. Когда умчались два безумца вспять,
Я отвратил от них глаза со смутой
И стад других проклятых созерцать.

49. Гляжу: один сидит, как лютня, вздутый,
Когда б отнять у грешника долой
Ту часть, где бедра у людей примкнуты.[662]

52. От тягостной болезни водяной —
Которая, член искажая каждый,
Лик иссушает, вздув живот го-

[662] Примечания: 662
Этот грешник страдает водяною: живот его, необыкновенно растянутый жидкостью в сравнение с верхней частью тела, придает ему вид лютни (инструмента, имеющего тонкую шейку и толстый корпус), если вообразим, что у грешника отняты бедра.

рой,[663] —

55. Не мог он губ сомкнуть хотя б однажды,

Как чахнущий, которого уста

Иссохшие разверзлись от жажды.

58. «О вы, которых в страшные места

Ведет не казнь (а почему, не знаю!)»

Сказал он нам: «взгляните вы сюда!

61. Маэстр Адам, как я томлюсь, страдаю![664]

Живой имел я все, чего желал,

Ах! здесь одной лишь капли вод желаю!

64. Ручьи, что в Арно катятся со скал

---

[663] Примечания: 663

В водяной болезни водянистая часть крови, от неправильного ее обращения, выделяется как под кожу, так и в различные полости, преимущественно в живот: от потери воды из крови происходит сильная жажда, а от дурного питания — худоба тела, особенно лица.

[664] Примечания: 664

Мастер (маэстро) Адам из Брешии, чеканщик монеты, по наущению графов Ромены: Гвидо, Алессандро и Агинольфо (см. ст. 76–77), подделывал флорентинские монеты флорины. Подлог вскоре был открыт, и мастера Адама сожгли живого на дороге между Флоренциею и Роменой. Еще до сих пор показывают место, где это случилось: его называют *Macia del uomo* (костер мертвого человека), куда каждый прохожий обыкновенно кидает камень. Троиа (Veltro allegorico, p. 35).

По зелени пригорков Казентина,[665]

Где так игрив, так светел их кристалл, —

67. Всегда передо мной, а вот причина,

Почто мне лик, сильней недугов всех,

Так иссушает тех ручьев картина.

70. Суд праведный, карающий мой грех,[666]

Край, где грешил я, мне затем представил,

Чтоб беспрестанно я вздыхал как мех.

73. Вон там Роменя, град, где я подбавил

Худой

---

[665] Примечания: 665

Казентино, вершина долина Арно, выше Ареццо, орошаемая множеством горных ручьев.

[666] Примечания: 666

Воспоминание о прекрасной Италии, в которой он грешил так позорно, увеличивает его мучение; богатства, приобретенные подлогом, исчезли; душа его вечно томится и жаждет, хотя и кажется пресыщенною нечистыми соками. Копишь.

состав в крестителеву смесь:[667]

Зато в огне я тело там оставил.

76. Но если б Гвид, иль Александр был здесь,

Или их брать: чтоб знать, как он наказан,[668]

Я отдал бы источник Бранды весь.[669]

79. Один уж здесь, коль верить я обязан

Тому, что Скикки мне твердил в бреду;

Но что мне в том? я по ногам здесь связан!

82. Будь легок я хоть столько на ходу,

Что во сто лет прошел бы дюйм, не боле,

---

[667] Примечания: 667

Во Флоренции чеканились с 1252 г. превосходные золотые монеты флорины (впоследствии называвшиеся zecchini) с изображением, с одной стороны, головы Иоанна Крестителя, с другой — лилии. Вес их равнялся 1/2 унции, а проба 24 каратам (см. ниже), т. е. они были без всякой примеси. Флорентинцы так гордились ими, что всякую их подделку наказывали как величайшее преступление. Филалетес.

[668] Примечания: 668

Братья Гвидо, Алессандро и Агинольфо, упомянутые выше графы Ромевы, были дети графа Гвидо, внука добродетельной Гвальдрады (Ада XVI, 37–39 и прим.). Некоторые вместо Агинольфо принимают четвертого их брата: епископа Бандино или Альдобрандино из Ареццо.

[669] Примечания: 669

Фонте Бранда — так называется прекрасно украшенный и обильный водою источник около Сиенны.

То и тогда б пошел я в путь в аду

85. В толпе больных искать его на воле,

Хотя кругом в двенадцать миль больших[670]

И поперек в полмилю это поле.

88. В семью такую я попал за них;

По просьбе их, я меди три карата[671]

Вмешал в состав флоринов золотых.»

91. И я: «Кто ж эти два твоя собрата

Лежат направо близ тебя, дымясь,

Как мокрая рука, в мороз подъята?[672] —

94. «Я их нашел, низвергшись в эту

---

[670] Примечания: 670

В подлин.: одиннадцать миль. Это место, а также другое выше (Ада XXIX, 8), послужили, как было сказано, данными для вычисления размеров колодезя и всего 8 круга вообще и каждого рва в отдельности. См. Филалетеса Die Hölle, p. 251.

[671] Примечания: 671

Карат означает 24 долю: потому флорины, выбитые мастером Адамом, содержали в себе только 21 долю золота и 8 примеч.

[672] Примечания: 672

Эти два горячечные так же пластично изображены, как и больной, одержимый водянкою: они как будто сейчас взяты из италианских госпиталей, которые вероятно часто посещал Данте. Когда освежают постель, в которой, обливаясь потом, лежит больной лихорадкою: тогда чем сильнее был пароксизм, тем обильнее поднимается с больного

пар, обыкновенно противного запаха: эту картину нельзя ни с чем сравнить там хорошо, как с паром, сгущающимся около мокрой руки, поднятой в сильный мороз на воздух. Филалетес.

грязь;»
Он отвечал: «с тех пор лежат безгласно
И будут в век лежать, не шевелясь.

97. Одной Иосиф обвинен напрасно;[673]
Другой из Трои лживый грек Синон:[674]
В гнилой горячке так смердят ужасно.» —

100. Тут гордый грек – был видно оскорблен
Постыдным именем – в тугое брюхо
Его ударил кулаком, и звон

103. Как барабан оно издало глухо;
А мастр Адам, ожесточась от мук,
Хватил его рукой не легче в ухо,

106. Сказав: «Пускай лишил меня недуг
Движенья ног; но знай, на службу эту
Еще никто не приковал мне рук.» —

---

[673] Примечания: 673
Жена египетского царедворца Пентефрия.

[674] Примечания: 674
Синон, беглый грек, убедил Троян ввести деревянного коня в Трою (Ада XXVI, 55–64 и пр.).

109. «Не так проворен ты казался свету,
Идя в огонь;» сказал Синон в ответ:[675]
«Зато проворней выбивал монету.»

112. А тот ему: «Ты прав, в том слова нет;
Но так ли прав ты был, когда Трояне
Тебя просиди им подать совет?» —

115. «Я лгал в словах, а ты солгал в чекане;»
Сказал Синон: «один лишь грех на мне;
С тобой же вряд сравнится бес в обмане.» —

118. «Эй, вероломец! вспомни о коне!
Весь мир узнал обман твой пресловутый;»
Сказал
брюхан: «казнись за то вдвойне!»

121. Но грек: «А ты казнися жаждой лютой,

---

[675] Примечания: 675

Т. е. на костер, на котором был сожжен мастер Адам (см. выше 61 и прим.)

Пока язык твой треснет и живот,
Водою тухлой как гора раздутый!»

124. Тогда монетчик: «Разорви ж ты рот
За злую речь! пуст я раздут водою»
Пусть жаждою томлюсь я круглый год,

127. За то в жару с больной ты головою!
А чтоб лизнуть Нарциссова стекла[676]
Вряд остановка будет за тобою.» —

130. Их злая брань весь ум мои завлекла;
Но тут поэт: «Смотри, еще не много —
И между нас посеется вражда.»

133. И я, услышав глас поэта строгий,
Спешил к нему с таким в лицо стыдом,
Что и досель смущаюсь дум тревогой.

---

[676] Примечания: 676
Самолюбивый Нарцисс, беспрестанно любовавшийся своим отражением в зеркале воды, был превращен в ручей. Стало быть, стеклом (зеркалом) Нарцисса назван здесь в насмешку ручей, из которого верно бы не отказался напиться Синон, если бы его позвали.

136. Как человек, томимый страшным сном,

Во сне желает, чтобы сном остался

Внезапный страх, смутивший сердце в нем:

139. Так без речей в смущеньи я терялся,

Желая извиниться, и, того

Не замечая, молча извинялся.[677]

142. Но вождь: «Проступок больший твоего

И меньшею стыдливостью смывают:

Смири ж тревогу сердца своего.

145. Но помни: всюду на тебя взирают

Глаза мои, когда придем туда,

Где спор подобный люди затевают:

148. Внимать ему не должно без сты-

---

[677] Примечания: 677

Т. е. моим смущением.

да.[678]»

[678] Примечания: 678

В подлин.: Che voler ciò udire è bassa voglia. Может быть, Данте влагает эти слова в уста Виргилия с тем намерением, чтобы напомнить, что творец Энеиды, «актер, наставник в песнопенье» Данте в (Ада 1,85), никогда не изображал ничего низкого и неблагородного. Впрочем, этот эпизод так верно схвачен с природы, что читатель конечно не упрекнет великого поэта за уклонение от возвышенного тона его элегантного учителя.

Песнь XXXI

Содержание. Обозрев десятый последний ров восьмого круга, поэты приближаются к краю глубокого колодезя, составляющего последний девятый круг ада. Страшный звук рога оглушает Данта: поэт смотрит в ту сторону, откуда несутся эти звуки, и думает видеть башни, возвышающиеся вдали; но Виргилий заранее говорит ему, что это великаны. Данте благодарит природу за истребление столь ужасных палачей брани. Между тем путники приближаются к одному из них – Немвроду, виновнику смешения языков на земли; он в бешенстве обращается к странникам на непонятном наречии, но Виргилий укрощает его ярость. Далее поэты видят Эфиальта, пять раз опутанного цепями: потрясением своего тела он едва не колеблет земли. Наконец они подходят к третьему нескованному великану Антею, который, по просьбе Виргилия, схватывает поэтов, и, поспешно опустив

их на дно колодезя, поднимается как мачта на корабле.

1. Язык, меня так сильно уязвивший,
Что от стыда весь лик мой запылал,
Был мне и врач, боль сердца утоливший.[679]

4. Так Ахилесс – я некогда слыхал —
Сперва разил копьем своим нещадно,
А после им же раны исцелял.

7. Расставшись с сей долиной безотрадной,
Мы в гробовом молчанье перешли[680]
Лежавший вкруг нее оплот громад-

---

[679] Примечания: 679

Виргилий сперва пристыдил Данта строгим выговором; но потом тотчас же успокоил его своим прощением.

[680] Примечания: 680

Телеф, царь Миэии, союзник Троян, получил рану от копья Ахиллова, принадлежавшего прежде Пелею; согласно с приговором оракула, эта рана ни чем не могла быть излечена, как только ржавчиной с того самого копья, которым она нанесена Телефу. Овидий говорит (Rem. amor. 46–48):

Vulnus in Hereuleo quae quondam fecerat hoste,
Vulneris auxilium Pelias hasta tulit.

ный.[681]

10. Был сумрак здесь, ни день, ни ночь земли,

И взор не мог проникнуть в воздух сжатый;

Но слышал я столь громкий рог вдали,

13. Что перед ним ничто громов раскаты,

и я, на встречу звуку, поспешил

Направить очи, ужасом объятый.

16. По страшной битве, где не довершил

Великий Карл священного обета,

Не так ужасно в рог Орланд тру-

[681] Примечания: 681

Поэты уже вышли из восьмого круга с его десятью отделениями, в которых казнится обман без доверия; теперь они переходят скалистую ограду того колодезя, о котором сказано Ада XVIII, 4 и д.

бил.[682]

19. Я вверх взглянул, и в воздухе без света,

Казалось, зрел высоких башен ряд

И рек: «Учитель, что за крепость эта?»

22. А он: «За то, что в адский мрак и смрад

Ты слишком вдаль глядишь, воображенье

Густою мглой твой обмануло взгляд.

25. Пришед туда, поймешь, как отдаленье

Обманчиво для ваших чувств порой;

---

[682] Примечания: 682

Архиепископ Тюрпин, баснословный историк Карла Великого, повествует, что император, завоевав Испанию, находившуюся под владычеством врагов христианства Мавров и восстановив епископство компостелльское, сам удалился за Пиренеи, оставив резерв в 20,000 человек в Ронсевале (Ronceveaux) под начальством Орланда. Сарацины в числе 50,000 под предводительством Марсилия и Белингерда, предательски напали на это войско императора. Первый отряд неверных в 20,000 был избить христианами; но второй из 30,000 человек умертвил всех христиан, кроме Орланда и других пяти рыцарей. Тогда Орланд затрубил в рог и собрал еще сто христианских рыцарей, с которыми напал на Сарацин и убил Марсилия. Но вскоре, тяжело раненый, упал в Ронсевале под деревом и, раздробив свой меч непобедимый Дуранда о камень, еще раз затрубил в рог так сильно, что рог лопнул, а вместе с тем разорвались жилы у него на шее. За восемь миль Карл услышал звук

рога, но был удержан изменником Ганнелоном Майнцским; подоспели на помощь только Балдуин и Теодорих: первый спас коня орландова Баярда, и на руках последнего испустил дух Орланд. Филалетес.

Но несколько ускорь свое теченье.»

28. И, длань мою взяв ласково рукой,
Сказал: «Пока достигнем той стремнины,
Чтоб менее смущался разум твой,

31. Узнай: не башни то, но исполины
Над кладезем возносят грозный стан,
Погружены по пояс в глубь пучины.»

34. Как взор, когда рассеется туман,
Распознает предметы понемногу
Сквозь пар, которым воздух был заткан:

37. Так, подаваясь далее в дорогу
И взор вперяя в мрак густой, я вдруг
Прогнал мечту и в грудь вселил тревогу.

40. Как на горе, занявши полный круг,
В венце бойниц стоит Монтереджио-

ни:[683]

Так высятся над кладезем вокруг,

43, Таясь до чресл в его глубоком лоне,
Гиганты, им же олимпийский бог
Еще
грозит, когда гремит на троне.[684]

46. Лик одного уж рассмотреть я мог,[685]
Рамена, грудь, вдоль ребр висящи длани
И весь живот почти до самых ног.

49. Пресекши род чудовищных созданий,
Природа, сколь была добра ты к нам,
Отняв столь лютых палачей у брани.

---

[683] Примечания: 683

Монтериджиони, крепкий замок, стоявший на возвышенной горе не далеко от Сиенны, был поставлен, по словам комментаторов, по всей ограде, имевшей форму правильного круга, высокими башнями, на расстоянии 80 браччий одна от другой, но не имел ни одной в средине. Еще и в нынешнем разрушенном состоянии он совершенно соответствует этим стихам Данта. Ампер.

[684] Примечания: 684

Не без основания, глубокий колодезь ада, места казни величайшего греха — измены, обставлен гигантами, этими явными возмутителями против воли неба. «Ecce! gigantes gemunt sub aquis, et qui habitant cum eis» Vulg. Iob. XXVI, 5. Копишь.

[685] Примечания: 685

Намек на баснословную войну гигантов с Зевсом, который, поразив громами, свергнул их на дно Орка.

52. И если жизнь даруешь ты слонам
Или китам, то всяк с рассудком ясным
Поймет твою премудрость: ибо там,

55. Где злая воля связана с ужасным
Избытком сил, где разум зол и дик,
Там более защ[686] *иты нет несчастным.*

58. Огромен, толст казался страшный лик,
Как в Риме шар с гробницы Адриана,[687]
И соразмерно с ним был рост велик.

61. От скал, служивших запоном для стана,

---

[686] Примечания: 686

Данте благодарит природу за то, что она не дозволила, чтоб война производилась существами, которые, обладая разумом, в тоже время наделены чрезмерною силой и злостью, каковы были древние гиганты.

[687] Примечания: 687

Бронзовый шар, имеющий форму сосновой шишки (pina), украшал некогда мавзолей императора Адриана; но потом, по повелению папы Симмаха, был снят и поставлен на древнем храме св. Петра в Риме. Этот шар и поныне находится в ватиканском саду в Бедьведере, на ступенях около змеи Браманте. По измерению Филалетеса, он равняется 10 пальмам. Так как лицо составляет девятую часть всей длины человеческого роста, то выходит, что длина гиганта равняется 90 пальмам или 30 браччиям (в браччии 3 пальмы); а так как пальма к парижскому футу

относится как 6:10, то значит длина его равна 54 футам. Филалетес.

На столько вверх вздымался призрак сей,

Что тщетно б три фригийца великана

64. Достичь пытались до его кудрей:[688]

Пальм тридцать было до той части тела,[689]

Где пряжкой плащ застегнут у людей.

67. «Mai amech zabi almi rafela!»[690]

Тут завопила бешеная пасть,

Что никогда иных псалмов не пела.

70. Но вождь: «Глупец! твоя ничтожна власть;

Возмись за рог и речью непонятной

---

[688] Примечания: 688

Фризы (Фридландцы) считались во времена Данта людьми самого высокого роста. Стало быть, три человека самого высокого роста, поставленные друг на друга, едва могли бы достать до его волос.

[689] Примечания: 689

Замечательно, что эта мера совпадает с величиною гигантов (Эфиальта) у Гомера (Одисс. XI, 311), который дает им рост в 9 оргий: оргие равняется 6 футам, а это составляет 54 фута. Филалетес.

[690] Примечания: 690

Эти слова, коих порядок мною несколько изменен (Rafel mai ameclizabi almi), по-видимому, не имеют никакого смысла, как явствует из ст. 81; тем не менее, много было сделано попыток комментаторами, чтоб найти смысл этих слов. Между прочим, в новейшее время Др.

Аммон в Дрездене доказал, что слова эти арабские. «Гигантская тень Немврода (согласно с Iов. С. XXVI, 5) пребывает в подземном мире. Вот что повествуют о нем поэты Востока: Немврод пустил стрелу в небо, откуда она упала окровавленная: вообразив, что он ранил ангела, он в дерзком высокомерии стал строить башню еще выше, нежели прежде; но, ужаленный мухою, низвергся в *шеол;* здесь на берегу стигийских вод (Stygios lacus, Aen. VI, 134) видит он смело идущего юного поэта (insano juvat indulgere labori, Aen. VI, 135) и восклицает: Rafel mai amek zabi al' mi, или, в латинск. переводе:

«Quam stulte incedit flumina Orci puer mundi mei.»

Филалетес.

Излей свой гнев, или другую страсть.

73. Сыщи ремень у выи, дух развратный!
Помешанный! на нем твой рог висит;
Смотри, вот он у груди необъятной.»

76. И мне потом: «Он сам себя винит;
Он был причиной, он – Немврод ужасный,
Что мир наречьем разным говорит.[691]

79. Оставь его; с ним говорить напрасно:
Как для него невнятна речь людей,
Так и его наречье всем неясно.»

82. Тут мы пошли и встретили левей,[692]

---

[691] Примечания: 691

Согласно с вышеприведенным восточным преданием, Немврод представлен здесь как основатель вавилонской башни: тоже самое принимает и учитель Дантов Брунетто Латини; он говорит: «Этот Немврод построил вавилонскую башню, в следствие чего произошло смешение языков. Он сам переменил свой язык еврейский на халдейский.» (Tesero, Lib. I, cap. XIV). Может быть, это предание побудило Данта заставить Немврода говорить по Арабски. Филалетес.

[692] Примечания: 692

Поэты огибают часть окраины колодезя.

На перелет стрелы из самострела,[693]
Другую тень огромней и страшней.

85. Не знаю, кто сковал ее так смело;
Но спереди на шуйцу ей легла,
А на руку десную сзади тела

88. Стальная цепь, которая была
Протянута от плеч до края бездны
И тень пять раз спиралью обвила.

91. «Надменный сей, потрясший своды звездны,
Дерзнул вступить с державным Зевсом в брани,
Сказал поэт: «здесь суд ему возмездный.

94. То Эфиальт, с богов сбиравший дань,
Когда гиганты их смутили спором;

---

[693] Примечания: 693

Т. е. на таком расстоянии, на которое можно пустить стрелу из самострела (balestro). По вычислению Филалетеса, основанному на ст. Ада XXIX, 9 и XXX, 86–87, окружность колодезя равняется 1 3/4 мили или 16,000 браччиам (браччиа = 3 пальмам); если принять выстрел из самострела в 400 браччий то выходит, что вокруг колодезя помещено 40 гигантов.

Теперь во век его недвижна длань.[694]»

97. А я: «Скажи, где Бриарей, в котором[695]

Такая мощь? желал бы я, поэт,

Громадный рост его измерить взором.» —

100. «Вблизи от нас Антей,» он мне в ответ:[696]

«Он говорит и не закован в цепи;

Он впустит нас в пучину лютых бед.

103. Но Бриарей там далее в вертепе:

Он столь же дик и скован навсегда;

Но страшный вид его еще свирепей.»

---

[694] Примечания: 694

Ос Эфиальте и Отесе, детях Поссидона и Ифимедеи, говорит Гомер:

> *«Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их*
>
> *Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;*
>
> *Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный*
>
> *Взбросит на Оссу они покушались, чтоб приступом небо*
>
> *Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли*
>
> *Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,*
>
> *Прежде, чем младости пух оттенил их ланиты и первый*

Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.»

Жуковский, Одиссея XI, 313 и д.

[695] Примечания: 695

Бриарей, сторукий гигант, сын Урана и Земли.

[696] Примечания: 696

Антей, сын Земли; она придавала ему новые силы каждый раз, когда он к ней прикасался. Потому Геркулес, в жестокой борьбе с этим великаном, для того, чтобы окончательно одолеть сильного противника, был принужден поднять его на воздух и задушить в своих объятиях (ст. 132). Антей не воевал против богов вместе с братьями: потому не скован и не утратил способности говорить (ст. 118–121).

106. С подобным треском башню никогда

Не рушила землетрясенья сила,

С каким потрясся Эфиальт тогда.

109. О! никогда так смерть мне не грозила,

И если б я не зрел на нем цепей, —

Одна боязнь меня бы умертвила.

112. Тогда пошли мы дальше, где Антей

Из пропасти поднял чело в гордыне,

До головы имея пять локтей.[697]

115. «О ты, губитель львов на той долине,

Где Сципион такую честь стяжал,

А враг его бежал во след дружине![698]

118. О! если б ты с гигантами бросал,

---

[697] Примечания: 697

В подлин.: cinqu' alle. *Alla,* Италианская мера, равняется 6 пальмам: стало быть, Антей до головы имел 30 пальм, или был равен Немвроду до шеи. Филалетес.

[698] Примечания: 698

Лукан (Phar. V, 566) помещает пещеру Антея в плодоносной долине, орошаемой рекою Баградой, не далеко от Утики, где на полях Замы Публий Корнелий Сципион Африканский старший одержал победу над Аннибалом.

Как с братьями, на небо гром оружий,
То, верно б, рок победой вас венчал,

121. Сыны земли, воинственные мужи!
В труд не вмени нас опустить в тот край,
Где весь Коцит оледенел от стужи.

124. Идти к Тифею нас не принуждай;[699]
Тебе за все воздать мой спутник может;
О! наклонись и глаз не отвращай.

127. Твою он славу в мире том умножит:
Он жив и ждет жизнь долгую себе,
Коль ранний срок ей Благость не положит.

130. Так вождь молил и, вняв его мольбе,
Антей огромные раздвиг объятья,
Которых мощь Алкид познал в борьбе.

---

[699] Примечания: 699
Тифей — один из гигантов.

133. «Скорей ко мне, чтоб мог тебя обнять я!»

Вскричал поэт, когда был схвачен им:

И мы друг друга обняли как братья.

136. Как Карисеида, – если взор вперим

На склон ее, когда над ней промчится

Тень облака, – склоняется пред ним:[700]

139. Так он спешил всем телом наклониться,

И в ужасе в ту бездну в хлад и мрак

Иным путем желал бы я спуститься.

142. Он нас спустил туда, где вечный враг

С Иудой стынет в бездне подземельной,

И, наклонен, сам не остался так,

145. Но вдруг поднялся мачтой корабельной.

---

[700] Примечания: 700

В Болонье находятся две наклоненные башни: Torre degli Asinelli и Torre Carisenda. Если облако пробегает по небу против этой башни, то зрителю, стоящему под ее наклоном, кажется, что башня наклоняется — сравнение, необыкновенно верно выражающее наклонение гиганта.

Песнь XXXII

Содержание. Данте призывает муз на помощь, приступая к изображению средоточия вселенной, последнего девятого круга, этого краеугольного камня ада, где наказуется величайший грех – измены, и где в вечных льдах Коцита погружен Люцифер, родоначальник греха. Дно этой бездны представляет огромное замерзшее озеро, образованное рекою Коцитом; оно состоит из четырех отделений: *Каины,* где казнятся изменники родственникам; *Антеноры,* заключающей в себе изменников отечеству и граду; *Птоломей* – изменников друзьям и *Джиудекки* – изменников благодетелям и Богу. – Данте вступает в Каину и видит тени изменников, замерзшие до ланит, где зеркало стыда: все они поникли головами; они плачут, но слезы замерзают между веками. Тут видит он тени двух братьев из фамилии Альберти да Мангони: они погружены в озеро так близко один к другому, что во-

лосы перепутались на их головах. Другой изменник, Камиччион де Падзи, предательски называет ему как этих, так и многих других грешников – своих товарищей и предсказывает скорое прибытие Карифио, еще живого во время замогильного странствования поэта. – За тем путники вступают во второе отделение этого круга – Антенору, проходя между головами грешников, Данте нечаянно ударяет ногою в лоб одного из них; грешник горько жалуется, но не хочет сказать своего имени: тогда Данте, выведенный из терпения его упорством, вырывает с головы его волосы. В это время, другой грешник выдает упорного изменника, назвав его по имени Боккой. Выданный изменник, в отмщение, называет Данту как этого, так и многих других предателей. – Наконец, на рубеже Антеноры и следующего отделения – Птоломей, Данте видит двух грешников, замерзших в одной яме: один из них грызет голову другого. Поэт вопрошает грызущего о причине такой ненависти, обещаясь в случае его правоты пересказать о нем на

земле.

1. Будь стих мой груб, будь рифмы хриплы, дики,[701]

Приличье проклятой бездне сей,

Всех прочих скал несущей гнет великий,[702] —

4. Из дум моих я б выжал сок полней;

Но где стихи, чтоб выразить ту яму,

И кто без страха вымолвит о ней?

7. Да будет же тот вечно предам сраму,

Кто б вздумал дно вселенной описать[703]

На языке, зовущем папу, маму.

---

[701] Примечания: 701

Приступая к описанию конечной пропасти ада, заключающей в себе зло вселенной, величайший грех по дантовой системе — измену, поэт ищет рифм диких и хриплых (le rime e aspre e chiocce).

[702] Примечания: 702

Все утесы верхнего ада и в особенности скалы, составляющие восьмой круг, упираются во внешнюю ограду глубокого колодезя (Ада XVIII, 4 и д.)

[703] Примечания: 703

По системе птоломеевой, небо со всеми своими планетами и звездами вращается вокруг земли; потому центр земли (дно ада) должен быть и средоточием вселенной (Ада I, 127 и пр.)

10. Но да послужат девы мне опять,
Помогшие певцу воздвигнуть Фивы,[704]
Чтоб истину мог стих мой передать!

13. О чернь! о род пред всеми злочестивый!
И вспомнить страшно, где гнездишься ты!
О лучше, если б родились зверьми вы!

16. Когда гигант вглубь вечной темноты
К ногам своим спустил нас из объятий[705]
И я еще взирал на высоты, —

19. Вдруг, возле нас, раздался крик проклятий:[706]

---

[704] Примечания: 704

Девы, т. е. музы. Амфион, древний греческий певец, подвигал с места деревья и скалы звуками лиры. Камни, таким образом, подвигнутые, сложились в стены и положили первое основание Фив. Не без значения Данте упоминает здесь о Фивах, этом гнезде ужаснейших измен и преступлений, совершенных в древности (Ада XXX, 9 и примеч. и XXXIII, 88 и прим.) Копишь.

[705] Примечания: 705

От подножия, на котором стоят гиганты, есть еще уступ, ведущий к краю ледяного озера.

[706] Примечания: 706

Это голос одного из замерзших во льдах девятого круга.

«Гляди же под ноги и так пятой.

Не попирай годов несчастных братий!»

22. И, обратясь, узрел я пред собой

Дно озера, которое с кристаллом

Имело больше сходства, чем с водой.[707]

25. Сам Танаис в стремленьи одичалом,

Иль в Австрии Дунай среди снегов

Не отягчен столь толстым покрывалом,

28. Как здесь Коцит, и пусть в сей мрачный ров[708]

Вдруг с Пьетропаной Таверник свалит-

---

[707] Примечания: 707

Это озеро образовано Коцитом, берущим свое начало, вероятно, из волн кипящего Флегетона, охлажденного вследствие своего падения из седьмого в восьмой круг (Ада XIV, 114–119) и во время подземного своего течения под восьмым кругом (Злыми-Рвами); окончательно же замерзает Коцит, как увидим ниже, от взмахов крыл Люцифера. Филалетес.

[708] Примечания: 708

«Сия-то бездна окончательно воспринимает в себе греховный поток, возникающий от порчи человечества (Ада XIV, 94-120 и прим.); здесь замерзает он в виде озера от чуждого любви божественной, лишенного света, сатанинского холода, холода, объемлющего представителей высшего эгоизма человеческого — изменников. Сюда тяготеет все тяжелое мира; здесь, как в мрачной, нелюбящей душе эгоиста, вечная

мгла, вечный холод, вечная ненависть со всей своей мукой и ужасами муки.» Копишь.

ся,[709] —

Не затрещит под ними лед с краев.

31. И как лягушка, квакая, стремится

Из лужи мордой в те часы, когда

Колосьев сбор порой крестьянке снится:[710]

34. Так до ланит, где зеркало стыда,[711]

Замерзли тени, щелкая зубами,

Как аисты, и посинев средь льда.

37. Все грешники поникли головами;

Скорбь их сердец является в очах,

О холоде твердят они устами.[712]

---

[709] Примечания: 709

Таверник — вероятно одиноко-стоящая гора в Славонии, в области Тавернико, называемая *Фруста Гора.* — Пиетропана, высокая гора в Гарфаньяне, не далеко от г. Лукки.

[710] Примечания: 710

В этой терцине в противоположность ужасающей воображение вечной зиме приведен теплый летний вечер Италии, когда жатва окончена и бедная сельская девушка, весь день подбиравшая оброненные колосья, продолжает думать о них и во сне. В своих сравнениях Данте часто уподобляется Гомеру, рисуя, подобно ему, самые очаровательные сельские картины среди ужасов ада. Копишь.

[711] Примечания: 711

У грешников, заполняющих Каину, в которую теперь вступает Данте, еще осталось чувство стыда, чего нет ужи у грешников след. отделений девятого круга.

[712] Примечания: 712
Т. е. стучаньем и скрежетом зубов.

40. Я вниз взглянул и под собой в ногах
Увидел двух, которых льды так смяли,
Что кудри спутались на их главах.

43. «Скажите, вы, что грудь так с грудью сжали,»
Спросил я: «кто вы?» – И на мой вопрос,
Закинув выи, взор они подняли.

46. Из глаз, когда-то влажных, капли слез
До самых губ они струили оба,
И новым льдом им губы сжал мороз:

49. Так плотно брусьев не скрепляет скоба!
Они же лбами грянулись сильней,
Чем два козла: так их объяла злоба.

52. И вот, один, лишившийся ушей
От холода, лицом прильнувши к льдине,
Сказал: «За чем глазеешь на теней?

55. Или хочешь знать, кто эти два?

в долине,[713]

Где с гор бежит Бизенцио ручьем,

Отец их, Альберт, с ними жил доныне.[714]

58. Они два брата: обойди кругом[715]

Каину всю, не встретишь пред собою,[716]

Кто б с большим правом стынул подо льдом:

61. Ни тот, чью грудь и тень своей рукою[717]

Пронзил Артур, нижё Фокаччья сам,[718]

Ни даже сей, который головою

---

[713] Примечания: 713

Этот говорящий есть Мессер Альберто Камичиони де Падзи ди Вальдарно, предательски убивший своего родственника Убертино (ст. 68). Пиетро ли Данте.

[714] Примечания: 714

Это — два брата: Алессандро и Наполеони дельи Альберти, дети графа Альберто дельи Альберти да Мангона, древней фамилии, владевшей верхней долиной Бизенцио. Комментаторы рассказывают, что по смерти своего отца они тиранствовали в окрестностях Фальтероны (в Тоскане), чрез которую протекает река Бизенцио, впадающая в Арно, и наконец, поссорившись, умертвили друг друга. «Nota,» прибавляет Anonimo, «che questa casa di Mangona l'ha innato a tradimento sempre uccidendo l'un l'altro.» Рикордано Малеспина. (Hist Flor. Cap. 160. Murator. Rer. Ital. scrip. Vol. VIII).

[715] Примечания: 715

Они были братья-близнецы: «erano nati ad un parto.» Боккаччио.

[716] Примечания: 716

Первое отделение этого круга, названное по первому братоубийце — Каину (см. содержание этой песни).

[717] Примечания: 717

Артур, согласно с романом о Круглом Столе (de laTable Ronde), вверил управление королевством, свои богатства и супругу Женевру незаконному сыну своему Мордреку, а сам отплыл во Францию воевать с Ланселотом. В его отсутствии Мордрек влюбился в Женевру и для того, чтобы получить ее руку, показал королеве сочиненное им письмо как будто от Артура, который извещал, что он смертельно ранен и, умирая, просил Женевру, чтобы она отдала корону и руку Мордреку. Вассалы Артура, частью обманутые, частью подкупленные Мордреком, избрали его в короли и требовали, чтобы Женевра шла за него за муж. Она просила несколько дней на размышление; между тем, тайно запасшись съестными припасами, заперлась с верною дружиной в лондонской башне. В тоже время она отправила гонца во Францию к королю Артуру, если он действительно умер, то к Ланселоту. Узнав об измене Мордрека, Артур немедленно возвратился в Англию, вступил в кровопролитную битву с сыном и, встретившись с ним, убил его, пронзив ему грудь копьем своим так, что луч солнца прошел чрез его тело (почему у Данта сказано: грудь и тень), как кто видел Жирфле (один из рыцарей круглаго стола): «Et dit l' ystoire que appres l' ouverture de la lance passa parmy la playe ung ray de soleil si evidamment que Girflet le veit bien.» Умирая, Мордрек нанес отцу мечем своим рану, от которой он и умер (Lancelot du lac, derniere partie de la table ronde, Cap. XXI). Филалетес.

[718] Примечания: 718

Фокаччиа Канчеллиери, из Пистойи, один из Белых, о котором уже было упомянуто выше (Ада XXIV, 124–126 и пр.). Спасшись постыдным бегством от Черных, согласившихся умертвить его, он отвечал упрекавшим его в трусости: «Пусть лучше скажут: отсюда бежал Фокаччиа, нежели тут был он убит.» Когда в последствии белые Кавчеллиери задумали отмстить смерть рыцаря Бертино (см. там же), избрав в жертвы М. Детто из черных Канчеллиери, то для исполнения этого замысла избрали Фокаччию и Фредуччио, племянника Бертино. Скрытые в засаде, они убили Детто на Piazza de' Laxcari, куда часто хаживал Детто «не ожидавший», говорит летописец, «чтобы родственники его Канчеллиери решились отмстить кровью родственника смерть чужого.» За кто-то преимущественно злодеяние Данте поместил Фокаччию в Каину и вместе с тем показал совершенное беспристрастие, ибо человеку своей партии присудил более жестокую казнь, нежели черному Ванни Фуччи (Ада XXIV, 134–126 и пр.). (Stor. Pist. Muralor. Rer. Ital. Vol, XI, 371). Филалетес.

64. Мешает вдаль смотреть моим очам, —

Предатель Сассоль: если ты Тосканец,

То ты о нем слыхал конечно там.[719]

67. Но чтоб скорей нам кончить, чужестранец,

Узнай: я Падзи; я Карлино жду,

Пред чьим грехом мой грех утратит глянец.[720]» —

70. Потом я зрел тьму песьих лиц во льду

И я дрожал и в век дрожать я буду,

Лишь вечный лед на память приведу.

73. Пока мы шли к средине, где отвсю-

---

[719] Примечания: 719

Сассоль Маскерони, из фам. Тоски, умертвил своего племянника, чтоб завладеть его наследством: за это его прибитого гвоздями к бочке (clavatus in una vegete) катали по улицам Флоренции и потом обезглавили. Эта ужасная казнь сделалась известною во всей Тоскане. Бенвенуто да Имола.

[720] Примечания: 720

Карлино де Падзи, один из изгнанных белых флорентинцев. В то время, когда Черные из Флоренции осаждали Пистойю, находившуюся еще во власти Белых (Ада XXIV, 142–151 и прим.), Кардино оборонял крепость Пиано ди Фравиньо в Вальдарно с 60 рыцарьми и множеством пехоты. Не смотря на все средства к защите, Карлино вскоре сдал изменнически эту важную крепость флорентинцам. При этом многие весьма важные лица из партии Белых были взяты в плен: одни из них выкупились за

большие деньги; другие были убиты: в числе последних находились Бенвенуто, дядя, и еще другой родственник Карлино. Так как это случилось в 1302, то Камичиони должен еще дожидаться прибытия Карлино в ад. Он хочет сказать: пред его изменой мое преступление покажется неважным (Dino Camp. Giov. Villani VIII, 52). Филалетес.

ду[721]

Стремится тяжесть к центру своему,

И с трепетом я зрел ледяную груду, —

76. Судил ли рок, иль случай вел к тому,[722]

Не знаю, но, идя меж черепами,

Ногой я в лоб ударил одному.

79. «За что ж ты бьешь?» вскричал он со слезами:

«Коль не пришел ты месть усугубить

За Монт Аперти, что гнетешь ногами?[723]*»*

82. А я: «О вождь! позволь мне здесь побыть,

Чтоб выведать, кто этот грешник новый?

Потом веди, как хочешь, мне спе-

---

[721] Примечания: 721

Т. е. ко дну ада, к центру земли и вселенной.

[722] Примечания: 722

Здесь опять различие между судьбою и случаем (Ада XXVI, 24 и пр.). Данте намекает, что так судила сама судьба.

[723] Примечания: 723

Монт Алерти см. ниже (106 и прим).

шить.»

85. Учитель стал; а я направил слово
К тому, которые мне еще грозил:
«Скажи, кто ты, хулитель мой суровый?» —

88. «А кто ты сам?» мне грешник возразил:[724]
«Ты в Антеноре так разишь нам лица»
Что и живой не так бы поразил.[725]*» —*

91. «Я жив и, выйдя из льдяной темницы,»
Был моя ответ: «я и тебя включу,
Коль славы ждешь, к другим в свои страницы.»

94. А он на то: «Противного хочу;
Прочь от меня! не досаждай мне доле:

---

[724] Примечания: 724

Антенора, второе отделение девятого круга, где наказуются изменники отечеству и куда входят теперь поэты. Так названа эта яма по имени Антенора, троянского вождя, помогавшего Грекам в похищении Палладиума и давшего им совет построить деревянного коня (Ада XXVI, 55–68 и прим.). Уже Ливий подозревал, что Антенор и Эней потому только спаслись одни при разрушении Трои, что тайно находились в дружеских сношениях с Греками (Tit Liv. Lib I, cap. 1).

[725] Примечания: 725

Он принимает Данта за тень.

В сей пропасти за десть я не плачу.[726]» —

97. «О! если так, ответишь по неволе,»
Вскричал я, в выю уцепясь ногтьми:[727]
«Иль волоска я не оставлю боде!» —

100. А он: «Пожалуй, все себе возьми;
Но не скажу, кто я, я не открою,
Хоть бей меня, хоть череп проломи.»

103. Уж в волосы вцепился я рукою
И много косм с изменника сорвал,
А он завыл с пониклой годовою;

106. Вдруг слышу вопль: «Что, Бокка, закричал?[728]

---

[726] Примечания: 726

Эти грешники не желают уже, чтобы весть о них приходили в мир: за то они находят какое-то сатанинское наслаждение называть по имени своих товарищей по аду и, как закоренелые изменники, беспрестанно выдают друг друга. Потому и Камичиони де Падзи, называя себя, клеймит вместе с тем и своих соседей. Филалетес.

[727] Примечания: 727

«Вид греха и мук ожесточили сердце поэта, но мысль об измене еще более; к предателям он не чувствует никакого сострадания: бьет одного, чтобы вынудить у него имя; дав обещание другому снять у него ледяные цепи с очей, выманивает у него название, но нарушает слово (Ада XXXIII, 149); обмануть изменника ему кажется позволительным.» Шевырев.

[728] Примечания: 728

Бокка дельи Аббати, во время похода флорентинских Гвельфов против Сиенны (Ада X, 31–93 и прим.), служит в отряде рыцарей, коими предводительствовал Джиакопо или Джиакомо Вакка ди Падзи из Флоренции (были еще Падзи из Вальдарао). В сражении при Монт Аперти или Арбии, Бокка, находясь в тайных сношениях с Гибеллинами, обрубил руку Джиакопо, несшего знамя флорентинцев: внезапное падение знамени лишило духу войско и содействовало окончательному его поражению. Здесь в замен (ст. 116) выдает он гибеллина — Дуеру.

Аль челюстью стучать не надоело,

Что лаешь так? кои черт к тебе пристал?» —

109. «Молчи ж,» я рек: «изменник закоснелый!

Тебе упорство не могло помочь:

Позорь твой в мире возвещу я смело.» —

112. «Болтай, что хочешь, убираясь прочь,

Но и о том, что так язык торопит,

Не умолчи, покинув адску ночь.

115. О золоте французов здесь он вопит;

Скажи: Дуеру видел я во рву[729]
На холодке, где бес измену топит.[730]

118. С ним и других тебе я назову:»
Вот Беккерия близ тебя, сложившие[731]
В Флоренции под топором главу.

121. Там, думаю, дель Сольданьер, застывший[732]
С злым Ганнелоном; дале – Трибальдел,[733]
В Фаэнцу ночью двери отворивший.[734]*» —*

124. Мы прочь пошли, и в яме я узрел
Двоих замерзших так, что покрывает

---

[729] Примечания: 729
Буозо дя Доариа или Дуэра, один из вождей гибеллиеской партии в Кремони, управлял вместе с маркизом Оберто 16 лет этим городом. Когда французские войска шли под предводительством Роберта де Бетюн (Bethunes) и Гвидо Монфорского через Ломбардию на помощь Карлу Анжуйскому, Оберто и Буозо Дуора стали на р. Одьо в провинции Сончино с целью воспрепятствовать неприятелю. Французам удалось однако ж — неизвестно обманом, или вследствие измены Дуеры — перейти через Ольо при Palazuoio (в 1265) и соединиться с Гвельфами, имея в тылу гибеллинское войско под предводительством Обидзо Эсте (Ада XII, 111 и прим.), который тоже способствовал этому переходу через р. Ольо, столь гибельному для Монфреда. Современники сильно подозревали Дуэру, взявшего будто бы деньги с французов; за то Кремонцы искоренили всю его фамилию (Chron. Fra Pip. Murator. Rer. It.

scr. Vol. IX, p. 709). Филалетес.

[730] Примечания: 730

В подлин.: Là dove i peceatori stanno freschi — каламбур непереводимый.

[731] Примечания: 731

Тезауро, из дома Беккерия из Павии, аббат Валломброзы, легат папы Александра IV в Флоренции после первого изгнания Гибеллинов из этого города, был обвинен в тайных сношениях с последними; ему отрубили голову (1258). Виллани, вполне его оправдывая, приписывает поражение флорентинцев при Монт Аперти суду Божиему за это преступление своих соотечественников (Villan. VI, 66). Филалетес.

[732] Примечания: 732

Джианни дель Сольданиер, гибеллин, желая возвыситься (permontare in stato), сделался предводителем цехов, восставших против Гвидо Новелло и гибеллинских фамилий (Ада X, 31–93 и пр.). Виллани, (Lib. VII, II).

[733] Примечания: 733

Карл Великий, по возвращении своем из Кампостеллы, отправил Гана или Ганнелона Майнцского к Марсицию и Белингерду, предводителям Сарацин, с требованием ими уплаты подати, или принятия св. Крещения. Подкупленный ими Ганнелон, привезя от них богатую дань, убедил Карла удалиться с войском за Пиренеи, оставив только незначительный арръергард под предводительством Орланда, который и был разбит при Ронсевали (Ада XXXI, 16–18 и пр.). Тюрпин (Vita Caroli Magni, Cap. XXI).

[734] Примечания: 734

Когда партия Ламбертадзи (так назывались болонские Гибеллины), изгнанная из Болоньи, бежала к своим родичам, Акаризи, в Фаэнцу (см. исторический очерк событий в Романьи в конце книги): тогда Трибальделло Самбрази, поссорившись с своими единомышленниками (один из Ламбертадзи убил его свинью!) из мщения отправим противной партии — Джеремеям (Гвельфам) болонским восковой слепок ключа от ворот Фаэнцы (Porta Emilia); Джеремеи сделали по этому слепку ключ и ночью, отперши ворота, вошли в город Annal. Cesenates. Murat. Rer. It. scr. Vol. XIV, 1105). Трибальделло пал при взятии Форди Иоанном Annal (Ада XXVII. 43–45 и пр.). Филалетес. — Отсюда берет свое начало болонская народная игра, il giuoco del porco (Manzi, «Speltacoli» p. 35–41.) Каннегиссер.

Глава главу – мучения предел![735]

127. И как голодный жадно хлеб съедает,

Так верхний зубы в нижнего вонзал

У выи там, где в череп мозг вступает.

130. Как Меналипповы виски глодал

Тидей, безумным ослеплен раздором:[736]

Так этот грешник череп раздирал.

133. «О ты, который с столь свирепым взором

Грызешь главу соседу своему,

Скажи, за что,» спросил я: «с уговором,

136. Что если ты по праву мстишь

---

[735] Примечания: 735

Должно думать, что один помещен во льду ниже другого, причем весьма вероятно, что между обоими находится граница, отделяющая Антенору, ров изменников отечеству, от Птоломеи, где казнится измена друзьям. Филалетес.

[736] Примечания: 736

Тидей, один из семи царей, осаждавших Фивы, был смертельно ранен Меналиппом, которому он тоже нанес смертельную рану. Истекая кровью, Тидей просил принести труп своего врага, и когда его желание было исполнено, он приказал отрубить ему голову и с бешенством начат ее грызть. Паллада, вымолившая Тидею у Зевса бессмертие, увидев это зверство, удалилась от него с содроганием. Statius, Thebais, Lib. III, 717–767.

ему»

То я, узнав о вас, о вашей доле,
Предам его позорному клейму,[737]

139. Коль не отсохнет мой язык дотоле.»

[737] Примечания: 737

В верхних кругах ада Данте склонял грешников на беседу с собой обещанием даровать им славу на земле; в девятом кругу он склоняет их к тому обещанием позора их врагам. Филалетес.

Песнь XXXIII

Содержание. Подняв голову и отерев уста о волосы нагрызенной головы, грешник повествует Данту, что он, граф Уголино, вместе с детьми и внуками, предательски был схвачен архиепископом Руджиери, голову которого он теперь грызет, посажен в тюрьму и в ней уморен голодом. Данте, по окончании страшного рассказа изливается в сильной речи против Пизы, родины графа, и за тем, покинув грешника, вступает за Виргилием в третье отделение девятого круга – Птоломею, где совершается казнь над предателями друзей своих. Они обращены лицом к верху, вечно плачут, но слезы тотчас замерзают перед их глазами, и скорбь, не находя исхода из глаз, с удвоенным бременем упадает им на сердце. Один из этих предателей, монах Альбериго, умоляет Данте снять с него куски замерзших слез: поэт обещается и тем заставляет грешника открыть свое имя;

при этом, грешник объявляет ему, что Птоломея имеет то преимущество перед другими местами ада, что души изменников упадают в нее прежде, чем кончится срок их жизни, и в пример приводить душу своего соседа по муке Бранки де Ория. Не исполнив обещания, Данте удаляется от грешника, кончая песнь сильным порицанием жителей Генуи.

1. Уста подъял от мерзостного брашна
Сей грешник, кровь отер с них по власам
Главы, им в тыл изгрызенной так страшно,

4. И начал он: «Ты хочешь, чтоб я сам[738]
Раскрыл ту скорбь, что грудь томит как бремя,
Лишь вспомню то, о чем я передам.

7. Но коль слова мои должны быть се-

[738] Примечания: 738
К пояснению этого знаменитого рассказа служит исторический очерк политических событий в Пизе, составленный Филалетесом по подлинным документам и приложенные в конце книги.

мя,
Чтоб плод его злодею в срам возник, —
И речь и плач услышишь в то же время.

10. Не знаю, кто ты, как сюда проник;
Но убежден, что слышу гражданина
Флоренции: так звучен твой язык!

13. Ты должен знать, что граф я Уголино,
А он – архиепископ Руджиер,
И почему сосед мой, вот причина.

16. Не говорю, как в силу подлых мер
Доверчиво я вдался в обольщенье
И как сгубил меня он лицемер.

19. Но, выслушав, рассей свое сомненье,
О том, как страшно я окончил дни;
Потом суди: то было ль оскорбленье!

22. Печальное отверстье западни[739] —

[739] Примечания: 739
В подлин.: dalla muda. *Muda* собственно клетка, куда сажают соколов, когда они линяют.

По мне ей имя Башня Глада стало:[740]
Погибли в муках в ней не мы одни! —

25. Семь раз луны рожденье мне явля-ло[741]
Сквозь щель свою, как вдруг зловещий сон
С грядущего сорвал мне покрывало.

28. Приснилось мне: как вождь охоты, он
Гнал волка и волчат к горе, которой
Для Пизы вид на Лукку загражден.

31. Со стаей псиц, голодной, чуткой, скорой,[742]
Гваланд, Сисмонди и Ланфранк неслись
Пред бешеным ловцом, в погони ско-

---

[740] Примечания: 740
Местность этой башни определена теперь довольно верно: остатки ее и поныне еще видны в одном здании, принадлежащем ордену св. Стефано, в Пизе. В дарственной записи этого здания ордену из времен Медичи сказано: Donamus turrim olim dictam *deila fame.*

[741] Примечания: 741
Уголино оставался в башне Гваланди, названной с того времени Башнею Голода, с Августа 1288 по Март 1289, стало быть: около семи месяцев.

[742] Примечания: 742
Monte San Giuliano, гора между двумя городами, в 12 миль от каждаго.

рой.[743]

34. По малой гонке – мне потом приснись —

Отец с детьми попал усталый в сети

И псы клыками в ребра им впились.

37. Проснулся я и слышу на рассвете:

Мучительным встревоженные сном,

Рыдая громко, просят хлеба дети.

40. Жесток же ты, когда уж мысль о том,

Что мне грозило, в скорбь тебя не вводит!

Не плачешь здесь – ты плакал ли о ком?

43. Уж мы проснулись; вот и час приходит,

Когда нам в башню приносили хлеб,

Но страшный сон в сомненье всех при-

---

[743] Примечания: 743

Этот сон Уголино есть предзнаменование близкой его смерти. Руджиери очень глубокомысленно представляется в этом, сновидении как вождь и глава охоты; Свенонди, Гваланди, и Лавфравки, прочие вожди гибеллинской партии, суть ловчие, управляющие псицами — чернью Низы; волк с волчатами очевидно Уголино с детьми.

водит.

46. Вдруг слышу: сверху забивают склеп
Ужасной башни! Я взглянул с тоскою
В лицо детей, безмолвен и свиреп.

49. Не плакал я, окаменев душою;
Они ж рыдали, и Ансельмий мой:[744]
«Что смотришь так, отец мой? что с тобою?[745]*»*

52. Я не рыдал, молчал я как немой
Весь день, всю ночь, доколе свет денницы
Не проблеснул на тверди голубой.

55. Чуть слабый луч проник во мглу темницы, —

---

[744] Примечания: 744

Ансельмий (Anselmuccio, ласкательное от Anselmo), один из внуков Уголино.

[745] Примечания: 745

Во всей этой сцене ужаса сыновья и внуки графа Уголино представляются нам юношами и детьми, а ниже в ст. 88 прямо сказано, что они по молодости лет своих не могли быть причастны преступлению, в котором обвиняли их отца и деда. Между тем, теперь доказано, что младший из них был женат уже во время этого события. Но кто же упрекнет великого художника в том, что он пожертвовал исторической верностью поэтической цели, которая только тогда и могла быть достигнута, когда мы убеждены, что действующие лица не только невинны, но и не способны к преступлению? Штрекфусс.

Свое лицо, ужасное от мук,

Я вмиг узнал, узрев их страшны лица,[746]

58. И укусил я с горя пальцы рук;

Они ж, мечтав, что голода терзанье

Меня томит, сказали, вставши вдруг:

60. «Отец! насыться нами: тем страданье

Нам утолив; одев детей своих

В плоть бедную, сними с них одеянье.»

61. Я горе скрыл, чтоб вновь не мучить их;

Два дня молчали мы в темнице мертвой:

Что ж не разверзлась, мать-земля, в тот миг!

67. Но только день лишь наступил четвертый,

Мой Гаддо пал к ногам моим, сте-

---

[746] Примечания: 746

Взглянув на искаженные лица детей своих, Уголино узнает в них страшное изображение своего лица.

ня:[747]

«Да помоги ж, отец мой!» и, простертый,

70. Тут умер он, и как ты зришь меня,

Так видел я: все друг за другом вскоре

От пятого и до шестого дня

73. Попадали. Ослепнув, на просторе[748]

Бродил я три дни, мертвых звал детей…[749]

Потом… но голод был сильней, чем горе!»

76. Сказав, схватил с сверканием очей

Несчастный череп острыми зубами,

---

[747] Примечания: 747

Галло (сокращен. Gherardo), один из сыновьев Уголино.

[748] Примечания: 748

Некоторые комментаторы новейшего времени (Розини, Карминьяно) старались объяснить этот стих в том смысле, что будто бы голод заставил, наконец, Уголино питаться трупами своих детей. Куда ни заводит людей сильное желание блеснуть своим остроумием! С каким изумительным искусством умел великий поэт остаться в крайних границах между ужасным и отвратительным: и вот теперь в последнем стихе одним ударом он уничтожает в нас все участие, которое до сего времени мы питали к несчастному старцу! В грандиозном этом рассказе мы видим престарелого отца, который, чтоб не печалить детей своих, великодушно скрывает в сердце мучительнейшую скорбь и молча сносит муки голода; — старца, который не прежде, как по

смерти всех детей своих и внуков, начинает оглашать воздух темницы их именами, — который, ослепнув от потери сил, еще бродит по телам своих возлюбленных: эта великодушная твердость, эта беспредельная любовь торжественно восстают перед нашими глазами и наполняют сердце наше чувством неизъяснимого умиления, чувством, уравновешивающим до некоторой степени все ужасы голодной смерти. Представьте же теперь, что отец решается утолить свой голод трупами детей своих, что старик вынужден голодом к тому, что не входило в голову даже его детям, не смотря на то, что муки голода несравненно сильнее в детском возрасте; представьте всю омерзительность такого поступка, и вы, наверное, с отвращением и негодованием закроете книгу. Штрекфусс.

[749] Примечания: 749

И так Уголино умер на десятый ден. Франческо де Бути повествует, что двери башни отворили черен 8 дней (dopo le otto giorni).

Что,
как у пса окрепли для костей.[750] —

79. О Пиза! срам пред всеми племенами
Прекрасных стран, где сладко si звучит![751]
Когда сосед не мстит тебе громами,

82. То пусть Капрайя двинет свой гранит,[752]
Чтоб устье Арно грудой скал заставить,
И всех граждан волнами истребит!

85. Коль Угодин себя мог обесславить
Позорной сдачей стен твоих врагам,
За что ж на казнь с ним и детей оста-

---

[750] Примечания: 750

Смысл этой группы следующий: в воображении Руджиери, как скоро пробудилась в нем совесть, беспрестанно рисуется ужасный образ, голодного Уголино; так равно и граф Уголино вечно видит пред очами ненавистную тень своего предателя и вечно питает к ней только одно чувство: ненависть и жажду мести. Копишь.

[751] Примечания: 751

Т. е. Италии, где употребляется утвердительная частица *si.* Романские языки в то время разделялись по частице утверждения на latigue de *si* (Итальянский), langae d'oc (испанский), langae d'oui (французский). Вот что говорит об этом Данте в своем трактате De vulgari eloquentia: «На всем пространстве от устья Дуная или Palus Maeotis на запад до пределов Англии, Италии и Франции употребителен один язык, хотя у Славян, Венгров, Немцев, Саксонцев и Англичан распадается на

различные наречия (valgari): отличительным признаком всех этих наречий служит то, что все упомянутые народы для утверждения употребляют частицу *«Ja»*. Далее, идя от устья Дуная на восток, т. е. от границ Венгрии, начинается другой язык. Наконец, вся остальная часть земли в Европе имеет третий язык, хотя и разделенный в настоящее время на три наречия: ибо одни народы, утверждая, говорят *«oc»*, другие *«oui»*,третьи *«si»*, именно Испанцы, Французы и Италианцы.» (Данте, De vulgari eloquentia, Cap. VIII). Отсюда видно, что Данте правильно различает два главнейшие языка в Европе, хотя несправедливо отнес Венгров и Славян к Немцам.

[752] Примечания: 752

Капрайя, остров при впадении Арно в море. В подлин. упомянут еще др. остров Горгона.

вить?

88. Век новых Фив! уж по своим летам[753]

Невинны были Угуччьон с Бригатой[754]

И те, которых назвал грешник вам. —

91. Мы прочь пошли туда, где, весь объятый[755]

Тяжелым льдом, лежит не вверх спиной,

Но опрокинут навзничь род проклятый.

94. У них слеза задержана слезой,

И скорбь, преграду встретив пред очами,

---

[753] Примечания: 753

Древние Фивы с самого своего основания были театром величайших преступлений и убийств; о многих из них упомянуто выше (Ада XXX, 1–3 и пр.); к нам нужно прибавить то, что первоначальные Фивяне, возникшие из зубов, посеянных Кадмом, истребили друг друга, наконец, в Фивах два брата Этеокл и Полиник умертвили друг друга в поединке; мать их Иокаста повесилась, а сестра Антигона погребена живая.

[754] Примечания: 754

Угуччион (другая форма Ugo), сын Уголино. Бригата, прозвание внука уголинова Нино.

[755] Примечания: 755

Поэты вступают теперь в третье отделение девятого круга — в Птоломею (ст. 124), названную по имени Птолемея, сына Авувова, умертвившего Симона Маккавея с его сыновьями Иудою и Маттафием

и множество друзей их во время пира (Кн. I Макков. гл. XVI, 15 и 16). Поэтому Пиетро ли Данте полагает, что здесь наказуются души только тех грешников, которые изменнически погубили своих друзей во время пира, стало быть, души нарушителей гостеприимства.

Стремится внутрь с удвоенной тоской:

97. За тем, что слезы смерзлись в них кусками

И, как забралом из кристалла, льдом

Наполнили глазницы под бровями.[756]

100. Хотя в сей миг в вертепе ледяном

Все чувства холод истребил в мгновенье,

Как бы в мозоли, на лице моем;

103. Однако ж я почуял дуновенье

И рек: «О вождь! кто ветр вздымает к нам?

Не всякое ль тут стынет испаренье?[757]»

---

[756] Примечания: 756

Грешники в Птоломее лежат на спине; они вечно плачут, но слезы, начиная от глазниц, замерзают в тяжелые льдины и потому, не находя выхода, ложатся тяжелою скорбью на сердце. Изменивший другу оскорбляет сокровенные недра самого себя, потому что друг есть, так сказать, часть нашего сердца. Потому скорбь об измене другу должна сильнее тяготить сердце, нежели всякое другое горе. Копишь.

[757] Примечания: 757

Т. е. может ли возникнуть ветер, когда лучи солнца не извлекают здесь паров и когда, стало быть, ничто не нарушает равновесия в атмосфере? Филалетес.

106. А вождь в ответ: «Сейчас ты будешь там,

Где бури сей исток первоначальный:[758]

Тогда вопрос твой разрешится сам.»

109. И вот, один из мерзлых, дух печальный

Вскричал во льду: «О души злых теней, —

Столь злых, что край сужден вам самый дальний![759]

112. Снимите твердый мой покров с очей,

Чтоб мог излить из сердца я кручину,

Пока опять замерзнет слез ручей.»

115. А я: «Коль хочешь, чтоб я сбросил льдину,

Скажи: кто ты? и пусть сойду в сей миг

---

[758] Примечания: 758

Она возникает от взмахов крыл Люцифера (Ада XXXIV, 50–52).

[759] Примечания: 759

Тень эта принимает Данта и Виргилия за грешников, которые по важности совершенной ими измены идут занять место в последнем отделе этого круга — в Джиудекке.

К льдяному дну, коль уз с тебя не скину.»

118. И он тогда: «Монах я Альбериг![760]
В глухом саду я прозябал в злом теле:
Здесь финики вкушаю вместо фиг.»[761]

121. «Как!» я вскричал: «ты умер в самом деле?»
А он в ответ: «Что с плотью моей
Там на земле, не ведаю доселе.

124. Та выгода быть в Птоломее сей,
Что часто шлет к ней души рок суровый,
Хотя б им Парка не пресекла дней.[762]

---

[760] Примечания: 760

Альбериго де' Манфреди, монах из Веселой Братии (Ада XXIII, 103 и пр.), член могущественного дома Манфреди, в Фаэнце дома, стоявшего во главе гвельфской партии. Однажды, поссорившись с родственником своим Манфреди де' Манфреди, Альбериго получил от него пощечину. Пылая мщением, он скрыл однако ж свою злобу и, по-видимому, примирился с Манфреди. Для заключения окончательного примирения он пригласил Манфреди с его сыном Альбергетто, еще почти ребенком, к себе на пир. В конце обеда он закричал: «принесите фрукты!» на этот условленный знак прибежали Уголино и Франческо де' Манфреда и убили несчастного отца с сыном. Филадетес.

[761] Примечания: 761

Mathaeus de Griffonibus говорит, что фрукты брата Альбериго вошли в пословицу; Данте делает, по-видимому, намек на эту поговорку, а также и на то, что убийство, согласно с преданием, совершено в саду. Смысл

этой пословицы: за худое получаю худшее, или из огня да в полымя.

[762] Примечания: 762

В подлин. Атропос, парка, перерывающая нить жизни, смерть.

127. Но чтоб охотней сбросил ты оковы

Остекленевших слез с моих ланит,

Узнай: едва душа составит ковы,

130. Как сделал я, уж в тело в ней спешит

Вселиться бес и телом управляет,

Доколь она срок жизни совершить.[763]

133. Душа меж тем в сей кладезь упадает

И, может быть, жив телом, и поднесь

Тот дух, что здесь за мною холодает.

136. Его ты знал, коль ты недавно здесь:

То Бранка д' Ориа; он в стране прокля-

[763] Примечания: 763

«Как скоро душа изменит другу, тотчас вся любовь ее исчезает, душа цепенеет во льду вечной ненависти, она утратила жизнь и все ее удовольствия; она умерла вживе и все ее действия устремлены к одной цели — делать зло.» Копишь.

тья[764]

Уж много лет, как льдом окован весь.»

139. А я ему: «Могу ли доверят я?

Ведь д' Ориа еще не умирал:

Он ест и пьет и спит и носит платья.» —

142. «К Злым-Лапам в ров,» монах мне отвечал:

«Где липкая смола вздымает пену,

Еще Микеле Цанке не бывал,

145. Как в тело Бранки бес вступил на смену

И в хитрого племянника его,

С которым вместе он свершил измену.

148. Простри ж персты и с лика моего

Сними кристалл.» – Но я его оставил,

---

[764] Примечания: 764

Сер Бранка д'Ориа, генуезец, из гибеллинской фамилии Д' Ориа, в союзе с своим племянником, изменнически умертвил во время дружеской трапезы своего тестя Микеле Цанке (Ада XXII, 88 и пр.), чтоб завладеть его поместьями в Сардинии. Подробнее о д' Ориа и Спинола, двух фамилиях, управлявших в то время Генуей, см. у Филалетеса, Die Hölle p. 282.

Почтя за счастье обмануть его.[765]

151. О Генуезцы, род без всяких правил!
Род полный лжи, предательский и злой, —
Когда б Господь ваш мир от вас избавил![766]

154. С подлейшею романскою душой
Я зрел из вас такого, что за дело,[767]
Как дух, в Коците стынет под волной,

157. Хоть, кажется, и здравствует как тело.

---

[765] Примечания: 765

Данте изменяет данному слову. «Этот поступок ставили в упрек поэту; но на земле он конечно бы так не поступил. Мог ли он представить нам свой яд ужаснее, нам изобразив его таким местом, где исчезают все человеческие чувства и где нарушаются все понятия о долге? Выше он выказывал более человеколюбия, но здесь — он на дне ада.» Каннегиссер.

[766] Примечания: 766

Этой выходке Данта против Генуезцев может служить оправданием следующее место из собственного их летописца Иакопо д' Ориа. Изобразив цветущее состояние, торговлю и богатство Генуи, он прибавляет: «Но хотя Генуя и стояла тогда на такой степени могущества славы и богатства, однако ж, не смотря на то, стали появляться все чаще и чаще убийцы, злодеи и всякого рада нарушители правосудия нам внутри, там и вне городя; ибо эти злодеи в правление упомянутого подесты день и ночь ранили и убивали друг друга мечами и копьями. Поэтому мудрые (sapientes, buon' uomi, prud' hommes) положили на общем совете избрать из среды своей 18 предусмотрительных и умных людей, предоставив им на месяц полную свободу и власть делать

все, что найдут они необходимым для водворения спокойствия в городе (bonum statum ciyitatis).» (Annal. Genuea. Mur. Sc. rer. It. Vol. VI, 608). Замечательно, что Данте в одной и той же песне беспощадно порицает два соперничествовавшие между собою города — Геную и Пизу. Филалетес.

[767] Примечания: 767

Душа из Романьи есть Альбериго, родом из Фаэнцы в Романье; другая же тень есть генуезец Бранка д'Ориа.

Песнь XXXIV

Содержание. Наконец поэты вступают в последний четвертый отдел девятого круга – в Джиудекку, названную так по имени Иуды Искариотского; здесь совершается казнь над величайшими грешниками – изменниками своим благодетелям и Богу. В различных положениях совершенно затертые льдом, они просвечивают как пузырьки в стекле. Виргилий указывает Данту на творение, имевшее когда-то прекрасный лик – на Люцифера, который в сумраке воздуха представляется поэту вдали как мельница, движущая крыльями. Сильный ветер заставляет Данта укрыться за Виргилием. Меж тем гигантский образ Люцифера становится явственнее: он до полугруди восстает над ледяной пещерой; на голове его три лица: красное, черное и бледно-желтое, и под каждым лицом по паре крыл бесперых как у нетопыря: из-под них дуют три ветра и замораживают Коцит. В каж-

дой пасти у него по грешнику: в красной Иуда, в черной Брут, в бледно-желтой Кассий. – Наступает ночь, и поэты, обозрев преисподнюю, готовятся к выходу из ада. Данте обхватывает руками шею Виргилия и в ту минуту, когда распахнулись крылья Люцифера, Виргилий хватается за шерсть его тела: таким образом, он спускается сверху вниз до бедр чудовища. Достигнув этой точки, соответствующей центру земли и вселенной, Виргилий опрокидывается головою туда, где были его ноги, и отсюда как от центра тяжести начинает восходить снизу вверх к другому полушарию, хватаясь за клочья шерсти чудовища и идя по ним как по лестнице. Выйдя сквозь отверстие скал в цилиндрический узкий ход, ведущий на южное полушарие, Виргилий сажает ученика на уступ скалы; Данте поднимает очи и с изумлением видит ноги Люцифера, поднятые к верху. Виргилий объясняет ему это явление, а вместе с тем излагает космологию земного шара, замечая, что солнце уже взошло. Потом начинают они свое восхождение к южно-

му полушарию по направлению потока, бегущего по цилиндрическому подземному ходу спирально в ад и оглушающего этот ход своим ропотом. Наконец, Данте видит сквозь круглое отверстие бездны прекрасные светила, украшающие небо, и пред рассветом выходит к подножию горы Чистилища и созерцает звезды.

1. «Vexilla regis prodeunt inferni[768]

На встречу к нам!» сказал учитель мой;

«Направь же взор к сему сквозь мрак вечерний.»

4. Как в час, когда ваш мир задернут мглой,

Являются в дали туманной взору

Размахи крыльев мельницы боль-

[768] Примечания: 768

Vexilla regis prodeunt inferni — начало несколько измененного Дантом католического гимна; слова эти значат в переводе: знамена Ада приближаются к нам.

шой:[769][770]

7. Такое зданье я узрел в ту пору.

Тогда я стал, от ветра, за вождем,

За тем, что в нем имел одну опору,

10. Страшусь сказать: я был уж там, где льдом

Со всех сторон затерты духи злые,

Как пузырьки мелькая под стеклом.

13. Лежат одни, приподняты другие;[771]

Кто вниз ногами, кто главой поник;

Кто, согнуть в лук, прижать ногами к вые.

---

[769] Примечания: 769

Не без умысла сравнен Люцифер с мельницею, если вспомним, что он зубами дробить по грешнику в каждом из трех своих зевов. Копишь.

[770] Примечания: 770

«Адский ветр, волновавший, как мы видели, сперва море житейское (Ада I, 22–24), потом укрощенный блеском божественной молнии, (Ада III, 133–134) и, наконец, явлением божественного посла (Ада IX, 64–72), теперь с большею яростью повеял на поэта; но он берет в защитники Виргилия, разум человеческий, и смело идет ему на встречу.» Копишь.

[771] Примечания: 771

Поэты вступают в последнее отделение Коцита, в так наз. Джиудекку (ст. 117), где казнится грех высочайшего эгоизма — измена благодетелям и Богу. «Здесь полнейшая замкнутость души самой в себе: все горе здесь тяготеет прямо на сердце; здесь грешники вполне оцепенели во

льду своих грехов; здесь никакое человеческое движение не имеет уже места: все тут окаменело как от окаменяющего взгляда Медузы (Ада IX, 56–61 и примеч.) Копишь.

16. Как скоро вождь в те области проник,

Где он желал мне указать творенье,

Имевшее когда-то дивный лик,[772] —

19. Стать пред собой он дал мне повеленье,

Сказав: «Бог Дис и вот страна, где вновь

Вооружись отвагой на мгновенье.»

22. Как я немел, как леденела кровь,

Тебе, читатель, я сказать не в силах:

То выразить ни чьих не станет слов.

25. Не умер я, но жизнь застыла в жилах:

Вообрази ж, чем в ужасе я стал,

И жизнь, и смерть, утратив в сих могилах.

28. Владыка царства вечных слез воз-

---

[772] Примечания: 772

Это создание, когда-то прекраснейшее и светлейшее из Ангелов, теперь безобразнейшее чудовище, есть сам Люцифер, Вельзевул, Дис (имена у Данта однозначащие); возмутившись против своего Создателя, он вместе с своим воинством был свергнут в эту пропасть Архангелом Михаилом (Ада VII, 12).

стал

До полугруди над льдяной пещерой,

И пред гигантом я не так был мал,

31. Как мал гигант пред дланью Люцифера:

Представь же сам, каков был рост его,

Коль члены в нем столь страшного размера.[773]

34. И если он, восстав на своего

Творца, тем гнусен стал, как был прекрасен,[774]

То он отец конечно зла всего.

37. О, дивный вид! как был мне Дис ужасен,

Когда узрел я три лица на нем:

Один передний – был как пламя красен;

---

[773] Примечания: 773

Приняв величину гигантов, по вышеприведенному расчислению (Ада XXXI, 59 и пр.), в 54 париж. фута, а длину человека обыкновенного роста в 72 дюйма или 6 футов, найдем, что рука Люцифера по малой мере должна равняться (54x64)/6 или 405 пар. футам, а как рука составляет 1/3 длины тела, то выходить, что весь рост Люцифера равняется 1458 париж. футам, или 810 браччиям. Филалетес.

[774] Примечания: 774

В подлин.: S' ei fu si bel, com' egli è ora brutto; простой народ в Неаполе и до сих пор называет Сатану *brutto falto.*

40. Другие ж два сливались с тем лицом

В средине плеч и, сросшись у вершины,

Вздымались гребнем над его челом.

43. Был бледно-желт лик правой половины;

Но тот, что слева, цвет имел людей,[775]

Живущих там, где Нил падет в долины.[776]

46. Шесть грозных крыл, приличных птице сей,

Под каждым ликом по два выходили:

Таких ветрил не зрел я средь морей!

---

[775] Примечания: 775

Древние комментаторы видели в красном лице символ гнева, в бледно-желтом — символ зависти, в черном — символ праздности и лени. По толкованию Ломбарди, различные цвета лиц обозначают три тогда единственно известные страны старого света, на которые жадными глазами смотрит Люцифер: красное соответствует розовому цвету лица Европейцев, бледно-желтые — цвету азиатского или монгольского племени, черный — цвету Мавров и Негров. Если допустить, что поэты спустились в адскую бездну из Италии, обратившись лицом к Иерусалиму (через который, по представлению Данта, проходить продольная ось ада), и теперь, описав почти полную спираль (как можно заключать из Ада XIV, 127), опять идут в прежнем своем направлении, т. е. обратившись лицом к Иерусалиму, то лицо Люцифера, обращенное к Азии, направлено на право, а лице, обращенное к Африке, — на лево. Филалетес.

[776] Примечания: 776
Т. е. было черно, как у народов, обитающих у водопадов Нила.

49. Бесперые, на крылья походили
Нетопыря: так ими он махал,
Что из-под них три ветра бурей выли,

52. Коцит же весь от стужи замерзал.
Шестью очами плакал он и током
Кровавых слез три груди орошал

55. Как мялами, он в каждом рте глубоком[777]
Дробил в зубах по грешнику, зараз
Казня троих в мучении жестоком.

58. Но мощь зубов переднему сто раз
Сноснее лап, которыми по коже
Сняты его он проводил под час.

61. И вождь сказал: «Вон тот, казнимый строже,
С главой внутри, с ногами ими зубов, —
Искариот на раскаленном ложе!

61. Из двух других висящих вниз духов —
Вот Брут торчит главой из пасти темной:

---

[777] Примечания: 777
Мяло (maciulla), орудие, которым мнут лен, или пеньку.

Смотря, как там крутится он, без слов![778]

67. А тот плечистый – Кассий вероломный. —

Но сходит ночь: уже пора нам в путь;[779]

Все видели мы в бездне сей огромной.» —

70. Он мне велел припасть к нему на грудь

И, выждав миг, чтоб распахнулись крылья,

К косматым ребрам поспешил прильнуть.

---

[778] Примечания: 778

64. «Чудовищный образ Люцифера задуман по идее весьма глубокомысленной. Вооруженный бесперыми крыльями, свойственными только птицам ночи, чем более усиливается он взлететь на них, тем более чувствует вечную свою неволю; ибо поток греховный, им же возбуждаемый (Ада XIV, 112 и прим.), обратно устремляет к нему свои волны, которые и замерзают в мертвый лед от веяния крыл его — прямая противоположность тому потоку блаженства, который, исходя свыше, животворит вселенную (Рая XXX, 61). Как прекрасен был некогда Люцифер, так теперь он гнусен. Безобразно-страшным чудовищем воздымается он в средоточии вселенной, в центре тяжести амфитеатра адских кругов — исполинский символ самой черной совести. В каждом из трех своих зевов он терзает по одному грешнику; но, сам мучитель, плачет, на себе испытуя жесточайшую муку, плачет кровавыми слезами, орошающими три соединенные вместе лица его! Мудрость божественная уже не светит ему, мысль о Божием всемогу-

ществе есть его огненная мука, а от святой любви божественной он сам отложился: таким образом, испытует он сам на себе все казни своего тройственного царства — тьму, жар и холод (Ада III, 87 и пр). Из очей его черного лица льются слезы его ч*увственного ослепления,* слезами кроваво-огненного лица он оплакивает свое дерзновенное *насилие;* бледно-желтый заливается слезами его *обмана.* Этим трем греховным побуждениям соответствуют и три бури, возбуждаемые его крылами; им же соответствуют и три чудовища первой песни: обезумливающий сладострастием Барс, угрожающий насилием Лев и, мать обмана, губительная своею скупостью Волчица. Три грешника испытывают злейшую муку в тройственной власти Люцифера: в передней — Иуда, предатель своего Божественного Благодетеля и царствия Божия: за то и казнь ему из всех жесточайшая; другие два виновны вереД светскою властью Римской Империи, как изменники своей верховной главе и благодетелю Цезарю; они висят вниз головами: увлеченный страстями Брут из черной, действовавший по холодному расчету Кассий из бледно-желтой пасти. Так на самом дне ада Данте является в одно время и Христианином и гибеллином.» Копишь.

[779] Примечания: 779

И так время теперь между 5 и 6 часов вечера 26 Марта, 6 или 9 Апреля; след. теперь опять ночь, как и в начале замогильного странствования, из чего заключить должно, что Данте находился в аду 24 часа, из которых 12 употреблено на прохождение шести верхних и 12 на прохождение трех нижних кругов (Ада II и XI). Филалетес.

73. И в след за тем, усугубив усилья

По клочьям шерсти и коре льдяной,

Как с лестницы, спускалась тень Виргилья.

76. Когда же мы достигли точки, той,

Где толща чресл вращает бедр громаду,[780] —

Вождь опрокинулся туда главой,

79. Где он стоял ногами, и по гаду,

За шерсть цепляясь, стал всходить в жерло:[781]

Я думал, вновь он возвращался к аду.

82. «Держись, мой сын!» сказал он, тяжело

---

[780] Примечания: 780

Т. е. до бедренного сочленения, которое положением своим соответствует почти средине тела.

[781] Примечания: 781

Если вообразим себя в центре земли, то для того, чтобы перейти на другое полушарие, мы действительно не можем представить себе другого средства, кроме того, к которому прибегает теперь Виргилий, т. е. мы должны перевернуться так, чтобы голова была там, где прежде были ноги. Поэтому очень естественно, что Виргилий опускался вниз до тех пор, пока не достиг центра земли; а потом, перепрокинувшись, и миновав эту точку, должен был подыматься вверх, хотя и в том и в другом случае двигаться все по одной линии. Столько же естественно и то, что, так как средина Люцифера совершенно соответствует центру земли, и так как верхняя половина его тела находится внутри нашего,

а нижняя внутри другого полушария, то путники, перешедши этот пункт, должны видеть ноги Люцифера поднятыми вверх. Впрочем, все это имеет и нравственный смысл. Средоточие земли, по представлению поэта, есть не только центр тяжести физической, но и духовной, — центр, к которому тяготеет все материальное, греховное, тогда как все очищенное от греха, все чистое и духовное, представителем коему сам Данте, стремится к небу и притом дорогой диаметрально противоположной той, которая ведет к началу греха — Люциферу. Это две духовные силы центробежная и центростремительная господствуют во всей поэме. Штрекфусс.

Переводя свой дух от утомленья!
«Вот путь, которым мы покинем зло.»

85. Тут в щель скалы пролез он, на каменья
Меня ссадил у бездны и в виду
Стал предо мною полон благоволенья.

88. Я поднял взор и думал, что найду,
Как прежде, Диса; но увидел ноги,
Стопами вверх поднятые во льду.

91. Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,
Какую грань я миновал в дороге.[782]

94. «Встань на ноги,» заговорил пиит:
«Наш дальний путь тяжел и дня светило
Уж третий час как на небе горит.[783]»

---

[782] Примечания: 782

Т. е. центр тяготения всего мира (по представлению поэта).

[783] Примечания: 783

Третий час (в подлин.: a mezza terza), т. е. 2 1/2 часа по восхождении солнца (т. е. уже утро), смотря по тому, в каком месяце примем начало странствия Данта — в Марте или Апреле: если в Марте, то теперь на южном полушарии 1/2 9 часа утра, а на нашем 1/2 11 часа вечера; а если в Апреле, то теперь 8 часов утра на южном и 10 часов вечера на нашем полушарии. Филалетес.

97. Не во дворце идти нам должно было,

Но под землей в естественной тюрьме,

Где рыхло дно, где солнце не светило.

100. «Пока в сей бездне мы идем во тьме,»

Сказал я, встав: «премудрыми речами

Свет истины разлей в моем уме.

103. Скажи, где лед? как погружен ногами

Вверх Люцифер? как к утру царь планет

В столь краткий срок достиг уже над нами?[784]*»*

106. «Ты думаешь,» учитель мне в ответ:

«Что ты еще за центром, где вцепился

---

[784] Примечания: 784

Поэты употребили только 2 1/2 часа на путешествие по клочьям шерсти Люцифера, а между тем солнце перешло уже от вечера к утру: это удивляет Данта; но Виргилий (ст. 118) объясняет ему, что если за одном полушарии ночь, то на другом день, особенно у антиподов. Так как поэты вышли на южное полушарие в точке совершенно противоположной той, в которой они вошли в ад на нашем полушарии, то очевидно, что, на сколько вперед подвинулся день на одной стороне земли, на столько подвинулась ночь за другой.

Я в шерсть червя, что точить целый свет,[785]

109. Ты был за ним, пока я вниз стремился;

Когда ж всходил я, центр ты миновал,

Куда весь груз отсюду устремился.

112. И ты теперь под эмисферой стал,

Напротив той, что облеклась когда-то

Великой сушей, где на выси скал[786]

115. Был распят Тот, кто жил и умер свято.[787]

Ты здесь стоишь на сфере небольшой, —

Другом лиц Джудекки, льдом объятой.[788]

---

[785] Примечания: 785

Грешную землю Данте представляет яблоком, которого сердцевину точит червь, — отец греха. Копишь.

[786] Примечания: 786

По представлению поэта, Иерусалим с горою Голгофою составляет средоточие и высшую точку нашего (европейского) полушария, тогда как противоположное полушарие, согласно с мнением тогдашних географов, покрыто морем. «Ista est Jerusalem, in medio gentium posui eam et in circuitu ejus terram.» Vulg. Ezech. V, *5.* Антиподом Иерусалиму служит гора Чистилища.

[787] Примечания: 787

Имя Христа ни разу не упоминается во всем Дантовом Аде. Ломбарди.

[788] Примечания: 788

Центр земли помещен, с одной стороны, между Коцитом или Джиудеккою, а с другой — между тем местом, куда вышли поэты, миновав центр (ст. 85): это-то место и называет Данте другим лицом Джиудекки, ибо оно имеет тоже положение, туже величину и настолько же отстоит от центра земли, как и самая Джиудекка.

118. В стране сей день, как скоро ночь на той;

А тот, чья шерсть нам лестницей служила,

Как я сперва, повергнут вниз главой.

121. Сюда он пал пред громом Михаила,

И та земля, что прежде здесь была,

От ужаса свой лик под морем скрыла

124. И к эмисфере нашей отошла;

А часть земли из бездны сокровенной

Над ним в испуге гору вознесла.[789]»

127. Есть ход в земле, настолько удаленный

---

[789] Примечания: 789

Различное отношение двух полушарий произошло, по представлению Данта, следующим образом: Люцифер свергнут с неба за полушарие, противоположное европейскому, при чем он погрузился в землю, как стрела, головою вниз, так, что голова его обращена к европейскому, а ноги к южному полушарию. Часть суши, покрывавшей до его падения южную половину земного шара, в ужасе устремилась к нашему полушарию и на нем поднялась в гору Сион; большая же часть суши покрылась морем. Но часть земли, вытесненная Сатаною, отхлынула в вышину позади падшего, образовав в земле цилиндрический ход, в котором теперь поэты, а на южном полушарии, обращенном к поэтам, поднявшись в гору Чистилища.

От Вельзевула, сколько ад глубок.[790]

Незримый, в нем журчит во мгле сгущенной

130. Сквозь щель скалы бегущий ручеек:[791]

Прорыв скалу извивистой волною,

Он в бездну мчит по склону бурный ток.

133. Мой вождь и я сей тайною тропою

Спешили свой выйти, в Божий свет,

И, не предавшись ни на миг покою,

136. Взбирались вверх, он первый, я во след,

Пока узрел я в круглый выход бездны

---

[790] Примечания: 790

От Люцифера ведет на другой полушарие цилиндрический ход, коего длина равняется длине всего ада, или, другими словами, отдаление от поверхности земли вашего полушария до средины Люцифера равняется отдалению средины Люцифера до поверхности другого полушария, именно и то и другое равно радиусу земли, или половине ее диаметра.

[791] Примечания: 791

Как слезы статуи времени с горы Иды на ос. Крите (Ада XIV, 94-120 и пр.) текут с нашего полушария в ад, где сливаются в четыре адские реки: так точно и с южного полушария происходит ручей с горы Чистилища и течет в ад до его центра. Этот ручей означает, по объяснению комментаторов, слезы раскаяния, текущие в мрак забвения и замерзающие у ног Вельзевула, отца грехов.

Лазурь небес и дивный блеск планет

139. И вышли мы, да узрим своды звездны.[792]

19 Марта 1844.
Москва.

[792] Примечания: 792

Так как время, когда вышли поэты из ада, близко к восходу солнца, как показывает первая песнь Чистилища, то значит, что теперь 27 Марта, 7 или 10 Апреля (рано утром на южном полушарии, или вечер в Иерусалиме), смотря потому, какое примем из трех мнений касательно первого дня замогильного странствования Данта. Из этого далее видно, что Данте употребил еще 24 часа для восхождения от центра земли к южному полушарию: медленность эта объясняется трудностью восхождения, а с тем вместе имеет и глубокий нравственный смысл. «Lata porta, et spatiosa via est, quae ducit ad perditionem, et multi sunt, qui intrant per eam. Quam angusta porta, et areta via est, quae ducit ad vitam, et pauci sunt, qui inveniunt eam!» Vulg. Evang. sc. Matth. Cap. VII. 13–14.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»